

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 3 • Том 18 • 2025 •
ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

<http://www.vestnik-translation.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-28752 от 04.07.2007

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1946

Series 22
LOMONOSOV TRANSLATION STUDIES JOURNAL

No. 3 • Volume 18 • 2025 •
JULY–SEPTEMBER

Publishing house of Moscow State University

Published once every three months

<http://www.vestnik-translation.ru/>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor) of the Russian Federation

Certificate of Registration: PI No. FS 77-28752 of 04.07.2007

Founder: Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна**, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкурлов Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан КёЁн**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Хараидис Элефтерис Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Гре-

ция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD:

Nikolai K. Garbovskiy, Editor-in-Chief, Academician at the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Olga I. Kostikova, Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Ludmila A. Mozgovaya, Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Irina S. Alexeeva, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Henri Awaiss**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Christian Balliu, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Yevgeniy V. Belsky**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Eleferios K. Charatsidis, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Martin Forstner**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany);

Vera Ye. Gorshkova, Professor, Dr. Sc. (Philology), Irkutsk State University (Russia); **Nina B. Isolauti**, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland);

Georgiy T. Khukhuni, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Yulia N. Koltsova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Hannelore Lee-Jahnke, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Larisa A. Manerko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Roman A. Matasov, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mikhail N. Marusenko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia);

Nadezhda N. Mironova, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Edward N. Mishkurov**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Pan Yong-Kyo, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea);

Peter Holzer, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Enrique F. Quero Gervilla**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Peter A. Schmitt, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany); **Yevgeniy G. Torsukov**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Maurizio Viezzi, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Maria N. Yesakova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Общая теория перевода

- Гу Цзюньлин, Сян Янань. Переводческие ошибки в аспекте философии: феномен, суть и причины. 7
- Мэн Ся, Ли Цяньцянь. О переводе «Шань Хайцзин» («Каталог гор и морей») Э.М. Яншиной с позиций теории социальных практик Пьера Бурдьё. 25

Методология перевода

- Ван Цзы. О передаче составных имён собственных с русского на китайский язык. 46
- Михайловская М.В. Способы реализации иронии в выступлениях российских политических деятелей и их передача в синхронном переводе. 63
- Мохаммади Захра, Сейфоллахи Махди. Обзор персидских переводов произведений М.М. Зощенко: передача иронии и смеха в сатирических и юмористических произведениях с русского на персидский язык. 77
- Трубина О.Б. О жаргоне в аспекте перевода. 94

Лингвистические аспекты перевода

- Ван До. Экспликация знаний при переводе китайской политической терминологии: корпусный подход. 105
- Го Лицзюнь, Щетинина А.В. Семантика восторга в русском и китайском языках. 127

Слово молодым исследователям

- Кожачкина Д.Н. “To-morrow, and to-morrow, and to-morrow”: проблема перевода на русский язык монолога-метатекста из пьесы У. Шекспира «Макбет». 144

CONTENTS

General Translation Theory

- Gu Junling, Xiang Yanan.* Translation errors in the aspect of philosophy: phenomenon, essence and causes 7
- Meng Xia, Li Qianqian.* Research on the translation of “Shan hai jing” (“The classic of mountains and seas”) by E.M. Yanshina from the perspective of Pierre Bourdieu’s theory of practice 25

Translation Methodology

- Wang Zi.* On the Transfer of Compound Proper Names from Russian into Chinese. 46
- Mikhailovskaya M.V.* Exploring the ways of irony manifestation in public speeches of Russian politicians and their simultaneous interpretation 63
- Mohammadi Zahra, Seifollahi Mahdi.* A review of Persian translations of Mikhail Zoshchenko’s works: conveying irony and humor in satirical and humorous works from Russian to Persian 77
- Trubina O.B.* About jargon in the translation aspect 94

Linguistic Aspects of Translation

- Wang Duo.* Knowledge Explication in Translating Chinese Political Terminology: A Corpus-Based Approach. 105
- Guo Lijun, Shchetinina A.V.* Semantics of delight in Russian and Chinese. 127

The floor is given to young researchers

- Kozhachkina D.N.* “To-morrow, and to-morrow, and to-morrow”: The problem of the translation of Macbeth’s monologue into Russian 144

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-7-24

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ В АСПЕКТЕ ФИЛОСОФИИ: ФЕНОМЕН, СУТЬ И ПРИЧИНЫ

Гу Цзюньлин

Чжэнчжоуский университет, КНР

Сян Янань

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Для контактов: 852600325@qq.com, 469022392@qq.com

Аннотация. Существуют некоторые общие черты между человеческими языками, так как формы мышления разных народов похожи. Общность языков является основой для перевода различных национальных культур. Всё ещё существуют различия в моделях человеческого мышления, которые приводят к трудностям или даже ошибкам в переводе. Ошибки перевода отражаются в языковой трансформации, а онтологические причины таких ошибок базируются на культурных и когнитивных различиях. Наличие переводческих ошибок показывает, что носителей разных языков отличает мировидение. Ценность изучения неправильного перевода в аспекте философского подхода заключается в том, что в переводческих ошибках мы обнаруживаем, что разные народы имеют свою философию отношения к миру, а переводческие ошибки показывают различия в отношениях между разными народами, человеком и миром в целом.

Ключевые слова: переводческие ошибки, культурные противоречия, межкультурные отношения, способы мышления и категоризации, эрратология перевода

Благодарность. Данная статья написана при поддержке гранта гуманитарных и социальных наук провинции Хэнань «Переводы древней

китайской поэзии на русский язык: критический анализ и поиск новых путей их распространения в русскоязычной среде в цифровую эпоху» (2023ВУУ019); и гранта в области социальных наук провинции Хэнань на 2024 год «Русский язык + Интеллектуальные технологии: методы и модели подготовки высококвалифицированных специалистов в области переводческих услуг в провинции Хэнань»

Для цитирования: Гу Цзюньлин, Сян Янань. Переводческие ошибки в аспекте философии: феномен, суть и причины // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 3. С. 7–24. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-7-24

Статья поступила в редакцию 13.04.2024;
одобрена после рецензирования 09.10.2025;
принята к публикации 15.10.2025.

TRANSLATION ERRORS IN THE ASPECT OF PHILOSOPHY: PHENOMENON, ESSENCE AND CAUSES

Gu Junling

Zhengzhou University, China

Xiang Yanan

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

For contacts: 852600325@qq.com, 469022392@qq.com

Abstract. There are some common features between human languages, since the forms of thinking of different peoples are similar. The commonality of languages is the basis for the translation of different national cultures. There are still differences in human thinking patterns that lead to difficulties or even errors in translation. Translation errors are reflected in language transformation, and the ontological reasons for such errors are based on cultural and cognitive differences. The presence of translation errors shows that speakers of different languages have different worldviews. The value of studying incorrect translation in the aspect of a philosophical approach lies in the fact that in translation errors we discover that different peoples have their own philosophy of attitude towards the world, and translation errors show differences in the relations between different peoples, individuals and the world as a whole.

Keywords: translation errors, cultural contradictions, intercultural relations, ways of thinking and categorization, translation erratology

---

© Gu Junling, Xiang Yanan, 2025

Gratitude. This article was written with the support of the Henan Humanities and Social Sciences grant “Translations of Ancient Chinese Poetry into Russian: Critical Analysis and Search for New Ways to Disseminate Them in the Russian-Speaking Environment in the Digital Age” (2023BYY019); and the 2024 Henan Social Science Grant “Russian Language + Intelligent Technologies: Methods and Models for Training Highly Qualified Specialists in the Field of Translation Services in Henan Province”

For citation: *Gu Junling, Xiang Yanan* (2025). Translation errors in the aspect of philosophy: phenomenon, essence and causes. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 3. P. 7–24. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-7-24

The article was received on April 13, 2024;
approved after reviewing on October 09, 2025;
accepted for publication on October 15, 2025.

Введение

Переводческие ошибки возникают тогда, когда переводимый язык отличается в аспектах грамматики, семантики, прагматики или не соответствует нормам целевого языка. Они, соответственно, делятся на грамматические, семантические, прагматические и стилистические ошибки. Неправильный перевод является сопутствующим явлением переводческой деятельности. Цель изучения неправильного перевода (как и цель исследования ошибок в других дисциплинах) состоит в том, чтобы определить путь достижения правильного перевода. Изучение переводческих ошибок в аспекте философии заключается в поиске сути неправильного перевода. Эпратология перевода — один из объектов изучения переводоведения, поэтому философская концепция перевода является руководящей в рамках проблемы изучения неправильного перевода. В процессе перевода необходима координация между когницией переводчика и миром исходного языка, миром целевого языка, авторским миром вне текста, миром читателя/слушателя и макрокультурным миром. Неправильный перевод — это результат проявления противоречий и конфликтов в одном из звеньев следующей цепи: культурный мир > мир авторов > мир исходного языка > мир исходного языка в понимании переводчика > мир в понимании читателя/слушателя — носителя целевого языка. Мир переводчика и мир исходного языка не могут полностью совпадать, и даже совпадающие части являются в высокой степени вероят-

ности областями возникновения неправильного перевода. Другими словами, неправильный перевод вызван отсутствием ясности в отношениях между миром переводчика и исходного языка, что всегда сопутствует переводу. Поэтому переводческие ошибки стали привычным объектом в исследованиях переводоведения. В статье делается попытка разобрать конфликты разных типов отношений, стоящих за феноменом переводческих ошибок, их сути и причин существования неправильного перевода.

1. Ошибки перевода: объективный феномен «бытия»

Проблема изучения объективного существования поднималась в философии неоднократно. Западная философия прошла три исторических этапа в изучении проблемы «бытия», то есть в западной философии наблюдается три «поворота» в её исследовании. Первый «поворот», представленный Платоном и Аристотелем в Древней Греции, изучает «само бытие»; второй этап — это «эпистемологический поворот», представленный Декартом в XIX веке, он анализирует то, как люди признают «бытие»; третий этап — это «лингвистический поворот», представленный Г. Фреге и Б. Расселом на рубеже XIX и XX веков, он изучает «бытие», воплощённое в языке (潘文国 / Пан Вэнгуо, 2008: 68–73). Язык — последняя родина людей (钱冠连 / Цянь Гуаньянь, 2005: 1). Таким образом, с помощью языка, особенно в аспекте перевода, мы, безусловно, можем исследовать бытие людей и мира в целом.

Категория «бытия» в аспекте философии суть абстрактное существование, а переводческие ошибки — это явление объективного существования, которые невозможно полностью устранить. Причину неправильного перевода можно объяснить следующим образом: мир исходного языка и мир целевого языка разорваны и изолированы друг от друга во времени и пространстве. При установлении взаимосвязи между этими двумя мирами переводчик сталкивается с рядом факторов, такими как эмоциональные ситуации, языковые факторы, исторические факторы, идеологические факторы и факторы когнитивного уровня. Эти факторы являются условиями возникновения неправильного перевода. Переводческие ошибки — это вариант «настоящего» бытия в языке здесь и сейчас (с учётом различных характеристик каждого случая) в сочетании с объективным «бытием», отличающимся от языка оригинала.

Переводчик — это и субъект перевода, и решающий фактор неправильного перевода. Переводчики переводят по собственно-

му опыту в соответствии со своим родным языком и миром, в котором они живут, т.е. в соответствии с языковой картиной мира, которая сама является сложным явлением (Пименова, 2012). Различные внешние силы в разной степени влияют на восприятие и понимание переводчика, составляющих суть когнитивной обработки языка оригинала и целевого языка перевода. «Часть мира исходного языка, которая транслируется на переводимый мир, освещается светом “бытия” переводчика. Затенённая часть мира исходного языка вызвана тенью “отсутствия” переводчика в мире исходного языка». Другими словами, переводчик не может иметь то же «бытие», что имеет автор. Переводчик идёт в мир исходного языка, перенося переводимый смысл фрагмента «бытия» и освещая его. Часть мира исходного языка «переходит» в мир целевого языка, это часть, освещаемая «бытием» переводчика, где мир переводчика совпадает с миром исходного языка. Скрытая часть мира оригинала объясняется «отсутствием» переводчика в мире исходного языка. Затенённая, неосвещённая часть мира является источником и, в итоге, следствием переводческих ошибок. Сложность перевода связана с границами нашего бытия, «от которого мы не можем уйти» (陈永国 / Чэнь Юнгуо, 2005: 118). Перевод зависит от фактора «присутствия» переводчика, то есть от влияния родного языка на образ мышления.

Переводческие ошибки — это несовпадающая часть мира исходного и целевого языков, непонятая переводчиком. Посредством замеченного неправильного перевода мы можем догадаться, что эта часть мира для переводчика оказалась невидимой, непонятной, неосвоенной. За неправильным переводом стоят конфликты и различия между миром переводчика и миром исходного языка. Хотя переводчики говорят на двух или нескольких языках, но большинство из них не являются их носителями. Переводчик вырос в мире, окружённом его родным языком. Процесс когнициии состоит в том, что человек устанавливает определённую связь с миром через свой родной язык. Неверный перевод показывает, что «бытие» переводчика в мире отличается от «бытия» автора исходного языка.

2. Суть переводческих ошибок: противоречия в «отношениях»

Переводческие ошибки происходят всегда, это связано с вечной проблемой непереводимости. Неправильный перевод может происходить в самом процессе перевода. Исследования переводческих ошибок представляют итог неправильного перевода независимо от

общей структуры переводческой деятельности с целью показать его связь с субъектом и объектом перевода. Межъязыковая трансляция помогает выявить отношения, лежащие за пределами языка: отношение между автором исходного языка и миром, отношение между переводчиком и миром, отношение между читателем/слушателем исходного языка и миром, а также отношение между читателем/слушателем целевого языка и миром. Феномен неправильного перевода показывает противоречие «отношений»: противоречие между автором, оригиналом-произведением автора, переводческой работой, переводчиком и читателем/слушателем. Неправильный перевод отображается во взаимоотношениях между автором, переводчиком и произведением. Неправильный перевод — фокус противоречий между ними. Другими словами, если между указанными тремя элементами существует контрадикторная связь, тогда возникает неправильный перевод. Неправильный перевод — это результат недопонимания в отношениях между субъектами и объектами перевода. Переводческие ошибки отражают противоречие между указанными тремя видами отношений. «Бытие в бытии перевода» — это онтология неправильного перевода.

Цель перевода — «общаться и понимать друг друга», неправильный перевод — это результат «недопонимания». Переводческие ошибки — «э-訛», по мнению известного китайского учёного Цянь Чжуншу, противоположность «хуа-化», который является результатом неполного разрешения противоречий между исходным и целевым языком (钱钟书 / Цянь Чжуншу, 1985: 1–10). Кроме отрицательного результата, неправильный перевод имеет определённое положительное значение. Положительный эффект неправильного перевода заключается в том, что он помогает заметить поверхностные и глубинные факторы, когда на поверхности находятся различия и противоречия в языке, культуре и мышлении, а глубинные факторы отображают различия в отношениях между людьми, которые говорят на разных языках, и миром, в котором они живут.

3. Причины переводческих ошибок: противоречия в лингвистике, мышлении и культуре

Все научные дисциплины берут своё начало в философии и принадлежат философии. Единство противоречий — это способ существования мира. Противоречия никогда не могут быть полностью устранены. Общество медленно развивается в процессе обнаружения противоречий → разрешения противоречий → появления но-

вых противоречий → продолжения разрешения. Противоречие — это «разрыв» связей, он есть везде, как и гармония, к которой мы все стремимся. На самом деле в мире существует единство противоречий, а гармония не есть абсолютное отсутствие противоречий. Язык и культура народов отличаются, эти различия заметны при столкновении и общении разных форм цивилизаций. Разрешение этих противоречий зависит от перевода. Неправильный перевод вызван неэффективным разрешением языковых, когнитивных и культурных противоречий, поэтому противоречие является философской основой неправильного перевода.

Модели человеческого мышления похожи, однако в них существуют различия. Для описания этого явления в лингвистике введён термин *ментальность*. «Ментальность — это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры. <...> Ментальные архетипы складывались исторически, по определённым, генетически важным принципам, которые и следует описать» (Колесов, Пименова, 2018: 92).

Подобие моделей мышления является основой некоторых универсальных характеристик человеческих языков. Универсальность языков служит основой переводимости различных национальных культур. По мнению китайского философа Хэ Линя, в основе перевода находится факт того, что «люди похожи тем, что происходит в их мозгу» (贺麟 / Хэ Линь, 1940: 138). Различия в ментальности приводят к культурным конфликтам и разделению людей. Наблюдая переводческие ошибки с точки зрения философии, мы видим, что существуют культурные пробелы, языковые пробелы, а также пробелы в когнитивной сфере в аспекте ментальности. Эти три аспекта имеют разные измерения: культура — это макроуровень, язык — это промежуточный уровень, а когниция (познание и мышление) — это микроуровень.

3.1. Противоречия в лингвистике: перевод вызывает смещение компонентов языка

Части, которые составляют вещи, органически взаимосвязаны и скоординированы, они существуют в неразрывном единстве как целостный организм. Суть философии составляет теория, которая

показывает, что мир — это органическая система. «Тимей» Платона рассматривает вселенную как организм, Аристотель также использует некоторые аспекты концепции организмов (冯契, 徐孝通 / Фэн Ци, Сюй Сяотун, 2000: 251). Люди — это естественные организмы. В теле природного организма каждая часть взаимодействует с другими частями. Органическая природа языка отражается в его различных звуковых характеристиках и его самоорганизующейся способности. Структура языка также очень похожа на структуру природных организмов. Согласно В. фон Гумбольдту, все языки являются «организмами». «Язык является прямым выражением человека как органической жизни в перцептивной и духовной деятельности, поэтому язык естественным образом обладает природой всей органической жизни» (Гумбольдт, 2000: 2–3). Мы демонстрируем органическую природу языка в попытке показать, что болезнь является неизбежным явлением — сбоем функций в организме. Иными словами, возникновение языковых «заболеваний» происходит от органической природы языка. Ошибки перевода можно представить как один из видов языковых ошибок.

В языковой системе взаимосвязь между означающим и означаемым является закономерной, а звук, форма, значение и прагматика языковых знаков как проявление означающего в языке имеют неразделимое единство. Перевод производится на основе преобразования между «означающим» и «означаемым». Когда «означающее» и «означаемое» языка разделены, означаемое не изменяется, а преобразование означающего приводит к дисбалансу между произношением, формой, смыслом и использованием: дислокации органических компонентов языка. Значение и обозначение в языке устанавливают отношения между народом и миром. Различные языки соответствуют разным объективным мирам: один язык не может полностью соответствовать отношениям между другим языком и миром. Языковой контакт производит взаимное вмешательство в форму и значение языковых знаков, вызывающий сложность перевода, что приводит к неправильному переводу.

Культура выражается через язык. Можно сказать, что основным содержанием языка является культура. Бикультурные противоречия отражаются в двуязычных различиях, конфликтах, лакунах и других сопутствующих явлениях, поэтому противоречие возвращается к тому факту, что переводы вызывают разрушение органических компонентов языка и нарушают отношения между оригиналом и миром.

3.2. Противоречия в мышлении: различия между когнитивным взглядом переводчика и автора

Язык — это инструмент для выражения чувств и эмоций, он обладает значительной субъективностью. Психологические и когнитивные структуры сознания людей или сообществ, использующих языки, различны, однако и в них существуют сходства. В соответствующих структурах знаний и опыта есть проблемы асимметрии. Субъектом перевода является переводчик, так как он субъект когнитивных структур исходных языков. Поэтому нельзя игнорировать разнообразие, различие и сложность субъектов в переводческой деятельности. В одном и том же мире живут разные народы, и люди по-разному воспринимают этот мир. Поскольку мир сложен и многообразен, познание должно быть к нему адаптированным, и когнитивный стиль субъекта тоже должен ему соответствовать.

Переводчик отличается от других людей, поэтому его эмоциональный темперамент, литературная грамотность и жизненный опыт влияют на его понимание и перевод произведения. Изменение, привносимые в текст перевода, можно подразделить на изменение формы, семантическую передачу и прагматическое преобразование. Фридрих Шлейермахер считает, что временная дистанция привела к изменению значения слова (Schleiermacher, 1990: 91), а также и психологической перегородке между читателем и автором, что приводит к недоразумению (王岳川 / Ван Юечуань, 1999: 169–170). Здесь уместно говорить о семантическом недоразумении. Произведение пронизано волей, стремлением и эмоциями автора, показывая его когнитивную перспективу. Если переводчик не может полностью исследовать жизненную среду и фон произведения автора, оценить когнитивную модель автора и проанализировать стиль и манеру написания автора произведения, то трудно передать глубокий смысл и богатые оттенки оригинальной работы одним простым преобразованием целевого языка. Трудно полностью воспроизвести эстетические, моральные и этические аспекты оригинала. При переводе теряется часть прагматической ценности оригинального произведения, что относится к прагматическим ошибкам.

Мир воспроизводится людьми в разных картинах: каждый из людей мир опишет по-разному. Мир воплощается в личности в категориях и формах родного языка, при этом мир в глазах разных людей отличается. Неправильные переводы, возникающие

в результате межъязыковых контактов, подчёркивают различия между познавательным миром переводчика и познавательным миром автора. Процесс двуязычного преобразования показывает тайны языков в форме, генерируемой переводом. Через явление неправильного перевода мы можем наблюдать отношения между людьми и миром. Конфликт межъязыкового перевода показывает различия между отношениями, установленными людьми между родным языком и миром. Язык, мышление и мир взаимосвязаны, и язык отражает бытие человека. Мы приходим к позиции детерминизма, восходящей к В. фон Гумбольдту; ср. точку зрения Цянь Чжуншу: «Когда вы используете язык, язык также использует или влияет на вас <...> влияет на ваши взгляды и отношения к другим слушателям или читателям и всему объективному миру и даже влияет на ваш стиль мышления» (钱钟书 / Цянь Чжуншу, 1979: 1357).

3.3. Культурные противоречия: разные отношения между людьми и миром

До того времени, как китайский язык и культура вступили в контакт с западными языками и культурами, они не замечали своих ограничений в языковой картине мира и различий в лингвокультурах. Ограничение в критике качества перевода не позволяет ясно видеть само качество перевода. Ограничение в суждении неправильном переводе не позволяет видеть закон, лежащий за неправильным переводом, и суть неправильного перевода не может быть понята. Чем больше различий между языками, тем яснее и заметнее культурные и когнитивные различия носителей языков.

Перевод между индоевропейскими языками очень прост, потому что язык и культура произошли из одного и того же корня. Китайский, английский и русский принадлежат к разным языковым семьям, и их взаимный перевод может подчеркнуть различия отношений с миром, наблюдаемые между Востоком и Западом. Например, на китайском языке выражение «одна дверь и одна семья» вызовет в голове носителя китайского языка образ «отдельно стоящего дома» со стороны его фасада. Одним из его эквивалентов в английском языке является дом в эксклюзивном районе, который наблюдается с точки зрения соседства: вот дом, где состояние соседства исключено, что означает, что состояние соседства равно нулю (a house in an exclusive neighborhood). Это показывает, что «разные наблюдатели видят разные образы вселенной» (钱冠连 / Цянь Гуаньянь, 2002: 245).

Такая точка зрения с позиций языка, определяющего мышление: мышление определяет наблюдение за миром, а перспектива наблюдения определяет отношения между наблюдателем и миром. Перевод даёт нам представление о том, как люди, выросшие в другой культуре, мыслят и чувствуют ритм и красоту другого языка, подобно встрече с новым другом. Таким же образом, посредством переводческих ошибок мы видим, что люди из разных культур (переводчики и авторы оригинала) видят мир по-разному.

В переводческой деятельности исходный текст, с которым сталкивается переводчик, представляет собой понимание мира в аспекте когниции автора оригинала, выраженного в языке и изображённого в культуре. Если переводчик и автор находятся в одном познавательном уровне в трёхмерном пространстве языка, мышления и культуры, то переводчик может свободно разрешать противоречия между дуальным мышлением, билингвизмом и дуальной культурой и свободно преобразовывать исходный язык в целевой. Таков идеальный вариант перевода. Фактически, ни один переводчик не может полностью разрешить эти противоречия, потому что в процессе взросления мы постепенно устанавливаем устойчивые отношения с миром и формируем, в основном, стабильное мировоззрение. Сознание взрослого человека утрачивает гибкость восприятия мира.

Мировоззрение направляет создание институциональной культуры и формирует содержание системной культуры. Мировоззрение отображает привычку познания, восприятия жизни и межличностных аспектов носителя языка. Это система когнитивных моделей, которая постепенно формируется с момента его рождения. Люди убеждены в истинности определённых теорий и правильности практических действий, эта «уверенность» сочетается с эмоциями и волей для образования прочного идеологического каркаса личности.

Учащиеся, владеющие вторым языком, учатся в течение десяти лет в среде, не связанной с иностранным языком, им трудно получить похожую модель когнитивной идентификации. «Разделение» культуры коренится глубоко в сознании и бессознательном. Убеждения, сформированные средой родного языка переводчика, будут неосознанно, спонтанно и самопроизвольно влиять на его понимание, трансляцию и способ выражения в процессе перевода. В переводе показан «конфликт» культур: разные люди имеют разные отношения с миром, с другой стороны, различия отношений между людьми и миром могут быть истолкованы как переводческие ошибки.

4. Произведения противоречия: ошибочное восприятие и несоответствие понятий

Вышеупомянутое противоречие трёхмерности языка, мышления и культуры представляет собой обзор макроуровня. В реальности операции перевода являются основными единицами мышления. Когнитивный «разрыв» — это ключ к объяснению явления и сути неправильного перевода.

4.1. Концепции и лексика в языках

В процессе познания люди извлекают из памяти общие характеристики вещей, которые они чувствуют и обобщают, и они становятся концепциями. Понятие — это одна из основных форм мышления, отражающая общие и существенные характеристики объективных вещей. Понятие в философии относится к отражению формы мышления объекта путём отражения уникальных атрибутов объекта. Это основная форма мыслительной деятельности. Это абстрактное понимание объекта, полученное на основе серии суждений, сделанных в отношении объекта. Понятия существуют и выражаются через слова: понятия — это мысленное содержание слов, а слова — материальные оболочки понятий (方梦之 / Фан Мэнчжи, 2011: 219). Создание, существование и выражение концепций должны опираться на лексику и полагаться на неё (冯契, 徐孝通 / Фэн Ци, Сюй Сяотун, 2000: 251).

Цянь Чжуншу указал: «Куда бы ни шёл человек, там и мир явится, это мир человека» (钱钟书 / Цянь Чжуншу, 1997: 460). Люди используют слова, чтобы классифицировать вещи, понимать природу и устанавливать классификационные связи, содержащиеся в категориях. Так образуется картина всего мира. Переводческая деятельность заключается в замене связи между языком и природным миром другого языка. Отсылка двух языков к миру не соответствует их однозначному пониманию. Изменение отношений между словами приводит к изменению того, как язык связывает мир природы. В преобразовании языков мы можем ясно видеть различия в описании мира на разных языках, и мы видим, что отношения между пользователями этих языков и миром отличаются. Изменение мировоззрения и способа мышления суть семантическое изменение. В процессе прорыва через «разделение» языков перевод должен столкнуться с конфликтом в области морфологии, семантики и синтаксиса. Конфликт языка отражает разделение мышления, а процесс мышления проявляется в концепции, суждении и рассуждении. Далее, используя примеры, мы продемонстри-

руем концептуальный конфликт и разрыв мышления в аспекте философии.

4.2. Несоответствующее понятие в разных языках

Словарные пробелы отражают несоответствие понятий в разных языках. Древний Китай был сельскохозяйственным обществом, в нём широко использовались лошади, поэтому на китайском языке есть много иероглифов, которые обозначают разные типы лошадей, то есть слова отражают познавательные перспективы людей той поры. Например, в «Песнях в Гай Ся» есть иероглиф «騄», который относится к описанию коня Сян Юя, что означает «сине-белый пёстрый конь». Если этот иероглиф будет переведён, то вряд ли в другом языке мира найдётся соответственный перевод.

Ещё пример: Чукчи, живущие за Полярным кругом, круглый год живут среди снега, в их языке отражены тончайшие оттенки знаний о снеге. В чукотском языке отмечено 48 слов, обозначающих состояния снега. Существуют сотни слов в арабском языке, описывающих верблюда, его масть и различные части его тела. Русские не едят без хлеба, поэтому в русском языке имеется много слов, относящихся к разным формам и способам выпечки хлеба. Хлеб — это собирательное название хлеба, а его варианты конкретизации многочисленны: *баранка* (пшеничный хлебец из заварного теста в виде кольца), *сухарь* (засушенный кусок хлеба), *батон* (белый хлеб продолговатой формы), *булка* (белый хлеб), *сдоба* (хлебобулочные изделия из сдобного теста), *буханка* (обычно формовой выпеченный хлеб), *каравай* и *коврига* — большой круглый хлеб, *рожок* — полукруглый хлеб, *блины*, *оладьи*, *шанежки*, *булочки* — это разная хлебная выпечка. В познавательном мире китайцев такого богатого разнообразия хлеба нет. Для перевода этих и других слов приходится использовать метод «категория + специфические характеристики».

Вышеприведённые примеры показывают, что язык отображает жизнь, картину мира, и люди связываются с материальным миром путём языка: мы используем язык, чтобы описать материальный мир и выразить, как мы чувствуем мир и себя в этом мире. Разные страны и народы живут в разных географических поясах, сталкиваются с разными проявлениями физического мира (означаемое), и соответствующие языки (означающие) отличаются. Лексическая лакуна является лакуной означающего и означаемого. По аналогии, подобные проблемы существуют в суждении и рассуждении.

4.3. Конфликты в понятиях разных языков

Семантический конфликт является рассогласованностью понятий в разных языках. Китайское выражение «一带一路» обычно переводится на русский как «Один пояс, один путь». В отношении перевода этого выражения на английский язык Ши Яньхуа (заместитель директора китайского исследовательского института переводов и бывший директор бюро переводов Министерства иностранных дел) считает, что, согласно словарному определению, *road* «路» определяется в первом значении как “a way that leads from one place to another, especially one with a hard surface that cars and vehicles can use” (Macmillan English Dictionary for Advanced Learners) «путь, который ведет из одного места в другое, особенно с твёрдым покрытием, которым пользуются автомобили и транспортные средства». Так как дорога предназначена для транспортных средств, она должна быть на суше. В английском языке «дорога в воде» не бывает.

В китайском языке первое определение «路» относится к дороге, которая соединяет две точки пространства. Из одной точки в другую дорога может проходить как по суше, так и по реке и морю. Часто говорят «выбрать дорогу по суше» или «ходить по водному пути». Следовательно, значение «路» в китайском языке шире, чем “road” в английском. В переводимых названиях проектов «Один пояс, один путь», «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской шёлковый путь XXI века» на английский язык, многие переводили буквально «路» на “road”. Строго говоря, это, скорее, «route (маршрут)», поскольку английское понятие “road” отличается от китайского «路». «Морской шёлковый путь» должен быть «морским шёлковым маршрутом» (施燕华 / Ши Яньхуа, 2017). Этот пример выявил конфликт понятия «路» и “road” в английской и китайской языковых картинах мира. Для сравнения: путь в русском языке имеет более широкое значение: он может относиться как к «дороге» на суше, так и к маршруту, и к направлению. Видно, что китайское понятие «路» и русское понятие «путь/дорога» соответствуют друг другу, существующий перевод так же логичен.

Ещё пример. Если взять слово «文化», то соответствующим переводом на русский язык является *культура*. Китайский язык очень сложный. Слово «文化» (культура) в китайском может обозначать конкретную культуру или абстрактную концепцию принадлежности. Китайское словосочетание «文化翻译» переведено на русский как «перевод культуры» или «культурный перевод», но носители русского языка считают, что это неверный перевод. В русском по-

нимании понятие «культура» является средой. Выражение «文化翻译», по мнению русских учёных, означает изучение перевода с точки зрения культуры, то есть культууроориентированный перевод.

Другой пример: сочетание «艺术竞赛» переведено на русский язык как «конкурс по искусству», что также некорректно, поскольку собирательные существительные *искусство*, *культура* указывают на концепцию родов. После слова «конкурс» должно находиться слово, называющее конкретный предмет. Существует бесчисленное множество подобных примеров, каждый из которых показывает, что понятия в разных языках не соответствуют друг другу, то есть налицо разрыв между когнитивной и языковой, а философский смысл, стоящий за ним, состоит в различии, возникающем между языками и миром. Перевод однозначных слов (имена собственные, некоторые слова, обозначающие материальные предметы, новые слова и научно-технические термины) значительно проще, так как их значения в двух языках обычно соответствуют друг другу. Оставшиеся слова значительно отличаются, что создаёт проблемы для перевода.

Заключение

Реальный мир получает семантические признаки только после когнитивной обработки в мозгу человека. Лингвистическая структура, во многом, отражает структуру мира, переживаемую людьми, и напрямую отражает когнитивный способ обработки информации (категоризацию) и концептуальную структуру языка. Разные народы имеют разные когнитивные модели, и связи между языковыми формами и реальным миром также должны различаться. Ошибки перевода позволяют более чётко увидеть различия между людьми и миром. Переведённые работы являются, в некоторой степени, формой выражения жизненного опыта переводчика, с помощью которого они могут понимать труд переводчика и делать выводы об опыте, который переводчик получил в своей жизни.

Переводческие ошибки наблюдаются в языковой конверсии, их внутренняя мотивация является культурно маркированной и когнитивно оправданной. В неправильном переводе мы видим противоречие между переводчиком и автором оригинала и противоречие между культурами, которые они представляют. Различные характеристики неправильного перевода отражают разные отношения между народами, людьми и миром. Смотря на переводческие ошибки с другой стороны, мы можем увидеть уникальность жизни разных народов, уникальность их познавательного круга и когнитивное разнообразие цивилизаций.

Один и тот же физический мир имеет разную языковую картину мира. Языковая система является составителем концепции. Мы разделяем природу в соответствии с логикой, установленной родным языком. Другими словами, язык — это очки, с которыми люди наблюдают мир. Поэтому мир отличается в глазах разных носителей языков.

Список литературы

Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.

Колесов В.В., Пименова М.В. Введение в концептологию: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 248 с.

Пименова М.В. Языковая картина мира: учебное пособие. 3-е изд., доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 108 с.

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Electronic resources]. Mode of access: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/road> (date of access 07.05.2020).

Schleiermacher F. Hermeneutik // Schleiermacher Friedrich. Hermeneutik und Kritik. Frankfurt am Main. 1990.

陈永国.(2005) 翻译与后现代性 [M]. 北京: 中国人民大学出版社.

方梦之.(2011) 中国译学大辞典 [Z]. 上海: 上海外语教育出版社.

冯契, 徐孝通.(2000) 外国哲学大辞典 [Z]. 上海: 上海辞书出版社.

贺麟.(1940) (09) 论翻译 [J]. 今日评论, pp. 137–140.

潘文国.(2008) (02) 语言转向对文学的启示 [J]. 中国外语, pp. 68–73+79

钱冠连.(2005) 语言: 人类最后的家园——人类基本生存状态的哲学与语用学研究 [M]. 北京: 商务印书馆.

钱冠连.(2002) 语言全息论 [M]. 北京: 商务印书馆.

钱钟书.(1985) 林纾的翻译 // 七缀集 [M]. 上海: 上海古籍出版社.

钱钟书.(1979) 管锥编 [M]. 北京: 中华书局出版社.

钱钟书.(1997) 钱钟书散文 [M]. 杭州: 浙江文艺出版社.

施燕华.(2017) “海上丝绸之路”的“路”是road吗? [J]. 来自微信公众号“中国翻译研究院”.

王岳川.(1999) 现象学与解释学文论 [M]. 济南: 山东教育出版社.

References

陈永国.(2005) 翻译与后现代性 [M]. 北京: 中国人民大学出版社.

Chen Yongguo. (2005) Fan yi yu hou xian dai xing = Translation and Postmodern. Beijing: Zhong guo ren min da xue chu ban she (In Chinese).

方梦之.(2011) 中国译学大辞典 [Z]. 上海: 上海外语教育出版社.

Fang Mengzhi. (2011) Zhong guo yi xue da ci dian = Chinese Dictionary of Translatology. Shanghai: Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe (In Chinese).

冯契, 徐孝通.(2000) 外国哲学大辞典 [Z]. 上海: 上海辞书出版社.

- Feng Qi, Xu Xiaotong.* (2000) *Wai guo zhe xue da ci dian* = Dictionary of Foreign Philosophy. Shanghai: Shanghai cishu chubanshe (In Chinese).
- Gumboldt von V.* (2000) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* = *Selected Works on Linguistics*, Progress, St. Peterburg (In Russian).
- 贺麟. (1940) (09) 论翻译 [J]. 今日评论, pp. 137-140.
- He Lin.* (1940) (09) *Lun fan yi* = On Translation. Jinri Pinglun, pp. 137-140.
- Kolesov V.V., Pimenova, M.V.* (2018) *Vvedenie v kontseptologiyu: uchebnoe posobie* = Introduction to Conceptology: Study Guide. FLINTA: Nauka, Moscow (In Russian).
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Electronic resources]. Mode of access: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/road> (date of access 07.05.2020).
- Pimenova M.V.* (2012), *Yazykovaya kartina mira: uchebnoe posobie* = Linguistic Picture of the World: Textbook. FLINTA: Nauka, Moscow (In Russian).
- 潘文国. (2008) (02) 语言转向对文学的启示 [J]. 中国外语, pp. 68-73+79
- Pan Wenguo.* (2008) (02) *Yu yan zhuan xiang dui wen xue de qi shi* = Linguistic Turn: What It Means for Literary Study? *Zhong guo wai yu*, pp. 68-73+79 (In Chinese).
- 钱冠连. (2002) 语言全息论 [M]. 北京: 商务印书馆.
- Qian Guanlian.* (2002) *Yu yan quan xi lun* = Language Holography. Beijing: Shang wu yin shu guan (In Chinese).
- 钱冠连. (2005) 语言: 人类最后的家园——人类基本生存状态的哲学与语用学研究 [M]. 北京: 商务印书馆.
- Qian Guanlian.* (2005) *Yu yan: ren lei zui hou de jia yuan — ren lei ji ben sheng cun zhuang tai de zhe xue yu yu yong xue yan jiu* = Language: the Last House of Mankind is a Philosophical and Pragmatic Study of the Basic Living Conditions of Man. Beijing: Shang wu yin shu guan (In Chinese).
- 钱钟书. (1979) 管锥编 [M]. 北京: 中华书局出版社.
- Qian Zhongshu.* (1979) *Guan zhui bian* = Cone Tube. Beijing: Zhong hua shu ju chu ban she (In Chinese).
- 钱钟书. (1985) 林纾的翻译 // 七缀集 [M]. 上海: 上海古籍出版社.
- Qian Zhongshu.* (1985) *Lin shu de fan yi. Qi zhui ji* = Translations of Lin Shu. Collection of Seven Articles. Shang hai: Shang hai gu ji chu ban she (In Chinese).
- 钱钟书. (1997) 钱钟书散文 [M]. 杭州: 浙江文艺出版社.
- Qian Zhongshu.* (1997) *Qian zhongshu san wen* = Prose Qian Zhongshu. Hang zhou: Zhe jiang wen yi chu ban she (In Chinese).
- Schleiermacher F.* (1990), *Hermeneutik und kritik* = Hermeneutics and criticism. Frankfurt am Main (In German).
- 施燕华. (2017) “海上丝绸之路”的“路”是road吗? [J]. 来自微信公众号“中国翻译研究院”.
- Shi Yanhua.* (2017) “Hai shang si chou zhi lu” de “lu” shi “road” ma? = Is the Sea Silk Road “road” Expensive?. *Wei xin gong zhong hao “Zhong guo fan yi yan jiu yuan”* (In Chinese).

王岳川. (1999) 现象学与解释学文论 [M]. 济南: 山东教育出版社.

Wang Yuechuan. (1999) Xian xiang xue yu jie shi xue wen lun = The Literary Theory of Phenomenology and Hermeneutics. Ji nan: Shan dong jiao yu chu ban she (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Гу Цзюньлин — доктор филологических наук, доцент, декан факультета русского языка института иностранных языков и международных отношений, Чжэнчжоуский университет. просп. Кэсюе-дадао, № 100, Чжэнчжоу, Китай, 450001; 852600325@qq.com

Сян Янань — аспирант кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет. Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, Россия, 199034; 469022392@qq.com

ABOUT THE AUTHORS:

Gu Junling — Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Dean of the Russian Language Department, School of Foreign Languages and International Relations, Zhengzhou University. Kexue-dadao, No. 100, Ave. Zhengzhou, China, 450001; 852600325@qq.com

Xiang Yanan — Postgraduate student of the Russian Language Department, Faculty of Philology, St. Petersburg State University. Universitetskaya nab., 11, St. Petersburg, Russia, 199034; 469022392@qq.com

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-25-45

**О ПЕРЕВОДЕ «ШАНЬ ХАЙ ЦЗИН»
(«КАТАЛОГ ГОР И МОРЕЙ»)
Э.М. ЯНШИНОЙ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК ПЬЕРА БУРДЬЁ**

**Мэн Ся,
Ли Цяньцзянь**

Институт иностранных языков Шэньсийского педагогического
университета, г. Сиань, КНР

Для контактов: xmeng003@163.com, 739196829@qq.com

Аннотация. Книга «Шань хай цзин» («Каталог гор и морей» или «Книга гор и морей») как классическое произведение китайской литературы, содержащие богатые культурные образы и фантастические мифологические элементы, привлекла внимание российских сиологов ещё во второй половине прошлого века. В 1977 году вышел в свет её полный перевод на русский язык, а в 2004 году была издана переработанная версия. В статье на основе теории социальных практик, автором которой является Пьер Бурдьё, рассматриваются как ключевые участники процесса перевода «Шань хай цзин» на русский язык — переводчик Э.М. Яншина, инициатор проекта профессор Л.Д. Позднеева, а также издательства, участвовавшие в распространении перевода, — через свои капиталы и габитус совместно формировали процесс создания и распространения переводного произведения. Подчёркивается, что перевод — это сложная деятельность, сочетающая в себе элементы широкого спектра социальных практик, в которой взаимодействие индивидуальных капиталов, социального габитуса и структур играет роль, которую нельзя игнорировать.

Ключевые слова: русский перевод «Шань хай цзин» Э.М. Яншиной, теория социальных практик, капитал, габитус

Для цитирования: Мэн Ся, Ли Цяньцянь. О переводе «Шань Хайцзин» («Каталог гор и морей») Э.М. Яншиной с позиций теории социальных практик Пьера Бурдьё // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 3. С. 25–45. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-25-45

Статья поступила в редакцию 09.10.2025;
одобрена после рецензирования 18.10.2025;
принята к публикации 21.10.2025.

**RESEARCH ON THE TRANSLATION
OF “SHAN HAI JING” (“THE CLASSIC
OF MOUNTAINS AND SEAS”)
BY E.M. YANSHINA FROM THE
PERSPECTIVE OF PIERRE BOURDIEU’S
THEORY OF PRACTICE**

**Meng Xia,
Li Qianqian**

Shaanxi Normal University, Xi’an, PRC

For contacts: xmeng003@163.com, 739196829@qq.com

Abstract. Shan Hai Jing (The Classic of Mountains and Seas), a cornerstone of Chinese literature renowned for its rich cultural imagery and fantastical mythological elements, has captivated Russian sinologists since the mid-20th century. The first complete Russian translation was published in 1977, with a revised edition following in 2004. Utilizing Pierre Bourdieu’s Theory of Practice, this article explores the key actors involved in the Russian translation of Shan Hai Jing — translator E.M. Yanshina, project initiator Professor L.D. Pozdneyeva, and the publishing houses responsible for its dissemination — and analyzes how their respective forms of capital and habitus collectively influenced the creation and circulation of the translated work. The study underscores that translation is a multifaceted endeavor embedded within broader social practices, where the dynamic interplay of individual capital, social habitus, and structural forces plays a pivotal and often underappreciated role.

Keywords: Russian translation of Shan Hai Jing by E.M. Yanshina, Theory of Practice, capital, habitus

---

© Meng Xia, Li Qianqian, 2025

For citation: *Meng Xia. Li Qianqian. (2025) Research on the translation of “Shan hai jing” (“The classic of mountains and seas”) by E.M. Yanshina from the perspective of Pierre Bourdieu’s theory of practice. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 25–45. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-25-45*

The article was received on October 09, 2025;
approved after reviewing on October 18, 2025;
accepted for publication on October 21, 2025.

Введение

«Шань хай цзин» («Каталог гор и морей» или «Книга гор и морей»), представляющая собой всеобъемлющий древнекитайский трактат энциклопедического характера, охватывает разные аспекты, в том числе древнюю астрономию, географию, медицину, религию, природные ресурсы, народные обычаи, мифологию, историю и философию. Эта книга создавалась на протяжении нескольких династий, начиная с периода Чуньцю (с 722 по 481 год до н.э.) и заканчивая началом династии Хань (202 г. до н.э. — 9 г. н.э., 25–220 гг. н.э.). Авторство «Шань хай цзина» неизвестно, и общепризнанно, что его писал не один автор. Текст «Шань хай цзина» являлся трудным для интерпретации из-за его языковых, культурных и когнитивных различий, обусловленных большими временными промежутками, а также из-за ошибок в порядке перестановки бамбуковых пластинок, на которых был записан текст, а также его искажений. Поэтому китайские учёные на протяжении многих веков занимались исследованием и корректурой содержания данного трактата.

Работа над систематическим разбором тракта «Шань хай цзин» началась ещё с эпохи Хань. К 7-му году правления Чуньси династии Сун (1180 год) появилась самая ранняя редакция с комментариями, а именно ксилографическое издание рукописной копии «Шань хай цзин чжуань» (Комментарии к «Книге гор и морей»), созданной учёным эпохи Восточная Цзинь Го Пу. Все последующие издания основывались на его версии.

В период новой истории, с развитием антропологии и мифологии в Европе, мифы стали важным инструментом для изучения истоков культур. «Шань хай цзин», содержащий богатейшие материалы, стал рассматриваться как наиболее ценное с академической

точки зрения собрание китайских мифов. Богатый мифологический материал привлёк внимание западных учёных с XIX века.

В сфере международной коммуникации русский перевод древнекитайского памятника «Шань хай цзин», выполненный Э.М. Яншиной и опубликованный в 1977 году, стал одним из первых полных переводов этого произведения в мире и способствовал распространению данной книги за рубежом. Несмотря на некоторые неточности в переводе Э.М. Яншиной, в целом он выполнен на высоком уровне и сопровождается богатым паратекстом, который помогает в интерпретации текста.

В паратексте особого внимания заслуживает обширный комментарий переводчика, приведённый в конце текста и содержащий пояснения к специализированным терминам, связанным с географией, социальными институтами, религиозной мифологией и т.д. Например, в комментарии к «У-сянь» (Яншина, 1977: 186) переводчик подробно интерпретирует смысловое наполнение термина «У-сянь» с этимологической точки зрения. Со ссылкой на исследования «Речей царств», «Шовэня» и работы Чэнь Мэнцзя по иньским гадательным надписям указывается, что основное значение иероглифа «у» — «жрица», «шаманка». Помимо этого, он также имеет значения «женское божество» и «приносить жертвы». Далее, цитируя содержание собственной монографии, посвящённой исследованию мифологии, переводчик подтверждает, что в глубокой древности представления о божестве, жертвоприношении ему и его жреце сливались в единое целое. На этом основании высказывается предположение, что «у», вероятно, представляет собой ещё одну типичную форму имени женского божества в древнекитайских верованиях. Фактически здесь приводится обоснование русского перевода термина «у». Путём сочетания классических текстов и данных археологических исследований сравнительно полно очерчивается изначальная идентичность группы, связанной с термином «у», а также богатая культурная семантика, заключённая в нём. Такой переводческий подход не только достаточно точно передаёт смысловое ядро исходного понятия, но и дополняет его развёрнутым фоновым знанием, способствуя углублённому пониманию исходной культуры и создавая условия для глубокого погружения в процесс чтения.

Благодаря этому данный перевод оказал значительное влияние на российское академическое сообщество, особенно среди исследователей китайской мифологии.

Однако как в китайских, так и в российских академических кругах исследования русского перевода «Шань хай цзин» Э.М. Ян-

шиной крайне ограничены. Китайские исследователи, в основном сосредоточены на анализе самого перевода, оценке его качества и обсуждении стратегий перевода. Например, они используют теорию глубинного перевода для комплексного изучения различных компонентов перевода (金杰 / Цзинь Цзе, 丁晓梅 / Дин Сяомэй, 王婷 / Ван Тин, 2023: 684–691), анализируют перевод с помощью теории экологического перевода и теории культурных лакун (何丹 / Хэ Дань, 2022), а также исследуют особенности перевода, начиная с явления экспликации (邵媛 / Шао Юань, 2022).

В России известный китаист Б.Л. Рифтин представил обзор перевода Э.М. Яншиной, который отражает мнение российского научного сообщества. Исследования Е.А. Хамаевой, Т.Е. Шишмарёвой и Е.В. Кремнева (2016) посвящены применимости методов транслитерации топонимов и географических названий в русском переводе «Шань хай цзин».

В общем, исследования в данной области в Китае и России сосредоточены на самом тексте, игнорируя социальный аспект переводческой деятельности. На самом деле, исследование распространения перевода и его влияния на общество состоит в том, чтобы уделять ему больше внимания. В данной статье мы пытаемся восполнить этот пробел с помощью теории социальных практик Пьера Бурдьё, в частности, его понятия габитуса и капитала, чтобы углубиться в изучение социальной динамики в процессе перевода «Шань хай цзин» на русский язык, рассматривать, как переводчик, инициатор переводческой деятельности, издательская организация, а также габитус и капитал, связанные с оригинальным производством, влияют на производство и распространение перевода, а также как идеологические, экономические факторы и эстетические предпочтения читателей играют роль в этом процессе.

Теоретическая основа исследования

Теория рефлексивной социологии Пьера Бурдьё предлагает уникальную перспективу, объединяющую индивида и общество, используя реляционный и практический подходы к изучению социальных явлений. Основные концепции этой теории включают три ключевых элемента: капитал, габитус и поле.

В теоретической системе Пьера Бурдьё капитал определяется в широком смысле как накопленный труд. Он существует не только в материальной или конкретной форме, как экономический капитал, но и в нематериальных формах, таких как культурный, социальный и символический капитал. Капитал становится основой для получе-

ния ресурсов и власти индивидами или коллективами в определённом поле, а также внутренней движущей силой развития этого поля.

Экономический капитал — это финансовые ресурсы в традиционном смысле, такие как валюта, активы и т.д., которые непосредственно конвертируются в товары и услуги. Культурный капитал относится к культурным и образовательным ресурсам, которые люди получают в социальной жизни, таким как произведения, официально признанные дипломы об образовании и т.д. Социальный капитал представляет собой совокупность социальных связей и обязательств индивида в социальном пространстве (Bourdieu, 1997: 47). Понятие «символический капитал» является выражением вышеупомянутых различных форм капитала, когда они признаются и уважаются обществом, такие как репутация и честь.

Габитус — это бессознательно усвоенные индивидом модели мышления, восприятия и поведения в его социальной среде. Эти модели являются продуктом личной истории и социального опыта индивида и становятся принципами, которые порождают и структурируют практики и их конкретные проявления. Габитус отражает влияние социальной структуры на индивида и одновременно направляет его практические действия в различных полях.

Понятие «поля» (фр. *champ*) представляет собой «социальное пространство, обладающее своими собственными уникальными законами функционирования» (Bourdieu, 1993: 162). Это сеть или схема объективных отношений между различными позициями. Индивиды и коллективы внутри поля позиционируют себя в зависимости от своих комбинаций капитала и участвуют в конкуренции и игре в определённой области. Поле является как ареной индивидуальных практик, так и отражением социальных структур и силовых отношений.

Применяя теорию социальных практик Пьера Бурдьё к исследованиям перевода, мы можем рассмотреть переводческую деятельность с новой точки зрения, рассматривая переводчиков, инициаторов перевода, издательства и других действующих лиц как участников поля, где их комбинация капитала и габитуса играет ключевую роль в переводческой практике. Такой теоретический подход позволяет нам глубже исследовать, какие социальные силы формируют и ограничивают переводческие произведения на протяжении всего процесса от перевода до тиражирования, тем самым углубляя наше понимание перевода как практической деятельности, на которую оказывают глубокое влияние социальные структуры и индивидуальное взаимодействие.

Исследование перевода «Шань хай цзин» на русский язык с позиции теории социальных практик Пьера Бурдьё

1. Общие сведения о переводах «Шань хай цзин» на русский язык и уникальный вклад Э.М. Яншиной в его перевод и распространение

На сегодняшний день известно лишь два учёных, которые предпринимали попытки перевести «Шань хай цзин» в России: экономист и синолог В.М. Штейн и историк, филолог-китаевед Э.М. Яншина. В.М. Штейн перевёл несколько фрагментов трактата в своей работе 1960 года «Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности», но его перевод не привлёк достаточного внимания академического сообщества. Потом перевод текста в полном объёме Э.М. Яншиной, вышедший в 1970 году, стал знаковым событием в российских исследованиях «Шань хай цзин». Переводная работа была опубликована Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» и получил широкое признание в академических кругах. Известный российский китаист Б.Л. Рифтин дал подробные комментарии к этому переводу, который также часто цитируется в исследованиях китайской мифологии в России. В 2004 году этот перевод был переиздан с поправками издательствами Рипол Классик и Наталис.

Перевод Э.М. Яншиной отличается высокой степенью верности оригиналу и богатством представления вспомогательной информации в виде паратекста, что демонстрирует глубину и широту её научных исследований. Её паратексты детально анализируют множество сложных понятий и точно используют обширный спектр литературных источников. Э.М. Яншина не только объединила древнекитайские тексты, результаты современных исследований, но и западные академические взгляды, отражая широкий межкультурный исследовательский подход. Её переводная работа состоит из введения, основного текста перевода и комментариев, причём объём введения и комментариев даже превышает объём основного текста перевода, что свидетельствует о солидной работе переводчика в сборе и систематизации литературы. Комментарии включают не только классическую версию «Шань хай цзин» с корректировкой и комментариями, но и широкий спектр результатов исследований китайских древних текстов китайских и зарубежных учёных, охватывая такие дисциплины, как мифология, география, филология и история. Тщательная работа над комментариями не только может углублять понимание читателями текста «Шань хай цзин», но и проявляет большое внимание Э.М. Яншиной как переводчика

к переводческой работе и серьёзное отношение к комментариям древних текстов.

В предисловии Э.М. Яншина глубоко исследует структуру текста «Шань хай цзин», время его создания, историю редактирования в Китае, а также его исследования и переводы в западном мире, демонстрируя своё уникальное понимание и интерпретацию этого произведения. Она тщательно анализирует значение слова «цзин» и обосновывает выбор слова «Каталог» в качестве русского эквивалента, что отражает её стремление к точности перевода и уважение к духу текста. В этой части Э.М. Яншина не только прослеживает распространение и восприятие «Шань хай цзин» в разных культурных и академических традициях, раскрывая его глобальную научную ценность и межкультурное влияние, но и описывает сложность самого трактата «Шань хай цзин», отмечая, что «поиски русских эквивалентов для передачи названий относятся к труднейшим задачам перевода. Решить её удалось далеко не во всех случаях. Некоторые знаки утратили своё значение, и восстановить их не представлялось возможным. Кроме того, имели место искажения при записи и переписывании памятника, на что неоднократно указывали комментаторы и что подтверждает сравнение текста с сохранившимися в других источниках фрагментами из него. Может быть, по этой причине, а также потому, что в основе многих названий лежала их звукозапись, они не поддаются переводу. Дело усложняется ещё и тем, что именно звуковые ассоциации были, как показывают комментарии, в основе многих «исправлений» и искажений» (Яншина, 1977: 26). Её работа заложила прочную основу для дальнейших исследований «Шань хай цзин» и создала важный мост для межкультурного обмена и академического диалога. Стоит отметить, что появление этого перевода также стало возможным благодаря содействию известного советского китаиста Л.Д. Позднеевой, которая сыграла решающую роль на протяжении всего процесса русского перевода «Шань хай цзин» — от замысла до его воплощения в жизнь.

2. Капитал и габитус Л.Д. Позднеевой как инициатора перевода «Шань хай цзин» на русский язык и его влияние на переводческую деятельность

Профессор Л.Д. Позднеева сыграла ключевую роль в проекте перевода «Шань хай цзин» на русский язык. Э.М. Яншина в предисловии к переводу отмечает: «Настоящая работа была задумана доктором филологических наук, профессором МГУ Любовью Дми-

триевой Позднеевой как часть планов исследования культуры Китая. Основные направления исследования памятника проводились автором в русле научной литературоведческой и филологической школы этого крупнейшего советского китаеведа, что, естественно, отразилось на принципах нашего перевода» (Яншина, 1970: 26–27). Эти слова раскрывают, что Л.Д. Позднеева не только разработала проект перевода «Шань хай цзин» на русский язык, но и существенно повлияла на принятие переводческих стратегий в процессе работы самого переводчика.

С социологической точки зрения перевод рассматривается как результат сотрудничества множества важных участников, включая инициатора перевода, автора оригинала, переводчика, читателей, критиков и издательства. В случае с переводом «Шань хай цзин» на русский язык профессор Л.Д. Позднеева не только играла роль организатора, но также отвечала за реализацию проекта и взаимодействие с издательствами. Причина, по которой проект был запущен и, в конечном счёте, успешно завершён, зависит от её исследовательского и переводческого габитуса в поле китайской литературы в России, а также от различных видов капитала, которым она владеет.

Л.Д. Позднеева родилась в семье с глубокими традициями синологии, среди членов которой было несколько известных востоковедов. Такая семья не только предоставила ей богатый культурный капитал, но и сыграла потенциально направляющую роль в формировании её академического габитуса. Её глубокий интерес и понимание китайской культуры частично происходят из семейной любви к китайской культуре и академических устремлений.

Обучение на восточном факультете Ленинградского университета углубило её профессиональные знания и расширило академический кругозор. В то время она училась у ведущих учёных СССР и Китая — академика В.В. Алексеева и профессора Цао Цзинхуа, что оказало глубокое влияние на её дальнейшую академическую карьеру. Систематическое формирование её габитуса в сфере переводческой деятельности началось с перевода произведений современной китайской литературы, а затем постепенно распространилось на классическую литературу. Наиболее представительным трудом стал перевод «Чжуан-цзы», который, будучи опубликованным в 1967 году, сразу получил широкое признание и позже был переиздан. Эти достижения позволили ей накопить значительный культурный и символический капитал в области перевода.

Помимо преподавания и перевода, Л.Д. Позднеева также посвятила много сил исследованию китайской культуры. Она серьёзно

относилась к научной работе, и исследования охватывали как области древнего Китая, так и современного. В области исследования современной китайской литературы она особенно глубоко изучала творчество Лу Синя. В 1956 году она защитила докторскую диссертацию на тему «Творческий путь Лу Синя (1881–1936)», которая была опубликована в 1959 году. Спустя 40 лет эта книга была переведена на китайский язык и составила 560 тысяч иероглифов. Её основательный и серьёзный подход к науке получил высокую оценку китайского исследователя творчества Лу Синя Линь Фэя. Достижения в области преподавания и научной деятельности Л.Д. Позднеевой укрепили её культурный, социальный и символический капитал в китаеведении.

Кроме того, вклад Л.Д. Позднеевой в развитие китаеведения и управление учебным процессом в Московском государственном университете, а также авторитет в этой области значительно укрепили её символический капитал. С 1949 по 1956 год она последовательно занимала должность заведующей кафедрой восточных языков исторического факультета и кафедрой китайской филологии филологического факультета (李明滨 / Ли Минбинь, 2016: 5). В 1956 году, с открытием Института восточных языков в Московском государственном университете, Л.Д. Позднеева была назначена первым заведующим кафедрой китайского языка. С 1958 года она стала профессором МГУ, и, хотя в период с 1959 по 1973 год она больше не занимала должность заведующей кафедрой, но она уже была ведущей фигурой в этой дисциплине. Полученные ею награды, звание профессора и, в особенности, её статус лидера в своей области являются отражением её мощного символического капитала. Её социальные связи в МГУ и в китаеведении в целом составили её социальный капитал. Именно накопление этих капиталов позволило ей организовать исследовательские проекты по китайской культуре и инициировать перевод на русский язык «Шань хай цзин». Стоит отметить и то, что первое издание русского перевода «Шань хай цзин» было опубликовано авторитетным советским издательством «Наука», в редакции восточной литературы, и этот успех во многом стал возможным благодаря огромному символическому капиталу Л.Д. Позднеевой.

3. Капитал и габитус Э.М. Яншиной как переводчика и их влияние на переводческую деятельность

Э.М. Яншина, как переводчик, сыграла центральную роль в создании русского перевода «Шань хай цзин». Её личный капитал

и академический габитус оказали глубокое влияние на формирование этого перевода. Как российский историк, филолог и китаевед, Э.М. Яншина окончила Московский институт востоковедения в 1947 году и в 1952–1960 годах преподавала на историческом факультете Института восточных языков Московского государственного университета. С 1962 года она работала научным сотрудником в Институте востоковедения (ныне Институт востоковедения Российской академии наук), а в 1965 году получила степень кандидата филологических наук за диссертацию «Древнекитайская мифология», которая была её основной областью исследований.

Работая на историческом факультете Института восточных языков МГУ, Э.М. Яншина была младшей коллегой Л.Д. Позднеевой и в 1953 году, когда кафедра восточных языков (который в то время возглавляла Л.Д. Позднеева) впервые принял аспирантов, Э.М. Яншина была одной из них. Они также совместно работали над книгой «Хрестоматия по истории Древнего Востока», опубликованной в 1963 году. Именно в этой книге Э.М. Яншина предприняла свою первую попытку перевести фрагменты «Шань хай цзин», что ознаменовало начало её долгосрочного интереса и исследования этой классической литературы. Отношения Э.М. Яншиной и Л.Д. Позднеевой одновременно были как коллегиальными, так и наставническими, что составляло важный элемент социального капитала Э.М. Яншиной. Эти социальные связи, как важный социальный капитал, предоставили Э.М. Яншиной возможность участвовать в исследовательских проектах, руководимых Л.Д. Позднеевой, и заняться переводом древнекитайского памятника «Шань хай цзин». Личный накопленный Яншиной культурный капитал в области китаеведения, истории, особенно исследований китайской мифологии, а также её предыдущий опыт перевода фрагментов «Шань хай цзин» в сочетании с поддержкой социального капитала в итоге способствовали осуществлению её практики перевода полной версии «Шань хай цзин».

На выбор перевода Э.М. Яншиной в значительной степени повлиял её академический габитус в области исследования китайской мифологии. Она является единственным учёным в российском китаеведении, который посвятил себя глубокому изучению китайской мифологии. Уже с 1961 года она начала публиковать серию статей по этой теме. Наиболее показательными его работами являются «О некоторых изображениях на рельефах ханьских погребений (II в. до н.э. — II в. н.э.)», (1961); «Богоборческие мотивы в древне-

китайской мифологии», (1963); «Миф об отделении неба от земли (к вопросу о сюжетосложении в китайской мифологии)», (1974) и другие. В 1965 году она получила степень кандидата филологических наук за диссертацию «Мифология древнего Китая». Кроме того, в учебнике «Литература древнего Востока», выпущенном в 1971 году для студентов факультета востоковедения и филологического факультета, она написала раздел о китайской мифологии. Постоянный интерес Э.М. Яншиной к китайской мифологии побудила её выбрать в качестве объекта перевода мифологический текст «Шань хай цзин», сохранивший богатейший материал древнекитайской мифологии и представляющий большую научную ценность для изучения китайской мифологии.

Академическое образование Э.М. Яншиной в области истории и китаеведения оказало особенно значительное влияние на её практику перевода «Шань хай цзин». При переводе «Шань хай цзин» Э.М. Яншина особо подчёркивала важность широкого сбора материалов, их тщательного отбора и глубокого анализа, систематизации истории исследования объекта. В качестве исходного текста она использовала вариант, отредактированный Го Пу, а также широко обращалась к корректурным текстам учёных династии Цин Би Юаня, Хао Исина, чтобы обеспечить точность и научность перевода.

Э.М. Яншина не только использовала литературы для обоснования своих исследований, но и уделяла большое внимание сбору археологических данных. В 1958–1959 годах Э.М. Яншина побывала в Китае с целью исследования. В этот период она посетила множество музеев, изучила большое количество публикаций и активно собирала ценные первичные материалы, включая данные археологических раскопок (王钢 / Ван Ган; 边晶 / Бянь Цзин, 2022: 17–26). Эти материалы также способствовали проведению исследований и перевода «Шань хай цзин», в определённой степени обеспечивая достоверность комментариев и интерпретаций в переводе.

Кроме того, в предисловии к переводу «Шань хай цзин» Э.М. Яншина подробно изложила историю исследований, связанных с текстом «Шань хай цзина» и провела глубокий анализ ключевых аргументов. Опираясь на записи в ранних источниках, таких как «Ши цзи», «Лунь хэн» и «История Ранней Хань», переводчик сначала относит верхнюю хронологическую границу создания текста к II–I векам до н.э. Затем, посредством внутреннего анализа текста, он выявляет существенные различия между «Каталогом гор и морей» и

конфуцианским каноном «Книга преданий» в таких аспектах, как система знаний, мифологическое повествование и генеалогические конструкции, подчёркивая его полемически-конфронтационный характер. Исходя из этих двух групп доказательств переводчик в конечном итоге приходит к выводу, что «Каталог гор и морей», вероятно, был составлен в период с конца III до начала II века до н.э. и по своей сути представляет собой свод знаний, вступивший в диалог и полемику с системой конфуцианских канонов (Яншина, 1977: 15–16). В этом можно увидеть её академический габитус, связанный с китаеведением и историческими исследованиями.

Э.М. Яншина также прибегала к помощи коллег из областей геологии, минералогии и биологии, чтобы повысить точность перевода соответствующего содержания «Шань хай цзин», что, в свою очередь, свидетельствует о применении её обширного социального капитала в переводческой работе. Прямым доказательством этого служит благодарность переводчика в заключительной части предисловия: «Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность кандидату геолого-минералогических наук В.Я. Гвину, просмотревшему всю работу в рукописи и сделавшему ценные замечания по тексту, а также научному сотруднику Института океанологии АН СССР Т.Н. Стейкер за консультацию по биологии» (Яншина, 1977: 27).

После выхода в свет перевода «Шань хай цзин» Э.М. Яншиной, он получил широкое признание в российском китаеведческом сообществе. Цитаты из её работы можно найти в статьях многих учёных, таких как Б.Л. Рифтин, А.И. Кобзев, Д.Е. Куликов, А.Э. Терехов и других. Известный российский китаевед Б.Л. Рифтин неоднократно упоминал русский перевод «Шань хай цзин» Э.М. Яншиной. Он указывал на некоторые ошибки в переводе, но одновременно высоко оценивал комментарии к тексту за то, что он сопровождается весомым комментарием, выходящим за традиционные рамки, объясняющим не только мифологические, но и ботанические, минеральные и географические термины (Рифтин, 1987: 8).

Его рецензия на русский перевод «Шань хай цзин» в определённой степени способствовала распространению перевода в целевой языковой среде. Одновременно они также побудили Э.М. Яншину внести исправления и улучшения в последующее издание, что отражает её серьёзное отношение к переводческой деятельности и стремление к постоянному совершенствованию, характерное для её академического габитуса.

4. Символический капитал оригинала «Шань хай цзин» и издательства, их влияние на перевод на русский язык

4.1. Влияние символического капитала оригинала «Шань хай цзин» на перевод

Успешное выполнение перевода «Шань хай цзин» на русский язык Э.М. Яншиной стало возможным не только благодаря символическому капиталу инициатора и культурному капиталу самой переводчицы, но и, несомненно, благодаря символическому капиталу оригинала в Китае. Еще до того, как Э.М. Яншина перевела «Шань хай Цзин», книга «Мифы Древнего Китая» Юань Кэ, выдающегося исследователя китайской мифологии, была переведена и издана в СССР в 1965 году и получила широкую известность. Этот труд часто цитировался многими исследователями китайской мифологии, такими как Ли Севйч, Э.М. Яншина и Б.Л. Рифтин.

Юань Кэ, систематизируя и реорганизуя множество мифологических фрагментов, разбросанных в древних текстах, создал относительно целостную систему китайской мифологии, значительно расширив её влияние. В своей работе Юань Кэ посвятил отдельную главу «Шань хай цзин», где подробно исследовал этот текст, анализируя его уникальную структуру и оценивая его вклад в сохранение древнекитайской мифологии с точки зрения мифологии, подчёркивая беспрецедентное значение «Шань хай цзин» для исследований мифов и важность его изучения (глава 4) (袁珂 / Юань Кэ, 1960: 8). Такая академическая позиция обеспечила прочную культурную и научную поддержку для перевода и исследования «Шань хай цзин» в России, а также заложила теоретическую основу для переводческой работы Э.М. Яншиной.

Выдающиеся достижения Юань Кэ в области исследования китайской мифологии и его авторитет в мифологическом сообществе, несомненно, можно рассматривать как культурный и символический капитал, связанный с оригинальным текстом. Именно перевод этой книги на русский язык создал возможность для Б.Л. Рифтина начать свои исследования китайской мифологии. Кроме того, предварительные исследования таких учёных, как С.М. Георгиевский, Н.П. Мацокин, а также публикации 60-х годов, выполненные Б.Л. Рифтиным, И.С. Лисевичем и Э.М. Яншиной, способствовали переводу и распространению китайской мифологии в России. Поскольку «Шань хай цзин» занимает важное место в исследованиях китайской мифологии, в работах вышеупомянутых российских китаеведов, посвящённых китайской мифологии, «Шань хай цзин» неизменно упоминается либо в основном содержании, либо

в списках литературы. Это также создало благоприятную академическую атмосферу для публикации и восприятия перевода «Шань хай цзин» в России.

4.2. Символический капитал издательства и его влияние на перевод «Шань хай цзин» на русский язык

Первое издание русского перевода «Шань хай цзин», выполненное Э.М. Яншиной, было опубликовано в Советский период. В то время издательская деятельность функционировала в рамках плановой экономической системы. Государственные издательства финансировались правительством, а их книжная продукция распространялась через сеть государственных книжных магазинов по всей стране, причём результаты продаж не имели экономической связи с издательствами (徐永平 / Сюй Юнпин, 2003: 68). В такой системе основные факторы, влияющие на издательские решения, включали соответствие произведения государственной идеологии и способность повысить символический капитал издательства. Таким образом, публикация перевода «Шань хай цзин» Э.М. Яншиной в издательстве «Наука» была обеспечена не только сильным символическим капиталом Л.Д. Позднеевой, но и культурным капиталом и переводческим габитусом самой Э.М. Яншиной. Эти факторы гарантировали высокое качество и уровень перевода, соответствующие стандартам ведущего научного издательства того времени.

После распада Советского Союза издательская отрасль России пережила серьёзные перемены. Количество частных издательств резко возросло, одновременно наблюдалась тенденция к укрупнению и созданию крупных издательских групп. Небольшие издательства для выживания нуждаются в чёткой маркетинговой стратегии и определении целевой аудитории. Переработанное издание русского перевода «Шань хай цзин» Э.М. Яншиной было выпущено издательством «Наталис» совместно с издательством «Рипол Классик». Издательство «Наталис» было основано в 1996 году. В 1990-е годы, несмотря на нестабильную внутреннюю ситуацию, интерес народных масс к серьёзной восточной литературе оставался стабильным. Воспользовавшись этим, «Наталис» выпустило ряд работ известного российского китаевода В.В. Малявнина, что позволило ему завоевать хорошую репутацию среди любителей качественной восточной литературы. Позже издательство открыло единственный в своём роде книжный магазин «Восточная коллекция», получивший положительные отзывы, и закрепило свои позиции в сфере публикации востоковедческой литературы. В 2002 году издатель-

ство запустило серию книг «Восточная коллекция», к которой принадлежит и пересмотренное издание перевода «Шань хай цзин» Э.М. Яншиной.

Его партнёр, издательство «Рипол Классик», специализируется на публикации литературных произведений и имеет солидную репутацию в отрасли. Согласно данным РБК (Российского бизнес-консалтинга) за 2004 год, годовой тираж «Рипол Классик» занимал 13-е место среди российских издателей (Рипол-классик — Википедия, wikipedia.org).

Издательство «Наталис» выбрало сотрудничество с более крупным издательством «Рипол Классик» во многом для того, чтобы смягчить экономическое давление, с которым сталкиваются небольшие издательства в условиях рыночной экономики, и получить финансовую поддержку. В свою очередь, «Рипол Классик» решило участвовать в издательском проекте «Наталис», поскольку высоко оценивало его перспективы и развитие в области публикации востоковедческой литературы

Решение «Наталиса» опубликовать пересмотренное издание перевода «Шань хай цзин» Э.М. Яншиной, безусловно, было обусловлено такими важными факторами, как высокое качество перевода, признание в академических кругах и символический капитал издательства, выпустившего первое издание.

С точки зрения эффекта распространения, влияние пересмотренного издания русского перевода «Шань хай цзин» несколько ослабло по сравнению с первым изданием. Это проявляется, во-первых, в том, что только первое издание имеет легко доступную электронную версию. Во-вторых, поиск в WorldCat, самой всеобъемлющей в мире базе данных библиотечных каталогов, показывает, что зарубежные библиотечные фонды русского перевода «Шань хай цзин» в основном содержат издание 1977 года. Причин такого результата может быть несколько, и, по мнению автора, основные из них следующие:

1. Символический капитал издательства «Наталис» уступает тому, которым обладало издательство «Наука» в советский период, что могло повлиять на международное распространение пересмотренного издания.

2. Пересмотренное издание «Шань хай цзин» от «Наталис» всё ещё ориентировано на серьёзную литературу и предназначено для российского китаеведческого сообщества, не раскрывая скрытой информации оригинала, что затрудняет расширение аудитории среди массовых читателей.

3. Оригинал «Шань хай цзин» содержит как текст, так и иллюстрации. Особенно в части «Хай цзин» («Каталог морей»), сначала были изображения, а затем текст, который служил пояснением к иллюстрациям. Таким образом, иллюстрации играют важную вспомогательную роль в понимании «Шань хай цзин», но пересмотренное издание не смогло эффективно восполнить недостаток визуальной информации в первом издании, что ограничивает расширение аудитории.

4. Хотя в пересмотренном издании исправлены некоторые погрешности в терминологии по сравнению с первым, всё ещё остаются определённые неточности в интерпретации.

Заключение

В данном исследовании, углублённо применяя теорию социальной практики Пьера Бурдьё, рассматривается, как ключевые участники процесса перевода «Шань хай цзин» на русский язык — переводчик Э.М. Яншина, инициатор проекта профессор Л.Д. Позднеева, а также издательства, участвовавшие в распространении перевода, — через свои капиталы и габитус совместно формировали процесс создания и распространения переводного произведения.

Академический капитал и статус профессора Л.Д. Позднеевой в российском китаеведении предоставили проекту перевода мощный символический капитал, в то время как глубокие академические знания Э.М. Яншиной и её исследования китайской мифологии продемонстрировали ценность её культурного капитала и профессиональный габитус. Кроме того, глубокий символический капитал самого «Шань хай цзин» в китайской культуре, в сочетании с исследованиями таких учёных, как Юань Кэ, обеспечил богатый культурный контекст и академическую основу для перевода, что способствовало его распространению и усилению влияния в России, особенно в российских академических кругах.

Исследование также изучило влияние социальной идеологии и экономической среды на капитал и габитус издательств, а также то, как эти факторы повлияли на выпуск, распространение и эффект русского перевода «Шань хай цзин» Э.М. Яншиной.

Результаты исследования показывают, что перевод — это не просто преобразование языковых знаков, а сложная деятельность, сочетающая в себе элементы широкого спектра социальных практик, в которой взаимодействие индивидуальных капиталов, социального габитуса и структур играет роль, которую нельзя игнорировать.

Список литературы

Ван Ган, Бянь Цзин. Перевод и исследование китайской мифологии российским китаеведом Яншиной: на примере перевода «Шаньхайцзин» и монографии «Формирование и развитие древнекитайской мифологии» // Исследования по языкам Северо-Восточной Азии, 2022. Т. 10. № 2. С. 17–26.

Позднеева Л.Д. Исследования китайской литературы в советскую эпоху: Сборник трудов по китаеведению Позднеевой Л.Д. / Сост. Ли Минбинь. Пекин: Издательство Дасянь, 2016.

Рифтин Б.Л. Исследования классической китайской литературы в СССР (романы и драма) / Пер. с кит. Тянь Давэй. М.: Издательство библиографической литературы, 1987. 8 с.

Сюй Юнпин. Десять лет взлётов и падений в издательской индустрии России // Китайский редактор, 2003. № 3. С. 68–73.

Хамаева Е.А., Шишмарёва Т.Е., Кремнев Е.В. Транслингвографический перевод как способ экспертного перевода (на материале переводов «Шань хай цзин» и «Эръя») // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык, 2016. № 4.

Хэ Дань (*He Dan*). Исследование о распространении «Шань хай цзин» в России и принципах перевода: дис... канд. филол. наук. Цюйфуский педагогический университет, 2022.

Цзинь Цзе, Дин Сяомэй, Ван Тин. Исследование глубинного перевода русских переводов «Шань хай цзин» // Современная лингвистика, 2023. Т. 11. № 2. С. 684–691.

Шао Юань. Исследование феномена эксплицитации в переводе на русский язык «Каталог гор и морей»: дис... канд. филол. наук. Шанхайский университет иностранных языков, 2022.

Штейн В.М. Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в Древности (до III в. н.э.). М.: Изд-во вост. лит., 1960. 175 с.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. Пекин: Издательство Чжунхуа, 1960.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая / Пер. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого и В.Ф. Сорокина; Послесл. Б.Л. Рифтина. 1-е изд. М.: Наука, 1965. 496 с.

Яншина Э.М. Из «Книги о горах и морях (Шань хай цзин)» // Хрестоматия по истории Древнего Востока. Под ред. В.В. Струве, Д.Г. Редера. М.: Изд. Вост. лит., 1963. С. 469–471.

Яншина Э.М. Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

Яншина Э.М. Каталог гор и морей (Шань Хай Цзин) 2-е изд., испр. М.: Наталис, 2004. 326 с.

Bourdieu P. (1993) *The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature* (C). Cambridge: Polity Press. 162 с.

Bourdieu, P. (1997) *The Forms of Capital* (A). A.H. Halsey et al. (eds.). *Education: Culture, Economy, and Society* (C). Oxford & New York: Oxford University Press. С. 46–58.

References

Bourdieu P. (1993) *The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature* (C). Cambridge: Polity Press. 162 c.

Bourdieu P. (1997) *The Forms of Capital* (A). A.H. Halsey et al. (eds.). *Education: Culture, Economy, and Society* (C). Oxford & New York: Oxford University Press, pp. 46–58.

何丹. 《山海经》在俄罗斯的传播及翻译策略研究. 曲阜师范大学, 2022.

He Dan. (2022) *Issledovanie o rasprostranienii “Shan’ khaj czin” v Rossii i principakh perevoda* = Research on the Dissemination of Shan Hai Jing in Russia and Translation Principles: PhD Dissertation in Philology. *Czyujfuskij pedagogicheskij universitet (Qufu Normal University)* (In Chinese).

金杰, 丁晓梅, 王婷. 《山海经》俄译本深度翻译研究. *现代语言学*, 2023, 11(2): 684–691.

Jin Jie, Ding Xiaomei, Wang Ting. (2023) *Issledovanie glubinnogo perevoda russkikh perevodov “Shan’ khaj czin”* = A Study on the Deep Translation of Russian Translations of Shan Hai Jing. *Sovremennaya lingvistika (Modern Linguistics)*. Vol. 11, No. 2, pp. 684–691 (In Chinese).

Khamaeva E.A., Shishmaryova T.E., Kremnev E.V. (2016) *Translingvograficheskij perevod kak sposob ekspertnogo perevoda (na materiale perevodov “Shan’ khaj czin” i «Er’ya»)* = Translanguagraphic translation as a method of expert translation (based on translations of Shan Hai Jing and Erya). *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk (Crede Experto: Transport, Society, Education, Language)*. No. 4 (In Russian).

(俄) 波兹涅耶娃. 苏联时代的中国文学研究-波兹涅耶娃汉学论集. 李明滨编, 大象出版社, 2016.

Pozdneeva L.D. (2016) *Issledovaniya kitajskoj literatury v sovetkuyu epokhu: Sbornik trudov po kitaevedeniyu Pozdneevoj L.D.* = Studies of Chinese Literature in the Soviet Era: Collected Works on Sinology by L.D. Pozdneeva. Comp. Li Mingbin. Beijing: Izdatel’stvo Dasyan (Daxiang Publishing House) (In Chinese).

(俄) 李福清. 中国古典文学研究在苏联 (小说. 戏曲. 田大畏译. 北京: 书目文献出版社, 1987. 邵媛. 《山海经》俄译本中的显化现象研究. 上海外国语大学, 2022.

Riftin B.L. (1987) *Issledovaniya klassicheskoj kitajskoj literatury v SSSR (romany i drama)* = Studies of Classical Chinese Literature in the USSR (Novels and Drama) / Transl. from Chinese by Tian Dawei. Moscow: Izdatel’stvo bibliograficheskoy literatury (Publishing House of Bibliographic Literature). 8 p. (In Chinese).

邵媛. 《山海经》俄译本中的显化现象研究 (D). 上海外国语大学, 2022.

Shao Yuan. (2022) *Issledovanie fenomena eksplikacii v perevode na russkij yazyk “Katalog gor i morej”* = A Study of Explicitation in the Russian Translation of The Classic of Mountains and Seas: PhD Dissertation in Philology. *Shankhajsckij universitet inostrannykh yazykov (Shanghai International Studies University)* (In Chinese).

Stein V.M. (1960) Ekonomicheskie i kul'turnye svyazi mezhdou Kitaem i Indiej v drevnosti (do III v. n.e.) = Economic and Cultural Relations Between China and India in Ancient Times (Up to the 3rd Century AD). Moscow: Izd-vost. lit. (Publishing House of Oriental Literature), 175 p. (In Russian).

王钢, 边晶. 俄罗斯汉学家杨申娜的中国神话翻译与研究——以译著《山海经》和专著《古代中国神话的形成和发展》为例. 东北亚外语研究, 2022, 10(2): 17–26.

Wang Gang, Bian Jing. (2022) Perevod i issledovanie kitajskoj mifologii rossijskim kitaevedom Yanshinoj: na primere perevoda “Shanhajczin” i monografii «Formirovanie i razvitie drevnekitajskoj mifologii» = Translation and Research of Chinese Mythology by Russian Sinologist Yanshina: Based on the Translation of Shanhaijing and the Monograph The Formation and Development of Ancient Chinese Mythology. *Issledovaniya po yazykam Severo-Vostochnoj Azii (Studies on the Languages of Northeast Asia)*. Vol. 10. No. 2, pp. 17–26 (In Chinese).

徐永平. 俄罗斯出版业十年沉浮. 中国编辑, 2003(4): 68–73.

Xu Yongping. (2003) Desyat' let vzletov i padenij v izdatel'skoj industrii Rossii = Ten Years of Ups and Downs in Russia's Publishing Industry. *Kitajskij redactor (Chinese Editor)*. No. 3, pp. 68–73 (In Chinese).

Yanshina E.M. (1963) Iz “Knigi o gorakh i moryakh (Shan' khaj czin)” = From “The Book of Mountains and Seas (Shan Hai Jing)”. In: *Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka (Anthology on the History of the Ancient East)*. Ed. by V.V. Struve, D.G. Reder. Moscow: Izd. Vost. lit. (Publishing House of Oriental Literature), pp. 469–471 (In Russian).

Yanshina E.M. (1977) Katalog gor i morej (Shan' khaj czin) = The Classic of Mountains and Seas (Shan Hai Jing). Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury izdatel'stva “Nauka” (Main Editorial Office of Oriental Literature, Nauka Publishing House) (In Russian).

Yanshina E.M. (2004) Katalog gor i morej (Shan' Khaj Czin) = The Classic of Mountains and Seas (Shan Hai Jing). 2nd ed., rev. Moscow: Natalis. 326 p. (In Russian).

袁珂 (1960). 中国古代神话. 北京: 中华书局, 1960.

Yuan Ke. (1960) Mify drevnego Kitaya = Myths of Ancient China. Beijing: Izdatel'stvo Chzhunkhua (Zhonghua Book Company) (In Chinese).

Yuan Ke. (1965) Mify drevnego Kitaya = Myths of Ancient China / Transl. by E.I. Lubo-Lesnichenko, E.V. Puzitsky and V.F. Sorokin; Afterword by B.L. Riftin. 1st ed. Moscow: Nauka (Science). 496 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мэн Ся — доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета. № 199, проспект Чанъаньнаньлу, район Яньта, г. Сиань, КНР; xmeng003@163.com

Ли Цяньцзянь — аспирант факультета русского языка Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета, № 199, проспект Чанъаньнаньлу, район Яньта, г. Сиань, Китай, преподаватель Института иностранных языков Университета Чанцзи, № 9, южная часть проспекта Сенчури, г. Чанцзи, КНР; 739196829@qq.com

ABOUT THE AUTHORS:

Meng Xia — Dr. Sc. (Philology), Professor, Dean of the Russian Language Department, School of Foreign Languages, Shaanxi Normal University. No. 199, South Chang'an Road, Yanta District, Xi'an, PRC; xmeng003@163.com

Li Qianqian — Postgraduate Student at the Russian Language Department, School of Foreign Languages, Shaanxi Normal University, No. 199, South Chang'an Road, Yanta District, Xi'an, China; Lecturer, School of Foreign Languages, Changji University, No. 9, South Section of Century Avenue, Changji, PRC; 739196829@qq.com

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors state that there is no conflict of interests.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-46-62

О ПЕРЕДАЧЕ СОСТАВНЫХ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Ван Цзы

Институт иностранных языков Пекинского университета, Пекин, КНР

Для контактов: wzsoviet@126.com

Аннотация. Составные имена собственные, состоящие из двух компонентов, представляют собой сложность для русско-китайского перевода из-за их структурных и семантических особенностей. Существующая практика их передачи посредством транскрипто-транслитерации без учёта семантики часто приводит к ошибкам. Составные имена, вызывающие трудности при переводе, можно разделить на две группы по моделям 1) «отантропонимическое определение + главное слово» и 2) «главное слово + от топонимическое определение». На основе анализа ошибочных переводов демонстрируется, что ключом к адекватной передаче таких имён является тщательный анализ словообразовательной структуры определения и его культурно-семантического содержания. В статье предлагаются советы для переводчиков китайского языка: сначала переводить главное слово, затем на основе словообразовательного и семантического анализа определения передавать целое имя посредством смыслового перевода с учётом общих принципов «как в языке оригинала» и «в соответствии с устоявшейся традицией».

Ключевые слова: составные имена собственные, перевод с русского на китайский язык, ошибочные переводы, антропонимы, топонимы

Благодарность. Статья написана при поддержке Государственной программы финансирования постдокторантов-исследователей (国家自然科学基金资助博士后研究人员计划) под номером GZC20240055.

© Ван Цзы, 2025

Для цитирования: Ван Цзы. О передаче составных имён собственных с русского на китайский язык // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 3. С. 46–62. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-46-62

Статья поступила в редакцию 09.05.2025;
одобрена после рецензирования 11.10.2025;
принята к публикации 15.10.2025.

ON THE TRANSFER OF COMPOUND PROPER NAMES FROM RUSSIAN INTO CHINESE

Wang Zi

Peking University, School of Foreign Languages, Beijing

For contacts: wzsoviet@126.com

Abstract. Compound proper nouns, consisting of two components, present a challenge in Russian-to-Chinese translation due to their structural and semantic complexities. The conventional approach of transliteration-transcription often leads to mistranslations. These problematic compound names can be categorized into two types: 1) “anthroponym-derived modifier + headword” and 2) “headword + toponym-derived modifier.” Through an analysis of examples of mistranslations, we have demonstrated that the key to their accurate transfer lies in a thorough examination of the word-formation structure of the modifier and its cultural-semantic content. Practical recommendations are provided for Chinese translators: first translate the headword, then, based on word-formation and semantic analysis of the modifier, transfer the name through semantic translation, adhering to the general principles of “staying faithful to the source language” and “respecting established conventions.”

Keywords: compound proper names, Russian-to-Chinese translation, mistranslations, anthroponyms, toponyms

Acknowledgement. This article is supported by the Postdoctoral Fellowship Program of CPSF (国家资助博士后研究人员计划) under Grant Number GZC20240055.

For citation: Wang Zi (2025). On the Transfer of Compound Proper Names from Russian into Chinese. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Translation Studies Bulletin*. 3. P. 46–62. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-46-62

The article was received on May 09, 2025;
approved after reviewing on October 12, 2025;
accepted for publication on October 15, 2025.

Введение

Передача имён собственных является интересной и сложной проблемой при переводе, особенно в тех случаях, когда имена обладают прозрачной внутренней формой, исторической и культурологической аллюзивностью (Газинова, 2009: 42), поскольку в передаче нужно учитывать их семантические и структурные особенности. Данная статья посвящена составным именам, которые включают в себя два или более компонентов, связанных разными типами синтаксических отношений; подавляющее большинство из них представляют собой двухсловное наименование, созданные по модели «определение + главное слово» или «главное слово + определение» под подчинительной связью (Мезенко и др., 2022: 82–83).

На эту проблематику давно обращают внимание выдающиеся лингвисты-переводчики. Например, американский теоретик перевода П. Ньюмарк отметил, что имена и фамилии людей обычно передаются с сохранением национальной специфики (т.е. не переводятся), но если имена «прозрачные» или имеют коннотации в тексте, то они могут переводиться, например, имена святых или монархов (Ньюмарк, 1982: 214). По мнению русского лингвиста А.В. Фёдорова, к именам собственным, сохранившим определённую семантику, можно применять и транслитерацию, и перевод. Он уделил особое внимание прозвищам исторических лиц: если они исконно не входят в имена собственные, то переводятся (Фёдоров, 2002: 177–178). Современные исследователи тоже активно обсуждают особенности таких имён и конкретные способы их передачи в разных языках (Мезенко и др., 2022: 72–73; Андреева, 2022; Инь Сюй, 2023; Политова, 2024 и т.д.). Например, А.А. Политова подчеркнула важность использования семантического калькирования при переводе китайских топонимов, большинство из которых являются составными (Политова, 2024). Однако эта проблема ещё далека

от окончательного решения: в практике сохраняются ошибочные переводы таких имён.

Цель статьи — проанализировать причины появления таких ошибок и предложить практические советы для переводчиков китайского языка. Все рассмотренные далее примеры собраны нами в процессе чтения китайских научных трудов, относящихся к сфере гуманитарных наук.

1. Передача составных имён по модели «отантропонимическое определение + главное слово»

Составные имена, вызывающие трудности при переводе с русского на китайский язык, в принципе можно разделить на две группы. Первая группа — имена, в составе которых входят определения, происходящие от антропонимов. Обычно это притяжательные прилагательные (с суффиксом *-ов-/-ев-* или *-ын-/-ин-*) или прилагательные с суффиксом *-ск-*, обозначающие связь с каким-то человеком. Большинство из этих составных имён представляют собой топонимы или названия учреждений, произведений, праздников и т.д. Их передача осложняется той ситуацией, что переводчики часто делают ошибочный анализ словообразовательной структуры определений. Показательный пример — перевод названия Мариинского театра в Санкт-Петербурге. Прилагательное «Мариинский» образовано от женского имени *Мария* с помощью двух суффиксов *-ин-* и *-ск-*: театр был назван в 1860 году в честь императрицы Марии Александровны, супруги императора Александра II (Осипов, 2017: 111). Поэтому его название носит семантику «театр имени Марии», и его адекватно перевести как 玛利亚剧院. Однако раньше китайские переводчики не разбирались в структуре этого прилагательного и транскрибировали суффиксы и окончание вместе с корнем, и таким образом получился ошибочный перевод 马林斯基剧院, который в практике настолько широко распространился, что уже стал официальным китайским названием этого театра. Хотя некоторые учёные (Сунь Жаожунь, 2023: 28; Инь Сюй, 2023: 54) отметили неточность такого перевода, но из-за устоявшейся традиции его уже невозможно исправить. Ниже мы приведём несколько примеров неадекватных переводов, которые ещё не окончательно установлены и могут быть исправлены.

1.1. Мамаев курган

Название кургана с монументом в Волгограде известно всем китайским русистам, и многие в своих работах перевели его буквально

как 马马耶夫岗. Этимология этого топонима ещё не окончательно раскрыта, но распространённая версия связывает его с темником Мамаем Золотой Орды, когда-то ставившим монгольские заставы на вершину кургана. При таком толковании определение «мамаев» — это притяжательное прилагательное от имени *Мамай*. Тогда его лучше перевести как 马麦岗 (ср. китайский перевод русского фразеологизма «мамаево побоище» — 马麦大战 / 马麦血战). Также уместно сравнить название «Мамаев курган» с «Малахов курган» в Севастополе. Во втором топониме определение «Малахов» действительно связано с *Малахов*, а не с *Малах*: курган назвали по имени капитана Михаила Михайловича Малахова, жившего у подножья кургана в начале XIX века (Белянский и др., 1997: 90). Поэтому буквальный перевод 马拉霍夫岗 является адекватным.

1.2. Дмитриевская (Дмитровская) суббота

Название православного праздника встречалось в китайских статьях, посвящённых религиозной культуре России. Оно было переведено как 德米特里耶夫星期六 (Ху Вэйвэй, 2014: 54) или 德米特罗夫礼拜六 (У Ди, 2025: 62), т.е. переводчики видят в этом названии связь с каким-то Дмитриевым или Дмитровым. На самом деле это приходящийся на субботу день памяти Святого Димитрия Солунского (Δημήτριος της Θεσσαλονίκης) (Толстой, 2004: 93). Существует мнение, что традиция поминовения покойников в эту субботу была установлена великим князем Дмитрием Донским после Куликовской битвы — опять связь с именем *Дмитрий* (Казаков, 2011: 50). Поэтому прилагательное «Дмитриевский» следует считать образованным от имени *Д(и)митрий* с помощью двух суффиксов *-ев-* и *-ск-*, и обозначающим «суббота в честь Д(и)митрия». Причём при переводе необходимо учитывать, что от русифицированного имени *Дмитрий* несколько отличается по произношению его греческий эквивалент Δημήτριος, который в китайском языке принято переводить как 迪米特里. Адекватный перевод — 迪米特里礼拜六 (или 底马翠斯礼拜六, со старым церковным переводом имени святого Δημήτριος — 底马翠斯).

1.3. «Девгениево деяние»

Это древнерусская переводная повесть, восходящая к византийской поэме «Дигенис Акрит» (Διγενής Ακρίτας) (Лихачёв, 1987: 113). Имя главного героя в оригинале Διγενής обозначает «дважды рождённый» (от греч. δι- «два» + -γενής «рождённый»), отсюда русский вариант *Девгений* и его притяжательное прилагательное —

Девгениев(о). Этот текст также называется «Житие Девгения», где хорошо видна оригинальная форма *Девгений*. Поэтому перевод «杰夫格尼耶夫传» (Лю Вэньфэй и Су Линь, 2005: 27) оказался ошибочным. Правильный перевод: «杰夫格尼传».

1.4. Время Бусово

Это выражение из древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве». В китайском переводе «Истории русской культуры» М.Р. Зезиной его перевели как 布索夫时代 (Лю Вэньфэй и Су Линь, 2005: 18). Об этимологии и значении «Бусово» существует немало гипотез, например, филологи связывают его с антским князем Бозом, с половецким ханом Бусом, с названием мореходного судна буса, с названием быка по-латыни *bos* и т.д. (Карсанов, 1988: 223, 227; Максимов 2010: 716), но ни один из них не видит в нём какого-то Бусова. Поэтому можно говорить, что буквальный перевод 布索夫时代 в контексте современного изучения «Слова» не имеет никаких обоснований. Поскольку большинство исследователей предполагают оригинальную форму *Бус* (или *Буз*, *Боз*, и другие сходные по произношению формы), мы бы перевели «Время Бусово» как 布斯时代 и дали краткий комментарий о возможных толкованиях этого названия.

2. Передача составных имён по модели «центральное слово + оттопонимическое определение»

Вторая группа — имена, в состав которых входят определения, происходящие от топонимов. Обычно это оттопонимические прилагательные с суффиксом *-ск-*, реже — другие прилагательные и существительные. Все эти имена представляют собой антропонимы, причём часто иноязычные (те, которые попали в русский язык из других языков). В качестве примера можно взять имя известной всем исторической личности — Александра Македонского. В «Ревизоре» Н.В. Гоголя есть афоризм с его именем — «Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?» А в первом китайском переводе «Ревизора» это имя было переведено как 阿历山大·马其顿 (Гэн Цичжи, 2018: 15). Хотя переводчик заметил происхождение определения «Македонский» от топонима *Македония* (вместо *马其顿斯基* он написал *马其顿* без суффикса *-ск-* и окончания *-ий*), он всё же перевёл это составное имя по русской антропонимической модели «имя + фамилия» (名·姓). Это может привести к заблуждению читателей, которые бы считали, что имеется в виду человек по имени «Александр» и по фамилии «Македония». Адекватным

будет смысловой перевод 马其顿王亚历山大 (т.е. «Александр, царь Македонии»).

Такая проблема довольно часто возникает при передаче греческих имён в русских текстах, поскольку полное именование древних греков состоит из трёх компонентов — индивидуального имени, отчества и указателя этнической принадлежности (этники), но в повседневной жизни обычно употреблялся только первый компонент (Джарылгасинова и др., 1989: 368). Значит, у древних греков не было фамилий в современном смысле и, чтобы различить носящих одинаковое имя людей, в книжных источниках применяется модель «имя + этника», например, Θάλῆς ὁ Μιλήσιος «Фалес из Милета», Ἡράκλειτος ὁ Ἐφεσίος «Гераклит из Эфеса» и т.д. В русском языке этники обычно передаются через оттопонимические прилагательные с суффиксом *-ск-* (например, «из Милета» → *Милетский*, «из Эфеса» → *Эфесский*), которые легко перепутать с собственно русскими фамилиями с суффиксом *-ск-* (например, *Белинский*, *Достоевский*). Переводчики, не знающие древнегреческую ономастическую практику и способы её передачи в русском языке, часто ошибочно переводят греческие «имя + этника» как русские «имя + фамилия». Приведём несколько примеров.

2.1. Антоний Фивский

Имя святого связано с русским фразеологизмом «вкушать от пищи святого Антония», и при объяснении этимологии этого выражения некоторые лексикографы перевели это имя как 安东尼·费夫斯基 (Чжоу Цишэн и др., 1988: 83). Разумеется, «Фивский» здесь представляет собой типичную этнику, происходящую от греческого названия города *Фивы* (Θῆβαι), в пустыне вокруг которого уединялся Антоний (Каждан, 1991: 125). Причём следует отметить, что название Θῆβαι может обозначать два разных города: Θῆβαι в Греции и Θῆβαι в Египте. Первый в китайском языке принято переводить как 忒拜, а второй — 底比斯. Поэтому чтобы передать семантику этники, лучше перевести имя святого как 底比斯的安东尼. Существует ещё другой вариант — 圣安东尼 (т.е. «святой Антоний», без указания этники), но никак не «имя + фамилия» 安东尼·费夫斯基.

2.2. Диоген Лаэртский (Лаэртский)

О происхождении определения «Лаэртский» существует две версии. Первая интерпретирует «Лаэртский» как этнику (Лосев, 1986: 4), вероятно, от топонима *Лаэрт* (Λαέρτης, город в древней

Киликии). При таком толковании его лучше перевести как 拉厄尔特的第欧根尼, как в примере выше. Вторая предполагает, что «Лаэртский» происходит от римской фамилии Laertius (Энциклопедия Британника, инк., 1907: 2005). На основе этой версии сложился вариант, употребляемый в китайской исторической науке — 第欧根尼·拉尔修. Представление его как русское «имя + фамилия» 狄奥根·拉埃尔茨基 (Чжоу Цзишэн и др., 1988: 216) лишь вносит путаницу в употребление.

2.3. Фома Аквинский

В некоторых латинских и славянских именах тоже наблюдается подобный этнике компонент, обозначающий место происхождения носителя имени, например, Фома Аквинский. «Аквинский» происходит от Aquinas — латинизированного варианта итальянского d'Aquino «из Аквино (городка в Италии)», поэтому это имя обозначает «Томас из Аквино» 阿奎诺的托马斯. В китайских гуманитарных науках уже сложился общепринятый вариант передачи, т.е. транскрипто-транслитерация с латинского Thomas Aquinas — 托马斯·阿奎那, однако некоторые приняли его за русское имя с фамилией и дали ошибочный перевод 福马·阿克文斯基 (Вэнь Хуа 1992: 49; Фэнь Шаолэй 2021: 45).

2.4. Имена древнерусских князей

Что касается славянских имён, в качестве примеров можно привести имена некоторых древнерусских князей — Ярополка Киевского, Олега Древлянского, Константина Всеволодовича Ростовского и т.д. Очевидно, определение «Киевский» обозначает, что он правил Киевом, «Древлянский» — правитель древлян, а «Ростовский» — князь Ростова: эти прилагательные, которые позже стали родовыми именами, отражают практику обозначения князей по названиям принадлежащих им территорий (Джарылгасинова и др., 1989: 263). Некоторые переводчики приняли такие имена за «имя + фамилии», переведя их как 雅罗波尔克·基耶夫斯基, 奥列格·德列夫连斯基, 康斯坦丁·弗谢沃洛多维奇·罗斯托夫斯基 (Цзяо Дунцзянь и Дун Моли 2005: 17; Лю Вэньфэй и Су Линь 2005: 24), хотя в XI–XIII веках у русских ещё не было фамилий в современном смысле: они стали появляться лишь по мере создания крупного централизованного государства (Джарылгасинова и др., 1989: 264). Рекомендуем варианты: 基辅公雅罗波尔克, 德列夫良公奥列格, 罗斯托夫公康斯坦丁·弗谢沃洛多维奇 (т.е. «Ярополк, киевский князь» «Олег, древлянский князь» «Константин Всеволодович, ростовский князь»).

2.5. Константин Порфирородный, Василий Македонянин

В именах этого типа определением могут служить не только оттопонимические прилагательные, но и другие прилагательные или даже существительные. Проанализируем для примера: Константин Порфирородный и Василий Македонянин. Эпитет византийского императора «Порфирородный» перевели с греческого *Πορφυρογέννητος*, сочетая фонетический и смысловый приёмы перевода. Это сложное слово, в котором первый корень *Πορφυρο-* обозначает «пурпурный» (от прилагательного *πορφύρος*), а второй корень *γέννητος* обозначает «рождённый». Так назывались законные дети правящих императоров, ибо они рождались в пурпурной камере в императорском дворце (Каждан, 1991: 1701). В русском языке существует ещё вариант калькирования — «Багрянородный». Поскольку этот эпитет имеет явные культурные коннотации, транскрипто-транслитерация с русского на китайский будет неадекватной для передачи его семантики, например, 康斯坦丁·巴格良诺罗德内伊 (Чжэн Юньван, 2022: 150). Кроме того, если не заметить тот факт, что «Порфирородный» и «Багрянородный» являются разными вариантами передачи одного и того же эпитета, то переводчик может ошибочно представить его носителя как двух отдельных людей: 博尔费罗奇涅特 и 巴格良诺罗德内 (Ян Сумэй, 2014: 79–80). Здесь рекомендуется вариант 生于紫室的君士坦丁 или 君士坦丁 (生于紫室者) (т.е. «Константин, рождённый в пурпурной камере»).

Василий I (*Βασίλειος Α΄*) был основателем Македонской династии Византийской империи. Он был родом из Фракии или Македонии на севере Греции, откуда прозвище «Македонянин» (*ὁ Μακεδών*) (Каждан, 1991: 260). В существующем китайском переводе 瓦西里·马凯多尼亚宁 (Цзяо Дунцзянь и Дун Моли, 2005: 14) можно заметить три ошибки: для корня эпитета *Македон* — следует взять устоявшийся перевод 马其顿 вместо 马凯多尼亚, и значение суффикса *-анин* (...人 или ...出身者) целесообразно передать через смысловой перевод, а не через транскрипто-транслитерацию. Кроме того, как мы уже отметили в примере «Дмитровская суббота», русифицированное имя *Василий* соответствует греческому *Βασίλειος*, а в китайской исторической науке его принято переводить по латинизированному варианту *Basil* — 巴西尔. Поэтому рекомендованный вариант: 巴西尔一世 (马其顿出身者 / 马其顿人).

3. Практические советы по переводу составных имён на китайский язык

Выходит, что трудности в переводе составных имён с русского языка на китайский язык связаны главным образом с непониманием структурных и культурно-семантических особенностей таких имён. А ключ к качественному переводу — правильный анализ словообразовательной структуры и семантики составных частей слов, особенно определения. Исходя из этого, мы можем предложить следующие советы передачи таких имён:

3.1. Переводить главное слово

В составных именах главное слово может быть и имя нарицательное («театр» «курган» «время» и т.д.), и имя собственное («Александр» «Антоний» «Олег» и т.д.). Для перевода имени нарицательного уместно применять способ смыслового перевода (реже — калькирование), а для передачи имени собственного — транскрипто-транслитерацию. Обычно это не вызывает трудностей при переводе, но переводчикам необходимо всегда обращать внимание на принципы «как в языке оригинала» (名从主人) и «в соответствии с устоявшейся традицией» (约定俗成) (Пан Цзиньлунь, 2020: 349), особенно если это касается не исконно русских имён, а иноязычных. Например, русское имя «Василий» принято переводить как 瓦西里, а если это русский перевод греческого имени Βασίλειος, то следует перевести как 瓦西里奥斯 / 巴西里奥斯. Это перевод «по языку оригинала». Но если речь идёт об имени византийских императоров, тогда следует уважать установленную в исторической науке традицию, переведя его по латинизированному варианту Basil как 巴西尔. Здесь установленная традиция имеет приоритет над принципом «как в языке оригинала». Надо сказать, в китайской переводческой практике традиция играет более важную роль при передаче имён у древних народов (например, римских и древнегреческих), а для передачи современных имён важнее учитывать оригинальное произношение.

3.2. Анализировать словообразовательную структуру определения

Если речь идёт о прилагательном с суффиксом *-ск-* или *-ов/-ев/-ын/-ин-*, то в переводе следует удалять суффикс с окончанием и транскрибировать лишь корень. Однако анализ может осложняться сочетанием суффиксов *-ов/-ев/-ын/-ин-* и *-ск-* (получаются *-овск-*,

-евск-, -ынск-, -инск-) в одном и том же прилагательном. Здесь в большинстве случаев следует опускать оба суффикса с окончанием («Дмитриевская суббота» — 迪米特里礼拜六, «Александровский сад» — 亚历山大花园, «Петропавловский собор» — 彼得保罗大教堂, «Васильевский остров» — 瓦西里岛 и т.д.), но существуют и немало исключений, когда удаляется только последний суффикс с окончанием. Например, «Александровская геометрия» переводится как 亚历山德罗夫几何 вместо 亚历山大几何, так как данный термин связан именно с фамилией *Александров* (в честь автора теории — математика А.Д. Александрова), а не с именем *Александр*. Подобные примеры: «Дмитровский переулок» — 德米特罗夫胡同, «Потёмкинская деревня» — 波将金村. В отдельных случаях целесообразно сохранять все морфемы при переводе, например, «Малахов курган» — 马拉霍夫岗, «Тимирязев центр» — 季米利亚泽夫中心.

3.3. Раскрывать семантику определения

Очевидно, что отантропонимические прилагательные обозначают связь с каким-то человеком. При таком случае определение носит семантику «в честь кого». Ситуация с оттопонимическими прилагательными является более сложной: они могут означать, что носитель имени был родом из какого-то места («Фома Аквинский»), или он долгие годы жил или правил в каком-то месте («Ярополк Киевский»), или он совершил подвиги в каком-то месте («Александр Невский»), и т.д. Хотя анализ культурно-семантических особенностей имён не влияет напрямую на способ их передачи, он способствует правильному анализу их словообразовательной структуры и поэтому имеет важное значение. Например, при разных толкованиях семантики определения «Лаэртский» имя «Диоген Лаэртский» может анализироваться по-разному: или как «Диоген, который был родом из Лаэрта», или как «Диоген, носящий фамилию «Лаэрт». В результате получились два варианта перевода — 拉厄尔特的第欧根尼 и 第欧根尼·拉尔修. В отдельных случаях определение имеет сложные коннотации и требует пояснения с помощью комментариев. Примеры — «время Бусово» 布斯时代 (注: “布斯”一词的含义目前尚无定论, 俄苏学者多认为其与古代统治者的名字或器物名有关) и «Константин Порфирородный» 生于紫室的君士坦丁 (注: “紫室”指的是拜占庭皇帝的非私生子女的出生地点). Более того, здесь тоже важно учитывать устоявшуюся традицию. Например, в именах «Александр Невский» и «Дмитрий Донской» их определения точно являются оттопонимическими,

связанными с реками Нева и Дон. Поэтому в принципе их целесообразно перевести как 涅瓦河的亚历山大 и 顿河的德米特里. Но в практике уже сложились общепринятые варианты (транскрипто-транслитерация по модели «имя + фамилия») — 亚历山大·涅夫斯基 и 德米特里·顿斯科伊, хотя с точки зрения современной теории перевода такие варианты не могут передать историко-культурные коннотации имён и поэтому являются неудачными (Инь Суй, 2023: 54). С устоявшимися вариантами перевода можно смириться, но при этом необходимо предотвращать повторение подобных ошибок в будущем.

Заключение

Разделив составные имена собственные на две группы по моделям «определение от антропонимов + главное слово» и «главное слово + определение от топонимов», мы на конкретных примерах ошибочного перевода демонстрируем, что ключевым аспектом перевода является анализ их определений, и передача таких имён в большинстве случаев должен осуществляться посредством смыслового перевода в сочетании с транскрипто-транслитерацией. Также мы предлагаем сначала переводить главное слово, выбирая на основе правильного анализа словообразовательной структуры и семантики определения адекватные способы перевода, чтобы передать культурные коннотации составного имени в целом. В этом процессе всегда следует обращать внимание на принципы перевода «как в языке оригинала» и «в соответствии с устоявшейся традицией».

Правильно переведённые имена собственные способствуют улучшению качества русско-китайского перевода. Кроме того, поскольку ономастика теснейшим образом связана с историей и географией народа (Суперанская, 1973: 14, 26), адекватная передача культурных коннотаций составных имён способствует пониманию российских реалий китайскими учёными и массовым читателем. В настоящее время в Китае отсутствуют нормативные словари или справочники по переводу составных имён, вследствие чего переводчики вынуждены опираться на индивидуальный опыт, что приводит к отсутствию единства передачи одних и тех же имён и значительным колебаниям в качестве перевода. Надеемся, что наша статья может быть полезна для составления нормативных изданий, необходимых для совершенствования практики передачи составных имён с русского на китайский язык.

Список литературы

Андреева А.В. Перевод антропонимов с русского на китайский язык в историческом контексте // Горохова А.В., Уаф Л.Э. Актуальные проблемы лингвистики и переводоведения. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 10–17.

Белянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В. Крым. Географические названия. Симферополь: Таврия, 1997.

Вэнь Хуа (перев.), Корнеев М.Я. Философская компаративистика: история, теория, библиография // Зарубежные общественные науки, 1992. № 12. С. 51–54.

Газизова Л.В. Трудности перевода имён собственных (на материале перевода романа Тони Моррисон «Песнь Соломона») // Вестник ЧелГУ, 2009. № 35. С. 42–47.

Гэн Цзичжи (перев.), Гоголь Н.В. Ревизор и другие произведения. Шанхай: Саньян, 2018.

Джарылгасинова Р.Ш., Крюков М.В., Никонов В.А., Решетов А.М. Системы личных имён у народов мира. М.: Наука, 1989.

Инь Сюй. К вопросу о переводе древних имён собственных, терминов и цитат в русско-китайских академических переводах // Язык и перевод, 2023. № 1. С. 53–58.

Каждан А.П. Оксфордский словарь Византии. Нью-Йорк: Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 1991.

Казаков С.В. Православие: словарь-справочник. Ростов н/Д: Феникс, 2011.

Карсанов А.Н. К вопросу о «времени бусовом» в «Слове о полку Игореве» // Робинсон А.Н. Слово о полку Игореве. Комплексные исследования. М.: Наука, 1988. С. 222–227.

Лихачёв Д.С. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск 1. СПб.: Наука, 1987.

Лосев А.Ф. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.

Лю Вэньфэй и Су Линь (перев.), Зизина М.Р., Шульгин В.С., Кошман Л.В. История русской культуры. Шанхай: Шанхайское издательство переводной литературы, 2005.

Максимов В.И. Века Трояновы и время Бусово в «Слове о полку Игореве» // ГДЛ, 2010. № 15. С. 706–719.

Мезенко А.М., Генкин В.М., Деревяго А.Н. Теория имени собственного. Витебск: ВГУ, 2022.

Ньюмарк П. Учебник перевода. Лондон: Прентис-Халл Интернационал, 1982.

Осипов Ю.С. Большая российская энциклопедия. Том 19. М.: Большая Российская энциклопедия, 2012.

Пан Цзиньлунь. Распространённые ошибки и методы их исправления при переводе иностранных имён на китайский язык в академических

работах // Сборник статей по редактированию научных журналов, 2020. № 0. С. 345–350.

Политова А.А. Перевод китайских топонимов на русский язык: учёт семантических и функциональных особенностей // Вестник Московского Университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 1. С. 119–142.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.

Сун Чжаожунь. «Итальянские корни» русской вокальной школы: проникновение итальянского оперного искусства в 1730-х годах // Музыка севера, 2023. № 4. С. 16–29.

Толстой Н.И. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Том 2. М.: Международные отношения, 2004.

Ху Вэйвэй. Российские СМИ и формирование образа Православной церкви // Сибирские исследования, 2014. № 2. С. 50–55.

Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002.

Фэн Шаолэй. Долгосрочные факторы распада СССР: анализ с точки зрения истории цивилизаций // Россияведение, 2021. № 6. С. 26–51.

Цзяо Дунцзянь и Дун Моли (перев.), Георгиева Т.С. Русская культура: история и современность. Пекин: Коммерческое издательство, 2006.

Чжоу Цзишэн и др. Этимологический словарь русской фразеологии. Ухань: Издательство Педагогического университета Центрального Китая, 1988.

Чжэн Юньван. Политическое мышление русского народа через призму трёх произведений древнерусской литературы // Россияведение, 2022. № 3. С. 140–169.

Энциклопедия Британника, инк. Британская энциклопедия. Новая американская версия, 9-е издание (Том 9). Нью-Йорк — Акрон, Огайо — Чикаго: Издательская компания Саалфилд, 1907.

Ян Сумэй. Обзор исследований российских учёных по казаковедению // Сибирские исследования, 2014. № 2. С. 79–83.

References

Andreyeva A.V. (2022) *Perevod antroponimov s russkogo na kitayskiy yazyk v istoricheskom kontekste = Translation of Anthroponyms from Russian to Chinese in Historical Context.* In Gorokhova A.V., Uaf L.E. Aktual'nyye problemy lingvistiki i perevodovedeniya. Krasnodar: Kuban State University Press, pp. 10–17 (In Russian).

Belyanskiy I.L., Lezina I.N., Superanskaya A.V. (1997) *Krym. Geograficheskiye nazvaniya = Crimea: Geographical Names.* Simferopol: Tavria. (In Russian).

Dzharylgasinova R.Sh., Kryukov M.V., Nikonov V.A, Reshetov A.M. (1989) *Sistemy lichnykh imen u narodov mira = Systems of Personal Names Among the World's Peoples.* Moscow: Nauka. (In Russian).

Encyclopaedia Britannica, Inc. (1907) *Encyclopedia Britannica.* New Americanized 9th Edition. Volume 09. New York — Akron, Ohio — Chicago: The Saalfeld Publishing Company.

Fedorov A.V. (2002) *Osnovy obshchey teorii perevoda = Fundamentals of Translation Theory*. St. Petersburg: Philology Faculty of St. Petersburg State University. (In Russian).

冯绍雷 (2021) 苏联解体的长时段考量——文明史视角的探讨. *俄罗斯研究*, (06), 26–51页.

Feng Shaolei. (2021) *Dolgosrochnyye faktory raspada SSSR: analiz s tochki zreniya istorii tsivilizatsiy = The Collapse of the USSR in Long-Term Perspective: A Civilizational History Approach*. *Russian Studies*. No. 6, pp. 26–51 (In Chinese).

Gazizova L.V. (2009) *Trudnosti perevoda imen sobstvennykh (na materiale perevoda romana Toni Morrison “pesn’ Solomona”) = Challenges of Translating Proper Names (Based on the Translation of Toni Morrison’s Novel “Song of Solomon”)*. *Vestnik ChelGU*. No. 35, pp. 42–47 (In Russian).

耿济之译, 果戈理著 (2018) 巡按使及其他. 上海: 上海三联书店.

Geng Jizhi (translate), N.V. Gogol. (2018) *Revizor i drugiye proizvedeniya = “The Government Inspector” and Other Works*. Shanghai: Sanlian. (In Chinese).

胡巍葳 (2014) 俄罗斯传媒与东正教会形象塑造. *西伯利亚研究*, (02), 50–55页.

Hu Weiwei. (2014) *Rossiyskiye SMI i formirovaniye obraza Pravoslavnoy tserkvi = Russian Media and the Image Building of the Orthodox Church*. *Siberian Studies*. No. 2, pp. 50–55 (In Chinese).

焦东建, 董茉莉译, 格奥尔吉耶娃著 (2006) 俄罗斯文化史——历史与现代. 北京: 商务印书馆.

Jiao Dongjian, Dong Moli (translate), Georgiyeva T.S. (2006) *Russkaya kul’tura: istoriya i sovremennost’ = Russian Culture: History and Present*. Beijing: Commercial Press. (In Chinese).

Karsanov A.N. (1988) *K voprosu o “vremeni busovom” v “Slove o polku Igoreve” = On the Question of the “Time of Bus” in “The Tale of Igor’s Campaign”*. In *Robinson A.N. Slovo o polku Igoreve. Kompleksnyye issledovaniya*. Moscow: Nauka, pp. 222–227 (In Russian).

Kazakov S.V. (2011) *Pravoslaviye: slovar’-spravochnik = Orthodoxy: A Dictionary and Reference Guide*. Rostov-on-Don: Fenix. (In Russian).

Kazhdan A.P. (1991) *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York and Oxford: Oxford University Press.

Likhachev D.S. (1987) *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Volume 1 = Dictionary of Scribes and Book Culture of Ancient Rus. Volume 1*. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

Losev A.F. (1986) *Diogen Laertskiy. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov = Diogenes Laertius: The Lives, Teachings and Sayings of Famous Philosophers*. Moscow: Mysl. (In Russian).

刘文飞, 苏玲译, 泽齐娜等著. 俄罗斯文化史. 上海: 上海译文出版社, 2005.

Liu Wenfei, Su Ling (translate), Zizina M.R., Shul’gin V.S., Koshman L.V. (2005) *Istoriya russkoy kul’tury = History of Russian Culture*. Shanghai: Shanghai Translation Publishing House. (In Chinese).

Maksimov V.I. (2010) Veka troyanovy i vremya busovo v “Slove o polku igoreve” = The Ages of Trojan and the Time of Bus in “The Tale of Igor’s Campaign”. *HDL*. No. 15, pp. 706–719. (In Russian).

Mezenko A.M., Genkin V.M., Derevyago A.N. (2022) Teoriya imeni sobstvennogo = Theory of Proper Names. Vitebsk: VSU. (In Russian).

Newmark P. (1982) A Textbook of Translation. London: Prentice-Hall International.

Osipov Yu.S. (2012) Bol’shaya rossiyskaya entsiklopediya = Great Russian Encyclopedia. Volume 19. Moscow: Bol’shaya rossiyskaya entsiklopediya. (In Russian).

逢锦伦 (2020) 学术著作中外人名汉译的常见错误及解决方法. 学报编辑丛, (00), 345–350页.

Pang Jinlun. (2020) Rasprostrannyye oshibki i metody ikh ispravleniya pri perevode inostrannykh imen na kitayskiy yazyk v akademicheskikh rabota = Common Errors and Solutions in the Chinese Translation of Foreign Names in Academic Works. *Editorial Review of Academic Journals*. No. 0, pp. 345–350 (In Chinese).

Politova A.A. (2024). Perevod kitayskikh toponimov na russkiy yazyk: uchet semanticheskikh i funktsional’nykh osobennostey = Translating Chinese toponyms into Russian in View of Their Semantic and Functional Characteristics. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda*. No. 1, pp. 119–142 (In Russian).

孙兆润 (2023) 俄罗斯声乐学派的“意大利之根”——18世纪30年代意大利歌剧艺术的传入. 北方音乐, (04), 16–29页.

Sun Zhaorun. (2023) “Ital’yanskiye korni” russkoy vokal’noy shkoly: proniknoveniye ital’yanskogo opernogo iskusstva v 1730-kh godakh = The Italian Roots of the Russian School of Vocal Music – The Introduction of Italian Opera Art in the 1730s. *Journal of the Northern Music*. No. 4, pp. 16–29. (In Chinese).

Superanskaya A.V. (1973) Obschaya teoriya imeni sobstvennogo = A General Theory of Proper Nouns. Moscow: Nauka. (In Russian).

Tolstoy N.I. (2004) Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar’ = Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary. Volume 2. Moscow: Mezhdunarodny’e otnosheniya. (In Russian).

文华译, 科尔涅耶夫著 (1992) 比较哲学的形成: 历史、理论、书目. 国外社会科学, (12), 51–54页.

Wen Hua (translate), M.Y. Korneyev. (1992) Filosofskaya komparativistika: istoriya. teoriya, bibliografiya = Comparative Philosophy: History, Theory and Bibliography. *Social Sciences International*. No. 12, pp. 51–54 (In Chinese).

杨素梅 (2011) 俄罗斯学者关于哥萨克学研究述评. 西伯利亚研究, (3), 79–83页.

Yang Sumei. (2011) Obzor issledovaniy rossiyskikh uchenykh po kazakovedeniyu = An Overview of Russian Academic Research on Cossack Studies. *Siberian Studies*. No. 3, pp. 79–83 (In Chinese).

尹旭 (2023) 刍议俄汉学术翻译中的涉古专名、术语、引文问题. 语言与翻译, (01), 53–58页.

Yin Xu. (2023) *K voprosu o perevode drevnikh imen sobstvennykh, terminov i tsitat v russko-kitayskikh akademicheskikh perevodakh* = On the Translation of Ancient Proper Names, Terminology and Quotations in Russian-to-Chinese Academic Translation. *Language and Translation*. No. 1, pp. 53–58 (In Chinese).

郑永旺 (2022) 从三部古代俄罗斯文学作品看俄罗斯民族的政治思维. 俄罗斯研究, (03), 140–169页.

Zheng Yongwang. (2022) *Politicheskoye myshleniye russkogo naroda cherez prizmu trekh proizvedeniy drevnerusskoy literatury* = Political Thought of the Russian Nation as Reflected in Three Ancient Russian Literary Works. *Russian Studies*. No. 3, pp. 140–169 (In Chinese).

周纪生等 (1988) 俄语成语语源词典. 武汉: 华中师范大学出版社.

Zhou Jisheng et al. (1988) *Etimologicheskii slovar' russkoy frazeologii* = Etymological Dictionary of Russian Idioms. Wuhan: Central China Normal University Press. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ван Цзы — постдокторант, Пекинский университет, Институт иностранных языков, Факультет русского языка и литературы. ул. Ихэюаньлу, 5, район Хайдянь, Пекин, КНР, 100871; wzsoviet@126.com

ABOUT THE AUTHOR:

Wang Zi — Postdoctoral Fellow at the Faculty of Russian Language and Literature; School of Foreign Languages, Peking University; No. 5 Yiheyuan Road, Haidian District, Beijing, PRC, 100871; wzsoviet@126.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'253

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-63-76

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИРОНИИ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ И ИХ ПЕРЕДАЧА В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

Мария Валерьевна Михайловская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: m_mikhaylovskaya@mail.ru

Аннотация. За последние несколько десятилетий ирония стала неотъемлемым компонентом официальных выступлений российских политиков. Становится очевидным, что иронические ремарки не возникают в речи случайно по причине излишней эмоциональности говорящего, а используются с расчётом вызвать нужную реакцию и сформировать определённое отношение к обсуждаемым вопросам, являясь частью тщательно продуманной стратегии. Таким образом, наделённые ироническим потенциалом единицы становятся способом манифестации языковой личности говорящего и инструментом оказания манипулятивного воздействия. Данная статья посвящена изучению элементов вертикального контекста как средств реализации иронии в современном российском политическом дискурсе и особенностей их передачи в синхронном переводе. В ходе исследования было установлено, что такие элементы вертикального контекста, как аллюзии, цитаты, реалии и идеологемные сочетания, способны создавать и усиливать иронический эффект. Как было показано, способы реализации иронического потенциала исходного высказывания, будь то элементы вертикального контекста или ставшие уже традиционными приёмы и механизмы, вызывают существенные трудности в синхронном переводе в силу разных языковых картин мира, когнитивного багажа и различного восприятия средств выражения иронии представителями русской и англоязычных лингвокультур. Помимо прочих задач, переводчик должен своевременно распознать иронию и её компоненты для приня-

тия адекватного переводческого решения, способствующего максимально возможной передаче коммуникативного эффекта.

Ключевые слова: ирония; способы реализации иронии; иронический потенциал; вертикальный контекст; элементы вертикального контекста; синхронный перевод; российский политический дискурс

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Михайловская М.В. Способы реализации иронии в выступлениях российских политических деятелей и их передача в синхронном переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. №. 3. С. 63–76. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-63-76

Статья поступила в редакцию 04.10.2025;
одобрена после рецензирования 30.10.2025;
принята к публикации 31.10.2025.

EXPLORING THE WAYS OF IRONY MANIFESTATION IN PUBLIC SPEECHES OF RUSSIAN POLITICIANS AND THEIR SIMULTANEOUS INTERPRETATION

Maria V. Mikhailovskaia

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: m_mikhaylovskaya@mail.ru

Abstract. In recent decades, irony has become an integral part of Russian political discourse. It becomes abundantly clear that ironic retorts do not appear randomly in speech as a result of the speaker's excessive emotionality but are used as a stimulus to provoke the desired reaction and form a particular attitude to certain issues, as part of a meticulously elaborated strategy. The units with ironic potential thus become a way of manifesting the speaker's linguistic personality and a tool of manipulation. The present study is undertaken to explore vertical context elements as means of expressing irony in contemporary Russian political discourse and to examine the impact of their rendition on the quality of simultaneous interpretation. The findings further reveal that vertical context elements, such as allusions, quotations, realia and ideologemic combinations, are capable of producing and intensifying the ironic effect. As has been shown, the ways in which the ironic potential of the source utterance is

---

© Mikhailovskaya M.V., 2025

realised, whether through elements of the vertical context or through traditional techniques and mechanisms, cause significant difficulties in simultaneous interpretation due to different language worldviews, cognitive baggage and dissimilar perception of the means of irony expression by representatives of Russian and English-speaking linguistic cultures. Among other mentally demanding tasks, the interpreter has to recognise irony and its components in time to make an appropriate interpreting decision that will help to recreate the communicative effect of the source utterance.

Keywords: irony; ways of irony manifestation; ironic potential; vertical context; vertical context elements; simultaneous interpreting; Russian political discourse

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: *Mikhailovskaia M. V.* (2025). Exploring the ways of irony manifestation in public speeches of Russian politicians and their simultaneous interpretation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 3. P. 63–76. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-63-76

The article was received on October 04, 2025;
approved after reviewing on October 30, 2025;
accepted for publication on October 31, 2025.2025.

Введение

В настоящее время ирония, представляющая собой некий способ «осмеяния, содержащего оценку того, что осмеивается» (Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 316), изучается как одна из отличительных черт современного российского политического дискурса. Как было установлено, отличительный признак иронии — «двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый; чем больше противоречие между ними, тем сильнее ирония» (там же). В данном исследовании, посвящённом способам манифестации этого феномена в современном политическом дискурсе, представляется более уместным исходить из понимания иронии как «синтеза идеологического процесса и лингвистического явления» (Горностаева, 2018: 59).

За последние несколько десятилетий вкрапления единиц, обладающих ироническим потенциалом, стали неотъемлемой частью

официальных выступлений российских политиков, поскольку, как не раз отмечалось различными исследователями, современный российский политический дискурс претерпел значительную трансформацию, прежде всего, под влиянием индивидуального-авторского дискурса Президента РФ В. Путина (Гаврилова, 2017; Горностаева, 2016, 2018; Паршина, 2012). Обезличенный, даже в какой-то степени, пользуясь выражением П. Серио, «деревянный» советский политический дискурс (Sériot, 1985) заиграл новыми лексико-стилистическими гранями, инкорпорируя разнообразные способы достижения иронического эффекта, некогда чуждые высокой политической риторике.

С одной стороны, иронические замечания могут быть продуманы заранее и включены в текст публичного выступления. С другой, наделённое ироническим потенциалом высказывание может быть неким экспромтом, выступая не как продуманный инструмент воздействия, а как категория дискурса, продукт взаимодействия между говорящим и реципиентом (Горностаева, 2018: 60). Так или иначе, иронические ремарки не возникают в речи случайно по причине излишней эмоциональности говорящего, а используются с расчётом вызвать нужную реакцию и сформировать определённое отношение к обсуждаемым вопросам, являясь частью тщательно продуманной стратегии: иронические элементы становятся способом манифестации языковой личности говорящего и инструментом оказания манипулятивного воздействия.

Методология и материал исследования

Настоящее исследование было проведено на материале современного российского политического дискурса, а именно публичных выступлений ведущих политических деятелей — В. Путина, С. Лаврова и М. Захаровой за период с 2016 по 2022 г. и их синхронного перевода в языковой паре русский-английский.

Собранный материал был систематизирован в двуязычный параллельный корпус устных текстов политического дискурса по следующим параметрам: 1) конкретный временной период; 2) политический деятель; 3) мероприятие, в рамках которого озвучивается публичное выступление; 4) тематика выступления (актуальные внутриполитические и геополитические вопросы); 5) синхронный перевод на английский язык, осуществлённый в прямом эфире.

Созданный корпус, длительность которого составляет 15 часов, составляют следующие дискурсивные события: большие пресс-конференции Президента РФ В. Путина, ежегодные пресс-

конференции Министра иностранных дел Российской Федерации С. Лаврова и брифинги Директора департамента информации и печати МИД РФ, официального представителя МИД РФ М. Захаровой.

Синхронный перевод, включённый в двуязычный параллельный корпус, был осуществлён в прямом эфире разными переводчиками, имеющими, как правило, различный статус. Первую условную группу составляют медиапереводчики-фрилансеры или штатные переводчики международного телеканала *RT* (ранее — *Russia Today*). В данном случае перевод осуществляется *in absentia*, то есть удаленно — в синхронной кабине, расположенной в телестудии. Во вторую группу входят официальные переводчики делегаций и Департамента лингвистического обеспечения МИД РФ. Перевод осуществляется *in situ*, то есть переводчик при выполнении своей работы находится в синхронной кабине, расположенной в непосредственной близости от участников официального мероприятия — в конференц-зале или зале заседаний.

Методологию исследования составляет лингвопрагматический анализ вербальной составляющей параллельных текстов с последующим — при необходимости — разбором невербального компонента.

Таким образом, положенный в основу настоящего исследования двуязычный параллельный корпус включает в себя обширный аутентичный материал, отражающий языковые особенности современного российского политического дискурса и реальную практику синхронного перевода. Проведённый лингвопрагматический анализ отобранных параллельных текстов позволяет судить о способах реализации иронии в данном виде дискурса, а также приёмах и тактиках, к которым прибегают высококвалифицированные переводчики для передачи иронического компонента в синхронном переводе.

Результаты: способы реализации иронии и их передача в синхронном переводе

Как показало проведённое исследование, в своих выступлениях российские политики часто прибегают к различным средствам выражения иронии, реализующим манипулятивную функцию. Иронический эффект может достигаться не только через уже хорошо известные «механизмы» (сопоставление несопоставимого, ирония парадокса; нарушение коммуникативных ожиданий; двусмысленность; открытие очевидного; отрицание очевидного; категоричное

противоречие; неожиданную смену речевого регистра (Горностаева, 2016: 60)), но и с помощью определённых элементов вертикального контекста, способных передать и усилить этот эффект. Как известно, вертикальный контекст представляет собой информацию общекультурного характера (Полубиченко, 1979: 4) (филологического, исторического, социально-политического, научно-популярного и иного рода — в зависимости от типа дискурса), в разных пропорциях содержащуюся в любом письменном или устном тексте и актуализируемую за счёт ассоциативности, метафоричности, ингерентных и адгерентных коннотаций, вплетённых в ткань отдельных лингвистических единиц, подразумеваемый смысл которых интерпретируется реципиентом на основании его языковой компетенции и накопленного когнитивного опыта. При этом среди элементов вертикального контекста принято выделять цитаты, аллюзии, фразеологизмы, реалии, лингвокультураны, идеологемы и единицы разговорной лексики (Гюббенет, 2010; Михайловская, 2016, 2018; Полубиченко, Михайловская, 2017).

Разнообразные способы реализации манипулятивного потенциала иронии, к которым прибегают ведущие российские политики, перевернули представление о политическом и дипломатическом дискурсах и стали уже привычными для русскоязычного реципиента. Однако для передачи в синхронном переводе эти средства выражения иронии часто представляют объективную сложность в силу разных языковых картин мира и различного восприятия инструментов иронии представителями русской и англоязычных лингвокультур. Разберём наиболее показательные случаи.

Мы знаем, что Демократическая партия проиграла не только президентские выборы, но и выборы в Сенат, где у республиканцев большинство, в Конгресс, где у республиканцев большинство. Это что, тоже наша, тоже моя работа? А потом мы устроили пир горой на «развалинах часовни XVII века»? Часовню тоже мы развалили? Всё это не так (В. Путин. Большая пресс-конференция, 2016) // *We know that the Democratic party hasn't just lost the presidential election, but also the election to the Senate where the Republicans enjoyed the majority, to the Congress where the Republicans enjoyed the majority. Is this my job as well? Is it my fault as well? Did we break this chapel as well? This is not the case. We didn't break that chapel* (Синхронный перевод, ДЛО МИД РФ).

Как становится очевидным из примера выше, иронический эффект в высказывании В. Путина достигается за счёт реализации манипулятивной и дискредитирующей подфункций использованных

таких элементов вертикального контекста (Михайловская, 2024: 129), как синтаксис разговорной речи (*Это что, тоже наша, тоже моя работа?*), фразеологический оборот (*устроили пир горой*) и аллюзия на фразу Шурика, главного героя советского комедийного фильма Л. Гайдая «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (*Простите, часовню тоже я... развалил? — cf. А потом мы устроили пир горой на «развалинах часовни XVII века»? Часовню тоже мы развалили?*). Переводчику отчасти удалось сохранить разговорный стиль исходного высказывания (*Is this my job as well? Is it my fault as well?*), однако передать аллюзию не получилось. В переводе *Did we break this chapel as well? This is not the case. We didn't break that chapel* появление часовни оказывается для англоязычного реципиента совершенно немотивированным, а словосочетание *to break the chapel* нарушает нормы сочетаемости английского языка. Такое переводческое решение не только не передаёт иронию и интенции говорящего, но и не позволяет понять смысл высказывания. Естественно, даже полноценно переданную аллюзию на слова из советского фильма представителю другой лингвокультуры вряд ли бы удалось понять, поскольку цитаты и аллюзии из советских кинолент обычно выходят за рамки его культурного багажа. В данном случае опущение упоминания о часовне было бы более рациональным решением, так как не отвлекало бы от передачи иронического эффекта другими средствами.

Следующий пример наглядно иллюстрирует использование цитаты как средства выражения иронии и приёма её передачи в синхронном переводе: *«Мне трудно делать какие-то прогнозы. Как сказал в одном из своих великих афоризмов В.С. Черномырдин, царствие ему небесное: “Прогнозирование — чрезвычайно сложная вещь, особенно когда речь идёт о будущем”»* (С. Лавров. Ежегодная пресс-конференция, 2020) // *«You know it's very hard to make any forecasts here. There is a great saying by Mr. Chernomyrdin, may he rest in peace: “It's a very ungrateful thing to make forecast especially about the future”»* (Синхронный перевод, RT).

В данном случае фигурирующий в ироническом ключе черномырдинский афоризм помог С. Лаврову элегантно уйти от прямого ответа на вопрос журналиста о том, какая судьба ожидает Иран в 2020 г., не повторит ли это государство судьбу Венесуэлы. Стоит отметить, что переводчик практически дословно передал слова С. Лаврова и цитируемое им высказывание, полностью сохранив смысл и иронию. Этот пример представляет собой тот случай, когда калькирование поверхностной структуры помогает передать ирони-

ческий эффект фразы, что можно объяснить в том числе и тем, что в исходном афоризме содержалась констатация очевидного факта.

Такой элемент вертикального контекста, как реалья, тоже может способствовать созданию иронического высказывания, о чём свидетельствует следующий пример: «*Честно говоря, за работой блогеров мне не удаётся следить. Я уже давно **ни за кем не слежу**, с тех пор как перестал быть **директором Федеральной службы безопасности***» (В. Путин. Большая пресс-конференция, 2021) // “*Well, honestly, I’m not following what the bloggers are doing. And, well, **I haven’t been following people for a very long time, since I quit the Federal Security Service***” (Синхронный перевод, ДЛЮ МИД РФ).

В ответе В. Путина на вопрос одного из участников пресс-конференции содержится иронический компонент, который складывается из двусмысленности, игры слов с разными коннотациями и смысловой нагрузкой (за *работой блогеров мне не удаётся **следить*** — я уже давно *ни за кем **не слежу***), а также упоминания реалии (Федеральная служба безопасности), обладающей определённым ассоциативным потенциалом. Переводчик опустил игру слов, однако передать иронический эффект высказывания говорящего через калькирование поверхностной структуры ему удалось, чему также способствовал практически идентичный коннотативный и ассоциативный потенциал реалии *Федеральная служба безопасности* в русском и *Federal Security Service* в английском языках.

Идеологемные словосочетания также могут служить средствами создания или усиления иронического эффекта. Разберем следующий пример и его синхронный перевод: «*Теперь дальше: по поводу реестра СМИ — иностранных агентов и СМИ, которые попадают в иностранные агенты. Согласен с Вами, что ничего хорошего нет. Но напоминаю ещё раз, этот закон придуман не нами, а придуман в государстве, которое — Вы как представитель Великобритании, в данном случае Вы так выступаете, а Великобритания является ближайшим союзником Соединённых Штатов, — все считают **светочем демократии***» (В. Путин. Большая пресс-конференция, 2021) // “*Now, the last question was about foreign agents and media on the list. This law, it’s not something we came up with on our own. You currently act as a representative of the UK and the UK is the closest ally of the US, and these countries are considered as **beacons of democracy***” (Синхронный перевод, ДЛЮ МИД РФ).

Иронический потенциал высказывания В. Путина о реестре иностранных агентов раскрывается за счёт смыслового парадокса, реализуемого во фразе *этот закон придуман не нами, а придуман*

в государстве, которое (...) все считают **светочем демократии**. Иронический эффект усиливается благодаря идеологемному словосочетанию *светоч демократии*, которое само по себе обладает ироническим компонентом и уже обросло отрицательными коннотациями, поскольку употребляется применительно к тем странам и государствам, суть политики и принимаемых законов которых идет вразрез с демократическими принципами, то есть антидемократична. Переводчик опустил главную мысль о том, какое именно государство породило закон о реестре иностранных агентов, сохранив только идею о том, что *этот закон придуман не нами* — *this law, it's not something we came up with on our own*. Для передачи вышеупомянутого идеологемного сочетания был использован функциональный аналог, также обладающий идеологемным статусом в английском языке, — *a beacon of democracy* (дословно — *маяк демократии*). Это словосочетание было образовано по аналогии с другими фразеологизмами, наделёнными идеологическим компонентом и ставшими своеобразными реперными точками американского, в меньшей степени британского, политического дискурса: *a beacon of light, a beacon of hope, a beacon of opportunity, a beacon of excellence*. Перечисленные единицы часто используются в комплиментарном ключе, характеризуя Соединенные Штаты Америки. Идеологемное словосочетание *a beacon of democracy* не имеет отрицательных коннотаций в английском языке и не обладает ироническим потенциалом. Таким образом, синхронный перевод прозвучал нейтрально — как констатация определённых фактов, поскольку была опущена главная мысль исходного высказывания, при этом идеологемное словосочетание с ироническим, а также отрицательным коннотативным и негативным ассоциативным потенциалом было передано на английский язык с помощью функционального аналога, лишённого иронического компонента и обладающего противоположным зарядом — положительными коннотациями и ассоциациями.

В следующем примере можно проследить, как ирония выражается посредством парадокса и как этот прием был передан в синхронном переводе: **«Невозможно одной рукой снабжать неонацистов на Украине оружием, а другой — придумывать планы по «спасению ситуации»**. (...) Вызывает удивление предположение, что Москву в принципе могли бы заинтересовать **«мирные» инициативы**, которые во главу угла ставят логику дальнейшего ужесточения санкций против России и продолжения военной поддержки киевского режима. При этом авторы документа ни слова

не говорят о прекращении поставок оружия Украине, без чего невозможно достичь мирного урегулирования. Это очевидно любому начинающему даже не дипломату, а стажёру» (М. Захарова. Брифинг, 25.05.2022) // **“I can say that you cannot send weapons to Neonazis in Kiev and at the same time invent plans for saving situation. (...) It is surprising to assume that Moscow could be interested in peace initiatives that focus on logic of further tightening sanctions against Russia and continuing military support to the Kiev regime. At the same time the authors of the document don't say a word about stopping supplies to Ukraine, which is impossible to achieve a peaceful, a peaceful settlement. And it's obvious, it's apparent to any diplomat”** (Синхронный перевод, RT).

В этом комментарии М. Захаровой ирония реализуется за счёт парадокса, а именно перечисления заведомо взаимоисключающих понятий: *снабжать неонацистов на Украине оружием — придумать планы по «спасению ситуации»; «мирные» инициативы — дальнейшее ужесточение санкций против России и продолжение военной поддержки киевского режима; ни слова о прекращении поставок оружия Украине — достичь мирного урегулирования*. Рассмотрим, как этот смысловой парадокс был передан в синхронном переводе: *you cannot send weapons to Neonazis in Kiev — at the same time invent plans for saving situation; peace initiatives — further tightening sanctions against Russia and continuing military support to the Kiev regime; don't say a word about stopping supplies to Ukraine — to achieve a peaceful, a peaceful settlement*. Оставим в стороне некоторые неудачные обороты и кальки (например, *for saving situation; which is impossible to achieve a peaceful, a peaceful settlement*), нарушающие узус и норму английского языка, и сосредоточимся на передаче смыслового парадокса как средства выражения иронии. Фраза *to stop supplies to Ukraine* без упоминания того, какими именно были эти припасы/поставки, в противопоставление взаимоисключающих понятий не укладывается, так как оставляет возможность для домысливания. Неудачен и перевод последней фразы, представляющей собой подытоживание главной мысли, призванной усилить иронический эффект всего высказывания: *«Это очевидно любому начинающему даже не дипломату, а стажёру»*. Данное утверждение было передано следующим образом: *“And it's obvious, it's apparent to any diplomat”*. Допущенная автокоррекция (*it's obvious, it's apparent*) не улучшила перевод, а только утяжелила его восприятие. Содержащееся в исходной фразе противопоставление *дипломат — стажёр* передано не было из-за попытки немотивированной генерализации

to any diplomat, которая привела к искажению смысла, поскольку *стажёр* — это начинающий специалист, а не «любой» *дипломат*. Таким образом, непоследовательная передача смыслового парадокса, употребление калек, немотивированная генерализация, допущение языковых ошибок, повтор (*a peaceful, a peaceful settlement*) и автокоррекция воспрепятствовали передаче иронии в этом фрагменте.

Заключение

Таким образом, ирония в современном российском политическом дискурсе выступает в качестве манипулятивного инструмента, который реализуется не только с помощью традиционных приёмов, например парадокса, но и через использование элементов вертикального контекста. В качестве средств выражения иронии могут служить аллюзии, цитаты, реалии и даже идеологемные сочетания, выполняя тем самым свою манипулятивную и дискредитирующую функции. К показало исследование, в одних случаях иронический эффект помогает сохранить калькирование поверхностной структуры, что редко оказывается эффективным при переводе стилистически нейтральных, «неироничных» высказываний, в других — скорее может «сработать» опущение аллюзии или части цитаты, если они выходят за пределы культурного багажа реципиента. Также нужно быть осмотрительнее с использованием функционального аналога идеологемных сочетаний, если в переводящем языке они лишены иронического компонента и наделены исключительно коннотативно-ассоциативным потенциалом. Реалии же, обладающие идентичными коннотациями и вызывающие аналогичные ассоциации в исходной и принимающей лингвокультурах, наоборот, целесообразнее передавать с помощью соответствующего эквивалента. Наряду с вышесказанным, стоит отметить, что во многих случаях универсальным способом передачи иронии или компенсации иронического эффекта может служить интонация — приём, к которому прибегают профессиональные синхронные переводчики в коммуникативных целях.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что способы достижения иронического эффекта исходного высказывания, будь то элементы вертикального контекста или ставшие уже традиционными приёмы и механизмы, вызывают существенные трудности в синхронном переводе в силу разных языковых картин мира, когнитивного багажа и различного восприятия средств выражения иронии представителями русской и англоязычных лингвокультур. Помимо прочих задач, переводчик должен своевременно распознать иро-

нию и её компоненты для принятия адекватного переводческого решения, способствующего максимально возможной передаче коммуникативного эффекта.

Список литературы

Гаврилова М.В. Лингвистический анализ выступлений главы государства: тематика, направления и методы исследования // Политическая наука, 2017. № 2. С. 54–72.

Горностаева А.А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика, 2016. № 1. С. 57–76.

Горностаева А.А. Границы дозволенного в политическом дискурсе: ироничность, чёрный юмор, деструктивность, сквернословие // Политическая лингвистика, 2018. № 1. С. 57–66.

Гоббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001.

Михайловская М.В. К постановке вопроса о глобальном вертикальном контексте дискурса и его передаче в устном переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2016. № 4. С. 174–181.

Михайловская М.В. Устный перевод: идеологема как категория глобального вертикального контекста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2018. № 4. С. 167–175.

Михайловская М.В. К вопросу о передаче функционального потенциала элементов вертикального контекста в синхронном переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2024. № 4. С. 127–136.

Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика // под ред. О.Б. Сиротиной. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Полубиченко Л.В. К обоснованию и развитию понятия вертикальный филологический контекст. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979.

Полубиченко Л.В., Михайловская М.В. Устный перевод в дискурсивном аспекте: глобальный вертикальный контекст // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2017. № 1. С. 116–129.

Sériot P. (1985) *Analyse du discours politique soviétique*. Paris: Institut d'études slaves.

References

Gavrilova M.V. (2017) *Lingvisticheskiy analiz vystuplenij glavy gosudarstva: tematika, napravleniya i metody issledovaniya* = Linguistic analysis of the speech

of the head of state: topics, directions and methods of research. *Politicheskaja nauka*. No. 2, pp. 54–72 (In Russian).

Gornostaeva A.A. (2016) Mesto ironii v rechevyh portretah sovremennyh politicheskikh dejatelej = The place of irony in the speech portrait of a modern politician. *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika*. No. 1, pp. 57–76 (In Russian).

Gornostaeva A.A. (2018) Granicy dozvolennogo v politicheskom diskurse: ironichnost', chernyj jumor, destruktivnost', skvernoslovie = Permitted limits in political discourse: irony, black humour, destructiveness, invectives. *Politicheskaya lingvistika*. No. 1, pp. 57–66 (In Russian).

Gjubbenet I.V. (2010) Osnovy filologicheskoi interpretatsii literaturno-khudzhestvennogo teksta = The basic principles of philological interpretation of a literary text. 2nd edition. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM". (In Russian).

Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij = Literary encyclopedia of terms and concepts / pod. red. A.N. Nilyukina. Moscow: Intelvak, 2001. (In Russian).

Mikhaylovskaja M.V. (2016) K postanovke voprosa o global'nom vertikal'nom kontekste diskursa i ego peredache v ustnom perevode = On the global vertical context of discourse in interpreting. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaja komunikatsija*. No. 4, pp. 174–181 (In Russian).

Mikhailovskaja M.V. (2018) Ustnyj perevod: ideologema kak kategorija global'nogo vertikal'nogo konteksta = An ideologically-bound unit as a global vertical context category from the perspective of interpreting practice. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaja komunikatsija*. No. 4, pp. 167–175 (In Russian).

Mikhailovskaja M.V. (2024) K voprosu o peredache funkcional'nogo potenciala jelementov vertikal'nogo konteksta v sinhronnom perevode = Rendering the functional potential of vertical context elements in simultaneous interpreting). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaja komunikatsija*. No. 4, pp. 127–136 (In Russian).

Parshina O.N. (2012) Rossijskaja politicheskaja rech': teoriya i praktika = Russian political discourse: theory and practice // pod. red. O.B. Sirotinoy. 3d edition. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM". (In Russian).

Polubichenko L.V. (1979) K obosnovaniyu i razvitiyu ponatiya vertikal'ny filologicheskii kontekst: Diss. ... kand. filol. nauk = Concerning the development and reasoning of the concept of philological vertical context. Moscow. (In Russian).

Polubichenko L.V., Mikhaylovskaja M.V. (2017) Ustnyj perevod v diskursivnom aspekte: globalniy vertikalniy kontekst = Discursive approach to interpreting: global vertical context. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaja komunikatsija*. No. 1, pp. 116–129 (In Russian).

Sériot P. (1985) Analyse du discours politique soviétique. Paris: Institut d'études slaves.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Михайловская Мария Валерьевна — старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, член Союза переводчиков России. 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13; m_mikhaylovskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Maria V. Mikhailovskaia — Assistant Professor at the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies. 119234, Leninskiye Gory, 1, bld. 13; Lomonosov Moscow State University, a member of Russian Union of Translators; m_mikhaylovskaya@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'253

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-77-93

ОБЗОР ПЕРСИДСКИХ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.М. ЗОЩЕНКО: ПЕРЕДАЧА ИРОНИИ И СМЕХА В САТИРИЧЕСКИХ И ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С РУССКОГО НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

Мохаммади Захра, Сейфоллахи Махди

Тегеранский университет, Тегеран, Иран

Для контактов: zahra_mohammadi@ut.ac.ir

Аннотация. В данной статье рассматриваются переводы рассказов М.М. Зощенко на персидский язык и приводится анализ передачи иронии с оригинала на персидский язык по уровням эквивалентности. Художественный перевод — это не только передача слов с одного языка на другой, но и передача мысли, понятий и даже чувств автора, что и есть мысли и чувства его народа.

Задача перевода — передать содержание подлинника, сохранив его смысл и стилистические особенности. Точный художественный перевод возможен только в том случае, если, помимо перевода слов и замысла текста, передаётся и культурная составляющая. Таким образом, переводчик создаёт не только эквивалент оригинала, но и способствует развитию межкультурной художественной коммуникации. Переводчик становится «вторым автором» того же художественного произведения на ином языке, заново создавая работу автора.

Данное исследование способствует более широкому знакомству с художественным переводом, особенно с переводом сатирических и юмористических произведений с русского на персидский язык, и ведёт к улучшению перевода сатирических текстов. Для анализа было выбрано пять рассказов из «Малого собрания сочинений» Михаила Зощенко: «Собачий нюх», «Счастье», «Диктофон», «Актёр» и «Стакан». Для анализа переводов рассказов на персидский язык использовались тексты переводов Абтина Голкара.

В основе анализа уровня эквивалентности лежат идеи В.Н. Комиссарова, Т.А. Казаковой и В.С. Виноградова по теории перевода. В ходе анализа рассматриваются примеры переводов предложений, оказывающих наибольшее влияние на юмористический ход перевода и передачу иронии текста на персидский язык, а также уровни эквивалентности перевода данных предложений с русского на персидский язык.

В статье обсуждаются уровни эквивалентности переводов сатирических рассказов М.М. Зоценко и влияние выбора эквивалентов разговорных слов и выражений для передачи иронии в тексте. Путём детального изучения различных уровней эквивалентности мы стремимся предоставить ценную информацию переводчикам, работающим с сатирической литературой.

Ключевые слова: сатира, ирония, М.М. Зоценко, художественный перевод, эквивалентность, персидский язык, передача иронии

Для цитирования: Мохаммади Захра, Сейфоллахи Махди. Обзор персидских переводов произведений М.М. Зоценко: передача иронии и смеха в сатирических и юмористических произведениях с русского на персидский язык // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 3. С. 77–93. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-77-93

Статья поступила в редакцию 30.01.2025;
одобрена после рецензирования 20.10.2025;
принята к публикации 22.10.2025.

A REVIEW OF PERSIAN TRANSLATIONS OF MIKHAIL ZOSHCHENKO'S WORKS: CONVEYING IRONY AND HUMOR IN SATIRICAL AND HUMOROUS WORKS FROM RUSSIAN TO PERSIAN

Mohammadi Zahra, Seifollahi Mahdi

University of Tehran. Tehran. Iran

For contacts: zahra_mohammadi@ut.ac.ir

Abstract. The article delves into the intricacies of translating Mikhail Zoshchenko's short stories into Persian, with a particular focus on the successful transmission of irony. We examine five stories from his collection of works, specifically "A Dog's Nose", "Happiness", "Dictation Machine", "Actor", and "Glass" all translated by Abtin Golkar. Our analysis draws upon the insightful theories

---

© Mohammadi Zahra, Seifollahi Mahdi, 2025

of V.N. Komissarov, T.A. Kazakova, and V.S. Vinogradov to investigate the nuances of translation. Literary translation transcends the mere transfer of words; it involves conveying the author's profound thoughts, concepts, and even the emotional undercurrents that reflect the very soul of their culture.

Successful translation hinges on faithfully conveying not only the surface meaning but also the underlying stylistic nuances and the author's intended effect. True literary translation demands a nuanced understanding of the source culture, enabling the translator to bridge the gap between cultures and foster cross-cultural artistic communication. In this process, the translator assumes the mantle of a "second author," creatively reimagining the original work within the framework of the target language.

This study aims to contribute significantly to our understanding of literary translation, particularly in the challenging domain of translating satirical and humorous works from Russian into Persian. By meticulously analyzing the translation choices made by Abtin Golkar, we investigate how effectively irony is conveyed in these translations. The article discusses the levels of equivalence of translations of Mikhail Zoshchenko's satirical short stories and how the choice of equivalents of colloquial words and expressions affects the transmission of the irony of the original text. Through a detailed examination of various levels of equivalence, we aim to provide valuable insights for translators working with satirical literature.

Keywords: satire, irony, Mikhail Mikhailovich Zoshchenko, literary translation, equivalence, Persian language, conveying irony

For citation: *Mohammadi Zahra, Seifollahi Mahdi* (2025). A review of Persian translations of Mikhail Zoshchenko's works conveying irony and humor in satirical and humorous works from Russian to Persian. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 3. P. 77–93. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-77-93

The article was received on January 30, 2025;
approved after reviewing on October 20, 2025;
accepted for publication on October 22, 2025.

Введение

Художественный перевод — это не просто передача слов с одного языка на другой, это передача мысли, понятий и даже чувств автора, которые также являются мыслями и чувствами его народа. В этом смысле переводчик становится автором того же произведения на ином языке и заново создаёт работу оригинального автора. Художественный перевод — это мост, соединяющий две разные

культуры и предоставляющий народам возможность понимать стиль жизни, историю страны, мысли и поведение друг друга.

Автор через своё творчество стремится непосредственно передать свои чувства читателям. Переводчик становится тем же автором — с теми же мыслями, чувствами и идеями — и переписывает то же произведение для читателей с иной культурой и мировоззрением. Каждый язык представляет собой уникальную систему, отличную от других. Способы передачи информации, мысли и идеи играют значительную роль в художественном переводе и в переводе вообще.

Русский и персидский языки, будучи различными по своей структуре, передают информацию, идеи и мысли по-разному. В результате, при переводе с русского языка на персидский, или на другие языки, неизбежно возникают трудности в передаче замысла текста оригинального языка, сохраняя при этом внутренний порядок языка перевода.

М.М. Зощенко — русский писатель, сатирик и драматург, автор множества известных рассказов и фельетонов. Его можно назвать «мастером смеха». Переводчик сатирических произведений должен знать тревоги и беспокойства писателя-сатирика и уметь передавать их через смех, который автор передал в тексте. Причиной этого смеха может быть подтекст, персонажи, история какого-либо события, социальное поведение (например, дурное поведение) и даже одно слово, пословицы или выражения. Пословицы, поговорки, жаргоны и разговорно-сниженный стиль речи — инструменты писателя-сатирика или юмориста для создания смеха. Эти разговорно-сниженные слова и выражения наиболее часто встречаются в творчестве писателя-сатирика М.М. Зощенко. Разговорно-сниженные слова и жаргоны играют центральную роль в его произведениях. Автор с их помощью стремится, во-первых, показать социальный слой, характер и психику своих героев, во-вторых, создать юмористическую атмосферу. Переводчик обязан передать эту атмосферу с помощью слов и выражений на языке перевода. Безусловно, ему приходится искать наиболее подходящие эквиваленты, чтобы не испортить юмористическую атмосферу и сохранить иронию. Инструментом переводчика являются эквиваленты.

По мнению Т.А. Казаковой, «Перевод — это преобразование сообщения на исходном языке в сообщение на языке перевода. Точный перевод, по определению, невозможен уже в силу того, что разные языки отличаются как по грамматическому строю, так и по количеству слов, не говоря уже о различии культур, что тоже может

влиять на способ и результаты перевода». При этом Т.А. Казакова считает: «Если сопоставительные грамматики и двуязычные словари существуют и даже в достаточно подробных вариантах, в том числе для соотношения русского и английского языков, то практически не существует никаких сопоставительных справочников по культурам разных народов. Предполагается, что переводчик в равной (или почти равной) степени владеет как исходной, так и переводящей культурами» (Казакова 2001: 9).

В.Н. Комиссаров в своей книге «Теория перевода (лингвистические аспекты)» выделил пять содержательных уровней, касающихся содержания оригинала и перевода:

1. Эквивалентность на уровне цели коммуникации.
2. Эквивалентность на уровне описания ситуации.
3. Эквивалентность на уровне высказывания.
4. Эквивалентность на уровне сообщения.
5. Эквивалентность на уровне языковых знаков.

В ходе анализа рассматриваются примеры переводов предложений, которые оказывают наибольшее влияние на юмористический ход перевода и передачу иронии текста на персидский язык, а также анализируются уровни эквивалентности перевода этих предложений с русского на персидский.

Рассказ «Собачий нюх»

При переводе с русского на персидский язык следует учитывать вышеуказанные значения слов, прежде чем выбрать вариант перевода. Контекст помогает переводчику выбрать наиболее подходящий оригиналу вариант. В этом рассказе сразу ясно, что речь идёт о собаке полицейского, и прилагательное «собачий» относится к ней. Таким образом, словосочетание «собачий нюх» используется в прямом значении. С другой стороны, нельзя не отметить, что иногда словосочетания могут одновременно иметь как прямое, так и переносное значение.

В этом случае переводчику будет сложно выбрать между прямым и переносным вариантом перевода, поскольку в языке перевода такое же словосочетание часто не обозначает одно и то же, и придётся выбрать только одно.

В рассказе М. Зощенко «Собачий нюх», судя по контексту, «собачий» указывает на своё прямое значение, а не на переносное. Более того, в персидском языке фразеологическое выражение «شامه‌ی سگ» само по себе указывает на «сильный нюх» и включает в себя оба значения: прямое и переносное. Например, это фразеологическое

выражение в персидском языке используется: مثل سگ بو می کشند / فلانی شامه‌ی سگ دارد. Как известно, в произведениях М. Зоценко встречается много слов и словосочетаний разговорного и разговорно-сниженного стиля, среди которых больше всего глаголов. Зоценко начинает свой рассказ «Собачий нюх» с одного из таких глаголов: «спереть». Выбрав этот глагол в первом предложении, Зоценко сразу сообщает читателям о юмористическом характере рассказа. Однако для переводчиков использование глагола «спереть» вместо глагола «украсть» имеет особое значение. Здесь перед переводчиком стоят синонимы этого глагола, которые, несмотря на указание на одно и то же действие, отличаются стилем речи: «спереть», «украсть» и «стащить».

Для перевода этого предложения переводчик выбирает более разговорно-сниженный и немного смешной вариант «کش رفتن». Этот разговорно-сниженный глагол в персидском языке является, возможно, наиболее подходящим эквивалентом данного глагола. Он вызывает смех в начале рассказа, и делает текст перевода юмористическим, что является важным для перевода сатирических текстов.

К таким словам и глаголам можно отнести «заблекотать», «зажилить», «смыться от греха» и «растеряться»:

- Заблекотал купец, побледнел. کاسب و رفت و رنگش پرید.
- Растерялся купец. یرمی بابکین دست و پایش را گم کرد.
- Я от греха поскорее смылся. من زدم به چاک و از غائله دور شدم.
- Шубу брата своего зажилил-то я у آن را از برادرم بلند کرده بودم.

В переводе этих предложений переводчик использует правила второго, третьего и четвёртого типов уровней эквивалентности. С помощью эквивалентов разговорного и разговорно-сниженного стиля он старается передать юмор текста исходного языка, сохраняя при этом форму предложений оригинала и стиль самого автора.

Иногда, чтобы перевести юмористические тексты так, чтобы и перевод стал смешным, переводчику приходится добавлять юмористические слова в переводе предложений, которые в оригинале не являются такими смешными, как в языке перевода. Таким образом, переводчик может выбрать первый или второй тип эквивалентности — «эквивалентность на уровне цели коммуникации» и «эквивалентность на уровне описания ситуации» — сохраняя только ту часть содержания оригинала, которая является целью коммуникации; во втором случае также отражается одна и та же внеязыковая ситуация.

Например, в переводе этого рассказа предложения такого типа были переведены следующим образом:

- Жалко ему, видите ли, шубы.
حتما متوجه هستيد که چقدر برايش زور داشت .
- А собачища уж тут.
ولی سگ بلافاصله همان جا سبز شد .
- А собачище и воздух некогда нюхать, схватила она двоих или троих — кто подвернулся — и держит.
سگ ديگر حتی به خودش زحمت نداد هوا را بو بکشد. دو سه نفر را که دم دستش بودند با دندان گرفت و نگه داشت

В переводе данных предложений отсутствуют некоторые слова оригинала, и, хотя сохраняется юмор, нарушается форма исходного языка. Также в переводе встречаются новые слова, которых не было в оригинале, и словосочетания разговорного стиля, которые помогают тексту перевода сохранять юмористическую атмосферу, такие как «دم دست بودن» и «زور داشتن», «سبز شدن», «به خود زحمت ندادن».

Рассказ «Счастье»

Зоценко в рассказе «Счастье», в отличие от многих других своих произведений, нарушает норму привычного стиля и резко не критикует своего героя. В рассказе не встречаются зоценовские насмешки и меньше слов и выражений разговорного и разговорно-сниженного стиля, которые являются основным инструментом писателя-сатирика. Рассказ, в отличие от многих других произведений автора, начинается не со смеха и насмешки. Автор описывает серьёзную ситуацию и задаёт вопрос: «Было ли в твоей жизни счастье?» Ирония автора заключается уже в самом названии рассказа. В тексте перевода были выбраны эквиваленты, которые передают иронию текста и, кроме того, являются примерами разговорной речи и стиля в персидском языке.

В переводе данных предложений встречаются персидские эквиваленты разговорной речи, которые помогают передать юмор оригинального текста на язык перевода. К таким эквивалентам относятся:

نان بخور و نمیر», «سیخ ایستادن», «از زیر سوال در رفتن», «در خانه را زدن», «رفتن به دنبال کار خود», «به خاک سیاه نشانندن», «صدای مشتری را در آوردن», «به چه گندگی!», «چند روبل برای کسی آب خوردن», «خدا خیرش بدهد», «بالا انداختن غذا», «پول تر و تمیز

Эти эквиваленты были выбраны переводчиком для создания смешной атмосферы оригинала в своём переводе. Другие эквиваленты данных выражений представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение переводов с пояснениями

№	Оригинал	Перевод (Голкар)	Альтернативный перевод	Пояснение
1	Хлеб на прожитьё	نان بخور و نمیری داریم (Есть хлеб, чтобы не умереть)	دستمأن به دهانمان می رسد (Денег хватает на жизнь)	Перевод Голкара подчёркивает иронию бедности, характерную для советского контекста, усиливая сатирический эффект
2	Сбил с ног	سبیلم سیخ می ایستاد (Усы вставляли дыбом)	سبیلم راست می ایستاد (Усы выпрямлялись)	«سیخ می ایستاد» — разговорное, усиливает комизм, соответствуя третьему уровню эквивалентности
3	Ждал, когда счастье постучится в дверь	تمام مدت منتظر بودم که خوشبختی بالاخره کی در خانه می زند (Ждал, когда счастье постучит в мою дверь)	تمام مدت منتظر بودم ببینم این شتر خوشبختی بالاخره کی در خانه می خوابد (Ждал, когда верблюд счастья ляжет у моих ворот)	Перевод Голкара сохраняет прямой смысл, альтернативный вариант добавляет культурно-специфичный образ, усиливая иронию
4	Иди своей дорогой	برو دنبال کارت عزیز من (Иди по своим делам, дорогой)	برو رد کارت عزیز من (Иди своей дорогой, дорогой)	«دنبال کارت» — мягкий разговорный тон, сохраняет иронию
5	Этот солдат меня в гроб загнал	این سرباز مرا به خاک سیاه نشاناد (Этот солдат довёл меня до нищеты)	این سرباز پدر مرا در آورد (Этот солдат меня совсем извёл)	Перевод Голкара усиливает драматизм, соответствуя второму уровню эквивалентности
6	Окно с дыркой	ولی پنجره می این جا سوراخ دارد به چه گندگی (Окно здесь с огромной дырой!)	ولی پنجره می این جا سوراخ دارد این هوا (Окно здесь с такой дырой!)	«چه گندگی» — разговорное, усиливает комизм

№	Оригинал	Перевод (Голкар)	Альтернативный перевод	Пояснение
7	Зеркало за 75 рублей	شیشه‌ی آینه‌ای هم هفتاد و پنج روبل برایتان آب می‌خورد (Зеркало обойдётся в 75 рублей)	شیشه‌ی آینه‌ای هم هفتاد و پنج روبل برایتان خرج بر می‌دارد (Зеркало стоит 75 рублей)	«آب می‌خورد» — идиома, добавляет ироничный оттенок
8	Бог ему в помощь	خدا خیرش بدهد (Пусть Бог ему поможет)	خدا پدرش را بیامرزد (Пусть Бог простит его отца)	Перевод Голкара нейтрален, альтернативный вариант эмоциональнее
9	Всё проглотил	همه‌اش را بالا انداختم (Всё проглотил)	همه‌اش را فرستادم خندق بلا (Всё отправил к чёрту)	«بالا انداختم» — усиливает комизм, соответствуя первому уровню эквивалентности

Что касается уровней эквивалентности в этих переводах, переводчик пытался, нарушая форму текста оригинала и используя персидские выражения и фразеологизмы разговорного стиля, передать мысль автора, его иронию и юмор. Таким образом, эквивалентность переводов первого типа, то есть эквивалентность на уровне цели коммуникации, можно считать уровнем эквивалентности в данных примерах. В переводе данных примеров сохраняется только та часть содержания оригинала, которая указывает на общую речевую функцию текста в акте коммуникации и является целью коммуникации.

Рассказ «Диктофон»

Ясный и живой пример эквивалентности первого типа встречается уже в переводе самого первого предложения рассказа:

- Ах, до чего всё-таки американцы народ острый!

!خلاصه که این ملت آمریکا عجب کله‌شان کار می‌کند

Судя по переводу данного предложения, переводчик нарушает форму оригинального текста и вводит в перевод эквивалент-фразеологизм «کله‌شان کار می‌کند», который не дословно означает «американцы народ талантливый». Другие эквиваленты разговорного стиля:

- این آمریکایی‌ها هم چه مخی دارند!
- این آمریکایی‌ها هم عجب مخی هستند.
- Короче, американцы — такие умные головы

В оригинальный текст рассказа автор вводит различные слова и выражения разговорного и разговорно-сниженного стиля, перевод и эквиваленты которых могут оказать большое влияние на передачу иронии с оригинала на язык перевода. В переводе произведения встречаются те же слова и выражения, хотя в оригинальном предложении разговорные эквиваленты тех же слов не видны; т.е. вариант переводчика даже смешнее самого варианта автора.

Например:

- Тут выступил уважаемый товарищ Тыкин, Василий. Худой такой, длинный, по шестому разряду получающий жалованье плюс за сверхурочные.
- رفیق محترم ما، واسیلی تیکین، از جایش بلند شد. آدم لاغر و درازی است. حقوقش را معادل پایه‌ی شش می‌گیرد، اضافه‌کاری هم دارد.

В переводе данного предложения переводчик выбрал эквивалент «*لاغر و دراز*» (худой и длинный). Прилагательное «*دراز*» в персидском языке считается разговорно-сниженным. Прилагательное «*دراز*», будучи эквивалентом прилагательного «*فد بلند*», в этом тексте, как и многие другие похожие эквиваленты, выбранные переводчиком в тексте перевода, становится одной из осей передачи иронии автора на персидский язык, даже если сам автор не подчёркивает это слово в своём труде.

К другим эквивалентам разговорного стиля в этом переводе можно отнести: «*ماشین وا داد*», «*به هر زحمتی بود*», «*لنگه نداشت*», «*لانتبازی*», «*زنکه‌ی احمق*».

Что касается уровней эквивалентности в переводе данных примеров, общность содержания оригинала и перевода заключалась в сохранении основных элементов текста. Переводчик пытался как можно точнее, не нарушая форму текста оригинала, передать мысль автора, его иронию и юмор рассказа. Таким образом, третий вид уровня эквивалентности встречается больше, чем другие уровни; т.е. эквивалентность на уровне высказывания.

Рассказ «Актёр»

В оригинальном тексте встречаются два фразеологизма разговорного стиля: «сами с усами» и «портить себе кровь».

- А ты, значит, им знаки делаешь — дескать, оставьте беспокоиться, граждане. Знаем. Сами с усами.

و تو هم علامت می‌دهی که نگران نباشید همشهری‌ها، درسمان را بلدیم، خودمان این‌کاره‌ایم.

- Но если подумать глубже, то ничего в этой профессии нет хорошего. Крови больше испортишь.

ولی اگر عمیق تر فکر کنیم، هیچ چیز خوبی توی این حرفه پیدا نمی‌کنیم. فقط حرص و جوش است.

Сами с усами (простореч.) — сами понимаем не хуже кого-нибудь. Сами с усами, на своём веку тоже кое-какие виды видали. (Мельников-Печерский)

Портить себе кровь — приходиться в плохое настроение из-за чего-нибудь, раздражаться.

Судя по значению данных фразеологизмов и их эквивалентам в персидском языке, выбранными переводчиком, можно сказать, что переводчик старается, помимо выбора подходящего, близкого к оригиналу эквивалента, создавать нужный смешной момент в предложении на персидском языке. Иными словами, передача иронии текста оказывается важнее самого перевода слов и предложений в целом, и выбор эквивалента играет главную роль в передаче иронии. В переводе данных предложений переводчик выбирает эквиваленты разговорного стиля: «خودمان این‌کاره‌ایم» и «فقط حرص و جوش است».

Что касается эквивалента «خودمان این‌کاره‌ایم», можно сказать, что переводчик уже нашёл наиболее подходящий вариант, но по поводу другого эквивалента, а именно «فقط حرص و جوش است», следует отметить, что в персидском языке существует более близкий вариант к оригиналу: «خون خود را کثیف کردن». Так что перевод предложения мог бы звучать так:

ولی اگر عمیق تر فکر کنیم، هیچ چیز خوبی توی این حرفه پیدا نمی‌کنیم. آدم فقط خودش را کثیفتر می‌کند.

В тексте перевода данного рассказа встречается еще один персидский фразеологизм. В отличие от предыдущих примеров, здесь персидский эквивалент по форме не соответствует оригиналу:

- Купец, значит, кричит, ногами отбивается. А его грабят. Жуткая пьеса.

کاسب داد و بیداد می‌کند و لگد می‌اندازد. ولی به هر حال لختش می‌کنند. مو به تن آدم سیخ می‌شود.

В оригинальном тексте используется словосочетание «жуткая пьеса», которое переводчик превращает в известный разговорный фразеологизм: «دوش‌م‌خی‌س‌مد‌آن‌ت‌ه‌ب‌وم». Этот выбор переводчика оказывает большое влияние на передачу иронии текста, используя правильный и подходящий вариант, хотя по форме не соответствует оригиналу.

Так что переводчик пытался, не нарушая форму текста оригинала, передать мысль автора, его иронию и юмор рассказа. В данных примерах:

1. Сохраняется цель коммуникации и идентификации той же ситуации, что и в оригинале.
2. Сохраняются общие понятия, с помощью которых осуществляется описание ситуации в оригинале.

Таким образом, третий вид уровня эквивалентности встречается больше, чем другие уровни; т.е. эквивалентность на уровне высказывания.

Рассказ «Стакан»

Одним из наиболее смешных и интересных рассказов среди юмористических и сатирических произведений М. Зощенко является рассказ «Стакан». История начинается с того, как рассказчик идёт на поминки к Блохину, который был маляром. Он не хочет туда идти, потому что там не будет хорошо накрытого стола. Рассказчик разбивает обычный стакан. Вроде бы никакой беды не случилось, но вдова и брат Блохина внезапно стали кричать на героя за то, что он портит их имущество. Между ними происходит спор.

В переводе этого рассказа на персидский язык встречаются разговорные эквиваленты, которые переводчик выбирает и считает подходящими вариантами разговорных слов, выражений и фразеологизмов оригинального текста:

- Я говорю: — В чае хотя интерес небольшой, но прийти можно.
«گفتم: البته چای همچین لقمه‌ی دندان‌گیری نیست، ولی می‌آیم»
- Иван Антонович Блохин довольно, говорю, добродушно ко мне относился и даже раз бесплатно потолок побелил.
«ایوان آنتونویچ خیلی به من محبت داشت و حتی سقفمان را مجانی سفید کرد ...»
- Я думал не заметят. Заметили, дьяволы.
«فکر کردم کسی متوجه نمی‌شود، ولی بی‌انصاف‌ها متوجه شدند»
- — Это, — говорит, — чистое разорение в хозяйстве — стаканы бить. Это немислимое дело — бить.
«استکان شکستن یعنی به باد دادن دار و ندار من»
- третий салфетку в карман сунет. Это что ж и будет такое?
«سومی دستمال‌ها را می‌چپاند توی جیبش. با این وضع که حساب من پاک ...»
«!است»
- — Тьфу на всех, и на деверя, говорю, тьфу.
«!مرده‌شور همه‌تان را ببرد»

- И поскорее вышел.
و فلنگ را بستم.
- — Подавись этим стаканом. Бери его.
«استکان را می‌دهم. خدا خفه‌ات کند»

Судя по переводу данных примеров, можно сказать, что здесь переводчик пытается передать подтекст, мысль автора и иронию текста, не сохраняя форму оригинала. Тут перевод соответствует первым двум типам уровней эквивалентности. Например, ярким примером первого типа эквивалентности можно назвать предложение «مردمشور همستان را بیرد». Здесь переводчик, нарушая форму оригинала, использует известный разговорный фразеологизм в персидском языке, чтобы передать иронию оригинального текста на язык перевода. Еще одним примером является «خدا خفه‌ات کند». В оригинале эквивалент этого предложения отсутствует. Переводчик не переводит дословно и решает использовать другой вариант для этого предложения.

Ещё один вариант эквивалента этого предложения мог бы быть:

- — Подавись этим стаканом. Бери его.
«استکان را می‌دهم. مفت چنگت»

Изучая данные примеры, встречаем ещё разговорные слова, эквиваленты которых могут помочь переводчику передать иронию и юмор рассказа. Например, в предложении «ولی بی‌انصاف‌ها متوجه شدند», эквивалент «بی‌انصاف‌ها» заменяет слово «дьяволы». Ещё один вариант эквивалента этого предложения мог бы быть:

- Я думал не заметят. Заметили, дьяволы.
فکر کردم کسی متوجه نمی‌شود، ولی نامردها متوجه شدند.

Среди подходящих эквивалентов можно назвать ещё разговорный глагол:

«سومی دستمال‌ها را می‌چپاند توی جیبش».

Здесь переводчик использует наиболее подходящий эквивалент разговорного глагола «СОВАТЬ», который вызывает смех у читателя в этом предложении.

Судя по вышесказанному и анализу примеров перевода предложений рассказа, что касается уровней эквивалентности в этих переводах, переводчик пытался, нарушая форму текста оригинала и используя персидские выражения и фразеологизмы разговорного стиля, передать мысль автора, его иронию и юмор рассказа. Таким образом, переводчик, для перевода, соблюдает правила первого или второго типа эквивалентности — «эквивалентность на уровне цели коммуникации» и «эквивалентность на уровне описания ситуа-

ции»; так что сохраняется только та часть содержания оригинала, которая является целью коммуникации; и во втором типе, кроме этого, также отражается одна и та же внеязыковая ситуация.

Культурологический анализ

Разговорная лексика Зоценко отражает советский социолект 1920–1930-х годов, связанный с бытом, социальной сатирой и «сказом» — стилизацией под устную речь низших слоёв общества. Например, глагол «спереть» в «Собачьем нюхе» указывает на воровство с оттенком простонародной небрежности, что усиливает комизм и критику мещанства. В персидском переводе эквивалент «کش رفتن» (утащить) несёт схожую функцию, но в иранском контексте воспринимается как современное разговорное выражение без исторической привязки к советской действительности.

Иранская аудитория, не знакомая с советским контекстом, может терять часть подтекста, связанного с критикой бюрократии или обывательской морали. Например, фраза «مردمشور هممتان را ببرد» в «Стакане» усиливает эмоциональность, но не передаёт сарказм Зоценко по поводу мелочности обывателей. Переводчик компенсирует это, выбирая яркие персидские фразеологизмы, которые вызывают смех у иранского читателя, но иногда теряют культурную специфику оригинала. Например, «زدم به چاک» (сбежать) в «Собачьем нюхе» звучит естественно для иранцев, но не отражает советский бытовой контекст бегства от ответственности. Таким образом, переводчик адаптирует текст к иранской культуре, жертвуя частью советского подтекста ради сохранения юмористического эффекта.

Заключение

Нельзя переводить художественный текст дословно; и чем больше уровни эквивалентности перевода художественного труда принадлежат к первым уровням, тем вернее, красивее и ближе к принципам художественных текстов становится перевод.

Изучая и анализируя переводы Абтина Голкара рассказов М.М. Зоценко с русского на персидский, приходим к выводу, что в переводе данных рассказов — как успешном переводе сатирического произведения на персидский — соблюдаются правила пяти уровней эквивалентности. Однако, что касается перевода предложений, включающих большое количество разговорных, разговорно-сниженных слов, выражений и фразеологизмов, из-за различия культур двух языков можно соблюдать правила первых трёх типов уровней эквивалентности, чтобы текст на персидском языке от-

ражал ту иронию и юмор оригинала, который автор создал в исходном языке.

Так что в переводе предложений шести избранных рассказов М. Зоценко, содержащих разговорно-сниженные слова, выражения и фразеологизмы, встречается эквивалентность на уровне: 1) цели коммуникации; 2) описания ситуации; 3) высказывания.

Правила данных типов уровня эквивалентности встречаются в переводе предложений, содержащих разговорные, разговорно-сниженные слова, выражения и фразеологизмы; т.е. предложения, несущие иронию и юмор произведения. Остальные виды уровня эквивалентности встречаются в переводе предложений, в которых отсутствуют вышеупомянутые слова и, в целом, не содержащие никакого смеха и юмора.

Список литературы

- Алимов В.В.* Теория перевода. Москва: Едиториал УРСС, 2005. 168 с.
- Большой толковый словарь персидского языка / Гл. ред. М.: Моин. Тегеран: Фарханг-Муасер, 2002.
- Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ИОСО РАО, 2001. 224 с.
- Восканян Г.А.* Русско-персидский словарь / Ред. М. Щоджаи. 4-е изд. Тегеран: Фарханг-Муасер, 2020.
- Вулс А.З.* Сатира // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 6.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
- Зоценко М.М.* Собрание сочинений. Т. 6. Ленинград: ГИХЛ, 1931.
- Зоценко М.М.* Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2018.
- Зоценко М.М.* Сборник рассказов / Пер. с рус. Абтина Голкара. Тегеран: Махи, 2017.
- Казакова Т.А.* Практические основы перевода. СПб.: Издательство Союз, 2001. 320 с.
- Казакова Т.А.* Художественный перевод. СПб.: Издательство РГПУ, 2002.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
- Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.
- Попович А.* Проблемы художественного перевода. М.: Высшая школа, 1980.
- Рыбин П.В.* Теория перевода: курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 2007.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.

References

Alimov V.V. (2005). *Teoriya perevoda = Translation Theory*. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).

Bol'shoy tolkovyy slovar' persidskogo yazyka = Large Explanatory Dictionary of the Persian Language. (2002) Ed. M. Moin. Tehran: Farhang-Muaser.

Efremova T.F. (2000). *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovno-slovoobrazovatel'nyy = New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Derivational*. Moscow: Russkiy yazyk.

Kazakova T.A. (2001). *Prakticheskie osnovy perevoda = Practical Foundations of Translation*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Soyuz. (In Russian).

Kazakova T.A. (2002). *Khudozhestvennyy perevod = Literary Translation*. St. Petersburg: Izdatel'stvo RGPU. (In Russian).

Komissarov V.N. (1990). *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Theory of Translation (Linguistic Aspects)*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).

Kuznetsov S.A. (2000). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]*. St. Petersburg: Norint. (In Russian).

Popovich A. (1980). *Problemy khudozhestvennogo perevoda = Problems of Literary Translation*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).

Rybin P.V. (2007). *Teoriya perevoda: kurs lektsiy = Theory of Translation: Lecture Course*. Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka = Dictionary of the Russian Language. (1999) In 4 vols. RAN, Institute of Linguistic Studies; Ed. A.P. Evgen'eva. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk, Poligrafresursy. (In Russian).

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka = Explanatory Dictionary of the Russian Language. (1935–1940). Ed. D.N. Ushakov. Moscow: Gos. izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. (In Russian).

Vinogradov V.S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) = Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues)*. Moscow: Izdatel'stvo IOSO RAO. (In Russian).

Voskanyan G.A. (2020). *Russko-persidskiy slovar' = Russian-Persian Dictionary*. Ed. M. Shchodzhai. 4th ed. Tehran: Farhang-Muaser.

Vulis A.Z. (1971). *Satira = Satire. Kratkaya literaturnaya entsiklopediya = Short Literary Encyclopedia*. Ed. A.A. Surkov. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, Vol. 6. (In Russian).

Zoshchenko M.M. (1931). *Sobranie sochineniy = Collected Works, Vol. 6*. Leningrad: GIKHL. (In Russian).

Zoshchenko M.M. (2018). *Maloe sobranie sochineniy = Short Collected Works*. St. Petersburg: Azbuka. (In Russian).

Zoshchenko M.M. (2017). *Sbornik rasskazov = Collection of Stories*. Tr. Abtin Golkar. Tehran: Mahi.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мохаммади Захра — доцент кафедры русского языка и литературы. Факультет иностранных языков и литературы Тегеранского университета. Улица 16 азара, площадь Энгелаб: 14179335840, г. Тегеран, Иран; zahra_mohammadi@ut.ac.ir

Махди Сейфоллахи — аспирант кафедры русского языка и литературы Факультета иностранных языков и литературы Тегеранского университета, Улица 16 азара, площадь Энгелаб, 14179335840, г. Тегеран, Иран; mahdiseifollahi@ut.ac.ir

ABOUT THE AUTHORS:

Mohammadi Zahra — Associated professor. Department of Russian Language and Literature, Faculty of Foreign Languages and Literature. University of Tehran, 16th Azar St., Enghelab sq., 14179335840, Tehran, Iran; zahra_mohammadi@ut.ac.ir

Mahdi Seifollahi — PhD student at the Department of Russian Language and Literature. Faculty of Foreign Languages and Literature. University of Tehran, 16th Azar St., Enghelab sq., 14179335840, Tehran, Iran; mahdiseifollahi@ut.ac.ir

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-94-104

О ЖАРГОНЕ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Ольга Борисовна Трубина

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия
Для контактов: olga.palladio@mail.ru

Аннотация. В статье речь идёт об особенностях перевода жаргонизмов. Дискуссии о возможности и необходимости перевода жаргонизмов продолжаются в современной лингвистике. Для переводческой практики актуальны вопросы адекватной передачи смысла жаргонизованного текста с языка оригинала на язык перевода, выбора стратегии перевода жаргонизма и соответствия переводческого решения узуальным нормам языка перевода. Жаргон в статье понимается традиционно как речь социально ограниченного круга людей. Материалом для исследования стали жаргонизмы, входящие в общий жаргон, так как они частотны, являются «языковой базой» жаргонизации национального языка и входят в систему стилистических средств сниженной экспрессии. Общий жаргон — интегральная часть разных типов жаргона, не соотносимая прямо ни с какой отдельной социальной группой, некое промежуточное языковое образование, через которое лексика сниженного регистра может проникать в разговорный язык и впоследствии — в литературный. Языковой материал для анализа был собран на основе параллельного (русско-итальянского) корпуса НКРЯ. Для исследования языкового материала использовались методы сопоставительного анализа и лингвистического описания. Автор приходит к выводу о том, что существуют специфические особенности перевода жаргонизмов.

Ключевые слова: жаргонизация, жаргонизм, перевод, трансформационный перевод, переводческая рецепция

Для цитирования: Трубина О.Б. О жаргоне в аспекте перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 3. С. 94–104. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-94-104

Статья поступила в редакцию 06.05.2024;
одобрена после рецензирования 08.10.2025;
принята к публикации 15.10.2025.

© Трубина О.Б., 2025

ABOUT JARGON IN THE TRANSLATION ASPECT

Olga B. Trubina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

For contacts: olga.palladio@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of translation of jargon. Jargonisation is a process that is relevant for modern speech production; translators are forced to solve the problem of translating this kind of language units. For translation practice, the issues of adequate transmission of jargonized text from the original language to the target language, the choice of a strategy for translating jargon, and the compliance of the translation solution with the usual norms of the target language are relevant. In the article jargon is understood traditionally for Russian studies as the speech of a socially limited circle of people. The material for the analysis was jargon that belongs to the general jargon, due to the fact that it is frequent, comprises the “linguistic base” of the jargon of the national language, and is part of the system of stylistic means of reduced expression. The language material for analysis was collected on the basis of the National Corpus of the Russian Language. To analyze the collected language material, methods of comparative analysis and linguistic description were used. There are two directions in finding a translation solution when translating jargon into another language: select jargon in the target language with similar meaning, with an adequate degree of emotionality and expressiveness, or apply translation transformations: look for a literary equivalent for replacement, use a euphemism or descriptive phrase; replace jargon with a pronoun. Translation of jargon requires special attention of translators in the case when in the original language or in the target language the transcribed (or transliterated), calque word does not belong to the register of reduced vocabulary. Specific strategy for translating jargon includes euphemistic translation, which is used when vulgarisms and obscene language are found in the original text. The choice of translation strategy largely depends on the cultural and linguistic preferences of the translator, on his willingness to violate the usual norms of the target language.

Keywords: jargon, jargonization, translation, transformational translation, translation reception

For citation: *Trubina O.B.* (2024) About jargon in the translation aspect. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies.* 2025. № 3. P. 94–104. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-94-104

The article was submitted on May 06, 2024;
approved after reviewing on October 08, 2025;
accepted for publication on October 15, 2025.

Введение

Жаргонизация речи — актуальный процесс, происходящий в современном русском языке. Литературный язык испытывает значительное влияние различных типов жаргонов: молодёжного, профессионального, корпоративного и др. Жаргонизмы всё активнее используются в дискурсивных практиках разного типа, включая профессиональный дискурс и дискурс масс-медиа. Часть носителей русского языка в настоящее время в понятие «современный язык» включает такой признак, как «жаргонизированность». Жаргон имеет тенденцию к расширению сферы использования: к нему обращаются в современной речевой практике и бизнесмены, и политики.

Это можно объяснить тем, что жаргон характеризуется специфическим семантическим богатством, разнообразием ассоциаций, большой степенью эмоциональности и экспрессивности; «жаргонно окрашенные» высказывания могут быть коммуникативно успешны в определённых стереотипных ситуациях общения, например в речевом акте отказа или приказа. Так, существуют специфические формы приказа: *Не борзей! Фильтруй базар! Погнали!*; специфические формы отказа — *Пошёл ты!* Кроме того, жаргон, с точки зрения современных его носителей, является способом выражения языковой индивидуальности. Важно учитывать, что многие носители литературной формы национального языка являются пассивными носителями одного или нескольких видов жаргона.

Безусловно, необходимо помнить о негативных последствиях жаргонизации. Во-первых, жаргонизмы отражают маргинальную картину мира, отличную от картины мира, которую фиксирует литературный вариант национального языка; концепт, выражаемый жаргонизмом, часто, в соответствии с правилами вежливости и речевого этикета, должен быть табуирован; в литературном языке в этом случае используется эвфемизм, в жаргонном дискурсе возможны прямые номинации. Во-вторых, жаргонизмы являются языковым средством для реализации агрессивных и манипулятивных стратегий.

Устойчивость языковых единиц сниженного регистра базируется на «нормативном контрасте»: жаргонизмы стилистически противопоставлены языковым единицам литературного языка. Однако сила «нормативного противопоставления» в отдельных пластах сниженной лексики может отличаться, что усложняет переводческую рецепцию единиц сниженного регистра: недопустимое в нормативном дискурсе в одном языке оказывается приемлемым

в другом, и наоборот. Таким образом, большое значение для перевода имеет нормативное (структурно-языковое и стилистическое) несоответствие между языками (Старухина, 2013).

Основная часть

1.1. О трудностях перевода

Обращение к словарям, как толковым, так и специализированным, не всегда помогает решить переводческую задачу. В толковых словарях, одноязычных и двуязычных, жаргонизмы не представлены, жаргонные значения многозначного слова не отражаются или описаны несистемно. В словарях жаргона часто не указаны специфические коллокации и устойчивые обороты, характерные для современной жаргонной дискурсивной практики. Приведём примеры: *токсичный (человек)*, *(глупый) от слова совсем*, *(быть) на стиле (на жоже)* и т.п. В словарях жаргона несистемно и неполно фиксируются актуальные грамматические особенности жаргонного дискурса, маркирующие жаргонизмы. Так, для современного русского языка характерны следующие процессы: расширительное употребление форм множественного числа и деминутивов, изменения в категориях валентности и транзитивности. Приведём примеры: *всем приветики*, *развести/разводить (кого на что) на деньги*, *забить (на что) на экзамен*, *топить (за кого) за своего друга*, *печалька* и др. Жаргон сложен для перевода, поскольку любой тип жаргона имеет тенденцию к «перерождению», жаргонизмы стремительно входят в речь и столь же быстро из неё исчезают; существует своеобразная «мода на слова». Многие жаргонные слова становятся речевой приметой определённого времени, их неточное использование (перевод) может восприниматься как анахронизм.

1.2. О переводческой рецепции

Достижение адекватности в переводе жаргонизмов связано с умением переводчика грамотно идентифицировать переводческую проблему; во-первых, квалифицировать переводимую единицу как жаргонную; во-вторых, определить стратегию перевода: переводить жаргонизмом, близким по значению, или искать литературный эквивалент для замены, использовать эвфемизм или описательный оборот; заменять жаргонизм местоимением.

При переводе жаргонизмов активно используется трансформационный перевод, суть которого заключается в преобразовании внутренней формы слова / словосочетания или в замене слова /

конструкции для максимально возможной адекватной передачи содержания высказывания.

В переводческой рецепции важно сохранить «степень эмоциональности и экспрессивности» оригинального высказывания. При переводе слов с эмоциональным значением важно различать эмоциональное созначение и различные значения многозначного слова. Необходимо точно транслировать в переводе эмоциональную оценку (положительную или отрицательную), которая создаётся ассоциациями, существующими вне зависимости от контекста.

При переводе важно учитывать тот факт, что жаргонизмы являются «культурно-специфичными словами», то есть языковыми единицами, «отражающими прошлый опыт нации касательно действий и размышлений о различных вещах определёнными способами, они способствуют увековечиванию этих способов» (Вежбицкая, 1999: 269).

Многие из жаргонизмов можно отнести к безэквивалентной лексике, так как они обозначают специфические для национальной картины мира концепты, например: русские жаргонизмы *фарца*, *беспредел*, *быковать* и др. Следовательно, при переводе таких жаргонизмов требуется соответствующий комментарий переводчика.

Как было уже замечено, при трансляции жаргонизмов можно искать переводческое решение в двух направлениях: подбирать в языке перевода жаргонизм с аналогичным или близким значением, с адекватной степенью эмоциональности и экспрессивности или применять иные переводческие трансформации. В первом случае важно учитывать «фоновые знания» о жаргонизме, а именно: тип субжаргона, к которому относится данный жаргонизм, особенности ситуации, в которой употребляется жаргонизм. Этот способ часто признаётся малоприемлемым по следующим причинам: адекватность перевода труднодостижима, нарушаются узуальные нормы языка перевода; именно поэтому переводчики часто прибегают к трансформационному переводу.

Отдельно следует отметить два переводческих приёма: транскрипцию (транслитерацию) и калькирование. Часто такого рода приёмы используются для создания жаргонизмов в русском языке, их перевод является сложной переводческой задачей. Особого внимания требует перевод жаргонизмов в том случае, когда в языке оригинала или в языке перевода транскрибированное (транслитерированное), калькированное слово не относится к регистру сниженной лексики. В этом случае важно учитывать направление перевода: в языке-доноре слово может не относиться к сниженной

лексике, а в языке заимствования использоваться как жаргонное или профессиональное; в этом случае «обратный» перевод может вызвать трудности. Так, слово *кэш*, заимствованное из английского языка, является жаргонным в русском языке; тогда как в английском языке слово *cash* не имеет сниженной окраски. Представим более сложную ситуацию: английское слово *interface* имеет в русском языке эквивалент в профессиональном языке — *интерфейс*, в жаргоне существует слово *междумордие*, перевод которого может стать сложной переводческой задачей.

1.3. О специфических стратегиях перевода жаргонизмов

К специфическим стратегиям перевода жаргонизмов можно отнести эвфемистический перевод, который используют при трансляции вульгаризмов и нецензурной лексики. Последовательной эвфемизации (графической, заключающейся в опущении слова и являющейся эквивалентом «запикивания» в устной речи, и лексической, заключающейся в замене слова) чаще всего подвергается обценная лексика. Приведём пример, существует русский фильм-омоним «Остин Пауэрс: Шпион, который меня соблазнил» (США, 1999, режиссёр Джей Роуч). Слово *соблазнить* является эвфемистической заменой английского слова, которое можно отнести к обценной лексике (Милевич, 2016). Безусловно, степень эвфемизации определяется переводчиком с учётом культурно-речевых предпочтений.

Традиционными темами и сферами для эвфемизации, как известно, являются следующие: inferнальные образы, некоторые физиологические процессы и состояния; определённые части тела, связанные с «телесным низом» (Крысин: 1996, 389–390). В современных реалиях эвфемизации подвергаются те сферы, которые могут вызывать в различных культурах и субкультурах неприятие разной степени выраженности: сексуальные отношения; политические и религиозные темы; темы осквернений и душевных болезней.

1.4. Примеры переводческой рецепции

Итак, приведём несколько примеров переводческой рецепции жаргонизмов (перевод с итальянского языка на русский язык и с русского на итальянский):

I. Перевод слова *отморозок*:

Слово *отморозок* имеет следующее значение в русском языке: ОТМОРОЗОК, -зка; м. Жарг. Тот, кто способен на самый безрас-

судный, отчаянный, жестокий поступок. // О том, кто не признаёт нравственные и моральные нормы; о негодяе, мерзавце. (Кузнецов, 2004).

Например: *Чудовищное убийство молодой девушки, совершённое тремя отморозками, милиционеры раскрыли «по горячим следам»* — в три дня. (Людмила Пирогова, «Автомобиль без присмотра — приманка для преступников», 2003 г. // «Встреча (Дубна)»).

Заметим, внутренняя форма жаргонного слова указывает на связь со словом *отморозить*. Существует несколько вариантов переводческих решений разной степени успешности. Например:

А) Русск. *Они управляли деньгами каждого диктатора и отморозка в мире.* Итальянск. *Gestisca il denaro di ogni dittatore e feccia del mondo.*

Итальянское слово *feccia*, можно перевести как *отребье, сволочь, подонок* (Kovalev, 2014), такой вариант перевода отражает негативную коннотацию русского жаргонизма. При этом «актуализируется» внутренняя форма слова, близкая другому русско-му жаргонному слову *отстой*: итальянское слово в специальном языке имеет значение *осадок, гуща, отстой (о вине)*, что эквивалентно смыслу русского слова *отстой* в литературном языке и специальном дискурсе. «Словарь русско-итальянский и итальянско-русский» В. Ковалева не даёт пометы, указывающей на жаргонный или вульгарный характер слова.

Б) Русск. *Мы бы не смогли задержать этого отморозка без вас.*

Итальянск. *Senza di voi non lo avremmo preso* (буквально: Без вас мы бы его не получили (взяли)) (<https://context.reverso.net/перевод/русский-итальянский/отморозок>).

В этом случае переводчик заменяет жаргонизм местоимением, не использует в переводе ни стилистически нейтральное слово с негативной эмоциональной окраской, ни жаргонизм, близкий по значению, что приводит к существенной «семантической потере».

В) Русск. *Хорошо, мы позвоним в полицию, ... как это отразится на шансе поимки этого отморозка?*

Итальянск. *Va bene, chiamiamo la polizia, fa aumentare la probabilità di catturare questo psicopatico?* (буквально: Хорошо, давайте вызовем полицию, это увеличивает вероятность поймать этого психопата?) (<https://context.reverso.net/перевод/русский-итальянский/отморозок>).

На наш взгляд, действительно, русский жаргонизм *отморозок* имеет в своём значении сему *психически неустойчивый*, которая не

всегда фиксируется в жаргонных словарях, но при таком варианте перевода неизбежно «теряются» другие важные элементы смысла русского жаргонизма.

II. Приведём пример перевода жаргонизма *взять/брать на понт*:

Это выражение имеет в русском языке следующее значение: *действовать по отношению к кому л. обманом, хитростью, угрозами.* (Юганов И., Юганова Ф., 1997). Слово *понт* заимствовано из французского языка (*ponte*) и изначально имело отношение к жаргону игроков в карты: *играющий против банка* (Епишкин, 2010). В современном жаргонном дискурсе слово имеет следующее значение: ПОНТ, -а; м. *Жарг. Апломб, гонор, спесь; кураж.* Вести себя развязно для понта. *Брать на понт. Добиваться чего-л., действуя с апломбом, гонором* (Кузнецов, 2004).

«Словарь русско-итальянский и итальянско-русский» В. Ковалева слово *понт* описывает следующим образом: 1. понт [pont]m. (-á)(gerg.) 1 (вызывающий внешний вид) *ària ж. di sfida*. 2 (обман, хитрость) *inganno м., astùzia ж.* • **брать на понт.** *cercare di ingannare* (буквально: пытаться обмануть) (Kovalev, 2014).

Приведём примеры переводческой рецепции:

(А) Русск. *Саммит НАТО в Варшаве является частью ядерной «игры взять на понт».* (НКРЯ, параллельный корпус)

Итальянск. *Il vertice della NATO a Varsavia è una parte del “gioco del pollo” nucleare.* (НКРЯ, параллельный корпус) *Буквально: Саммит НАТО в Варшаве является частью ядерной «игры в курицу/цыплёнка»* (НКРЯ, параллельный корпус).

Таким образом, в основе переводческого решения лежит замена русского жаргонного выражения, не являющегося профессиональным жаргонизмом, другим жаргонным выражением, которое относится к субжаргону теории политических игр.

(В) Русск. *Взять на понт? Правда, Люциус?* (НКРЯ, параллельный корпус).

Итальянск. *“Scambio veloce”, sul serio Lucius?* *Буквально: «Быстрая перепасовка»? Серьёзно, Люциус?* (НКРЯ, параллельный корпус).

Итальянское слово *scambio* встречается в жаргоне футбольных фанатов: 5. (nel calcio) *перепасóвка* f. (в футболе) (Kovalev, 2014). В этом случае переводчик обратился при поиске переводческого решения к спортивному жаргону (в словаре есть соответствующая помета — *nel calcio*).

(С) Русск. Или, *как говорят хулиганы*, попытались «взять на понт» (иначе даже сказать не могу), заставить нас проглотить унижение...

Итальянск. ...Come dicono i bulli, volevano che la Russia facesse “la figura del pollo”. Буквально: Как говорят хулиганы, они хотели, чтобы Россия «походила на курицу» (не могу найти лучшего термина для этого), чтобы заставить нас проглотить унижение... (НКРЯ, параллельный корпус).

В этом случае говорящий использует жаргонное выражение, но маркирует его как чужое, используя кавычки, и добавляет метакомментарий; переводчик в своей рецепции отражает особенности оригинального текста, но замещает оригинальное русское жаргонное выражение итальянским выражением (essere un pollo), сниженным, но не жаргонным: essere un pollo (pop) Essere sciocco, credulone, farsi imbrogliare facilmente. (быть курицей... = быть глупым, легковерным) (Dizionario dei Modi di Dire | Corriere.it.).

Выводы

Жаргонизация — процесс, актуальный для современного речепроизводства, переводчики вынуждены решать задачу перевода жаргонных выражений. Выбор переводческой стратегии в большой степени зависит от культурно-языковых предпочтений переводчика. Большая часть жаргонизмов, жаргонных фразеологических единиц и клише требует при переводе обращения к внутренней форме слова и особенностям образности языковой единицы. Особую трудность представляет перевод русских жаргонизмов, образованных путём заимствования из других языков, перевод «новейших» жаргонизмов, которые, как правило, не имеют установившегося эквивалента на языке перевода.

Список литературы

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Анна Вежбицкая, пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.

Епишкин.Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. 5140 с.

Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов / Под общим руководством Р.И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999. 320 с.

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 384–408.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2004. 1534 с.

Милевич И.Г. Переводы названий художественных фильмов: тактики эвфемизации и деэвфемизации. Медиалингвистика, 2016, № 2 (12). С. 103–113.

Старухина А.А. Особенности перевода сленговой лексики // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Выпуск 9, 2013 С. 166–199.

Юганов И, Юганова Ф. Словарь русского сленга. Сленговые слова 60–90-х годов. М.: Метатекст. 1997. 301 с.

Kovalev V. (2007) Dizionario russo — italiano, italiano — russo. Di V. Kovalev. 6 ed. Bologna: Zanichelli.

References

Ermakova O.P., Zemskaya E.A., Rozina R.I. (1999) Slova, s kotory`mi my` vse vstrechalis` : Tolkovy`j slovar` russkogo obshhego zhargona = Words we have all encountered: Explanatory dictionary of Russian general jargon: Moscow: Azbukovnik, 320 p. (In Russian).

Epishkin N.I. (2010) Istoricheskii slovar` gallitsizmov russkogo yazyka = Historical dictionary of Gallicisms of the Russian language. Moscow: ETS, 5140 p. (In Russian).

Kovalev V. (2007) Dizionario russo — italiano, italiano — russo. Di V. Kovalev. 6 ed. Bologna: Zanichelli.

Krysin L.P. (1996) Evfemizmy v sovremennoi russkoi rechi = Euphemisms in modern Russian speech: Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995). Moscow: Yazyki russkoj kul`tury, pp. 384–408 (In Russian).

Kuznetsov S.A. (2004) Bol'shoi tolkovyi slovar` russkogo yazyka = Great Dictionary of Russian language. Sankt Peterburg: Norint, 2004. 1534 p. (In Russian).

Milevich I.G. (2016) Perevody nazvanii khudozhestvennykh fil'mov: taktiki evfemizatsii i deevfemizatsii = Translations of feature film titles: tactics of euphemization and de-euphemization. Medialingvistika. No. 2 (12), pp. 103–113 (In Russian).

Starukhina A.A. (2013) Osobennosti perevoda slengovoi leksiki = Peculiarities of slang vocabulary translation: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Issue 9, pp. 166–199 (In Russian).

Vezhbitskaya A. (1999) Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov = Semantic universals and description of languages. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 776 p. (In Russian).

Yuganov I, Yuganova F. (1997) Slovar` russkogo slenga. Slengovyie slova 60–90 godov = Dictionary of Russian slang. Slang words from the 60–90 years. Moscow: Metatekst, 301 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Трубина Ольга Борисовна — кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olga.palladio@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Olga B. Trubina — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miussskaya Square, Moscow, Russia, 125993; olga.palladio@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 85'21

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-105-126

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЗНАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД

Ван До

Даляньский университет иностранных языков, г. Далянь, Китай

Для контактов: duflduo1998@gmail.com

Аннотация. Политическая терминология представляет собой систему символов, знаний и ценностей, несущих в себе политическую культуру и идеологические установки государства. Согласно теории трансзнания-ведения, перевод является процессом «пересечения границ» знаний. Поэтому перевод политической терминологии становится особенно важным. Китайская политическая терминология, укоренившаяся в китайской культуре и истории, представляет собой вызов для тех, кто не знаком с китайским культурным контекстом. Следовательно, перевод становится процессом, позволяющим проявить неявные знания, лежащие в основе китайской политической терминологии. Китайская политическая терминология обладает многообразием и обширным содержанием. Богатая политическая философия Китая является особенно важным аспектом при передаче знаний в процессе перевода. В данном исследовании в качестве метода используется корпусное исследование, создаётся корпус китайской политической терминологии с концепциями на английском, китайском и русском языках с целью анализа различия и сходства при передаче знаний в английских и русских переводах, и на основе этого делаются выводы о рамочной структуре перевода политической терминологии с учётом экспликации знаний. Наконец, на примере переводов стратегий «общего вида национальной безопасности» на английский и русский языки приводится сравнительный анализ с целью проверки структуры переводимых текстов. Результаты исследования могут быть использованы для разработки методологии перевода политического дискурса в условиях межкультурной коммуникации, а также в практике подготовки переводчиков, специализирующихся в общественно-политической сфере.

Результаты исследования могут быть применены в практике межкультурной политической коммуникации, в процессе профессиональной подготовки переводчиков, а также могут служить теоретическим и эмпирическим материалом для оптимизации систем машинного перевода, основанных на больших языковых моделях.

Ключевые слова: китайская политическая терминология, экспликация знаний, транскnowledge, межкультурная политическая коммуникация, «пересечения границ» знаний, корпусный метод перевода, переводческая экспликация знаний

Для цитирования: Ван До. Экспликация знаний при переводе китайской политической терминологии: корпусный подход // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 3. С. 105–126. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-105-126

Статья поступила в редакцию 24.05.2024;
одобрена после рецензирования 04.10.2025;
принята к публикации 15.10.2025.

KNOWLEDGE EXPLICATION IN TRANSLATING CHINESE POLITICAL TERMINOLOGY: A CORPUS-BASED APPROACH

Wang Duo

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

For contacts: duflduo1998@gmail.com

Abstract. Political terminology represents a system of symbols, knowledge, and values that carry the political culture and ideological orientations of a state. According to the theory of transknowledge, translation is a process of “crossing borders” of knowledge. Therefore, the translation of political terminology becomes particularly important. Chinese political terminology, rooted in the long-standing Chinese culture and history, poses a significant challenge for those who lack the Chinese cultural context. Consequently, translation becomes a process that allows the manifestation of implicit knowledge underlying Chinese political terminology. Chinese political terminology, containing conceptual frameworks, is extensive and rich in content. The rich political philosophy of China is a particularly important aspect in the transmission of knowledge during translation. This study employs a corpus-based research method to create a corpus of Chinese political terminology with concepts in English, Chinese, and Russian,

---

© Wang Duo, 2025

aiming to analyze the differences and similarities in knowledge transmission in English and Russian translations and draw conclusions about the framework structure of translating political terminology considering knowledge explication. Finally, a comparative analysis is conducted on the translations of “holistic approach to national security” into English and Russian to examine the structure. The results of this research can be applied to develop a methodology for translating political discourse in intercultural communication, be used in the training of professional translators, and serve as theoretical and empirical material for optimizing machine translation systems based on large language models.

Keywords: Chinese political terminology, knowledge explication, transknowledgeology, intercultural political communication, “crossing borders” of knowledge, corpus-based translation method, translation knowledge explication

For citation: Wang Duo. (2025). Knowledge Explication in Translating Chinese Political Terminology: A Corpus-Based Approach. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. P. 105–126. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-105-126

The article was received on May 24, 2024;
approved after reviewing received on October 04, 2025;
accepted for publication on October 15, 2025.

1. Исследовательский контекст

Перевод китайской политической терминологии является одной из ключевых задач в сфере межкультурной коммуникации и находится в центре внимания многих современных исследователей (Чэн Сяовэй, 2007: 60–65; Чэн Сяовэй, 2013: 95–100; Лю Хефа, 2016: 43; Шу На и Ю Сюаньпу, 2017: 138–143; Си Вэнвэн, 2019: 22–24; Гу Сюмин и Сяо Чэнсяо, 2023: 20–25; Чжоу Чжунлян, 2023: 30–37). Особенность китайского политического дискурса заключается в его тесной связи с национальной культурой, что создаёт значительные трудности при его передаче на другие языки. Одной из наиболее сложных проблем в этой области является адекватный перевод терминов, включающих в себя компонент «гуань» (观, guān). Термин «гуань» представляет собой ключевой словообразовательный компонент, который, сочетаясь с другими существительными, образует сложное слово с чрезвычайно богатой коннотацией, часто объединяющей такие понятия, как мировоззрение (worldview), системная концепция (conception), ценности (values) и даже конкретная методология (approach). Вследствие этой сложности, в пере-

водческой практике наблюдается ряд проблем: терминологическая несогласованность, неполная передача фоновых знаний, приводящая к искажённому пониманию смысла, а также низкая эффективность распространения информации в зарубежных СМИ. Всё это препятствует эффективной международной коммуникации.

Настоящее исследование сосредоточено на изучении процессов экспликации знаний при переводе терминов категории «гуань». Целью работы является разработка рамочной структуры, способной решить указанные проблемы и способствовать более точной передаче культурно-специфических политических понятий. «Гуань» — политический термин — имеет давние корни в Китае: ещё в период династии Тан, «гуань» был широко использован. В настоящее время в китайской политической терминологии насчитывается около 300 терминов. Это важное отражение политической культуры Китая и важный канал для мира в понимании политических идей Китая. Однако на данный момент существует множество неправильных переводов этого понятия, что создаёт серьёзные препятствия для распространения китайской культуры за пределами страны. Поэтому академическому сообществу требуется решение проблемы перевода политической терминологии. На примере этого политического термина, есть ряд политических терминов с китайскими особенностями, которые при переводе сталкиваются с проблемами передачи понятий, например, перевод термина «路» («Лу») может быть «дорога, путь, подход, улица, карьера, жизнь, выбор и др.», а перевод «会» («Хуэй») может быть «митинг, собрание, конференция, заседание, встреча и др.», и мы можем использовать «метод перевода экспликации знаний» для достижения стандарта перевода.

2. Теоретическая основа и методы исследования

2.1. Теоретическая основа

Теоретической основой исследования служат концепция «Трансзнаниеведения», предложенная профессором Ян Фэнем (Ян Фэн, 2021: 2; Ян Фэн, 2022: 1; Ян Фэн, 2022(2): 2; Ян Фэн, 2023: 1; Ян Фэн, 2023(2): 2), и переводческая стратегия «экспликации» (Juliane House; Shoshana Blum-Kulka, 1986: 82). На основе методов корпусной лингвистики в работе анализируются стратегии перевода политических терминов с компонентом «观» и сопутствующий им процесс экспликации знаний.

Согласно Ян Фэну (Ян Фэн, 2021: 2), перевод представляет собой «социальную практику, определяющую переход местного знания во

всемирное знание». В рамках переводоведения знание определяется как опыт, который переживается индивидом или обществом и повторно воплощается переводчиком на целевом языке. Ключевыми характеристиками этого процесса являются взаимопроникновение языка и культуры, диалектика индивидуального и коллективного понимания, а также преобразование локального опыта в глобальный. Таким образом, знание выступает сущностью переводческой практики, а сам перевод — его движущей силой и гарантом распространения. Развивая эту мысль, Ян Фэн утверждает, что перевод — это не столько «путешествие от исходного языка к целевому языку», сколько «путешествие от исходного дискурса к целевому дискурсу». В этой триаде «дискурс — знание — власть» дискурс является формой выражения, власть — ядром, а знание выполняет ключевую посредническую роль (Ван До, 2023: 108). Трансзнаниеведение, как теория перевода, разработанная в Китае, обладает значительным потенциалом как для теории, так и для практики. В российской академической традиции также признается важная роль знания в переводе. Однако, в отличие от трансзнаниеведения, которое рассматривает знание как основу самого процесса перевода, российские учёные чаще трактуют его как одну из компетенций переводчика (Гавриленко, 2015: 75) или подчёркивают значимость фоновых знаний для адекватной интерпретации текста (Крюков, 1988: 19–34; Верещагин, 1990: 246; Прошина, 2023: 117).

Стратегия экспликации (*explicitation*), или переводческого проявления, представляет собой процесс, при котором имплицитная информация исходного текста становится эксплицитной в тексте перевода. Как отмечают М. Шаттлворт и М. Коуи, это достигается путем добавления переводчиком пояснительных фраз для улучшения логической связности и облегчения понимания (Shuttleworth и Cowie, 1997: 55).

Одной из первых этот феномен систематически исследовала Ш. Блум-Кулька, которая выдвинула гипотезу о том, что процесс интерпретации оригинала может приводить к увеличению длины переведенного текста за счёт повышения степени его эксплицитности (Juliane House, Shoshana Blum-Kulka, 1986: 19). Взгляды российского учёного В.Н. Комиссарова на эквивалентность также косвенно подтверждают важность этого процесса. Он утверждал, что адекватный перевод должен передавать не только цель коммуникации, но и отражать ту же внелингвистическую ситуацию, что и оригинал, что зачастую требует экспликации скрытых смыслов (Комиссаров, 1990: 51–79).

Таким образом, экспликация в переводе проявляется на двух уровнях: на языковом, через изменение структурной связности, и на когнитивном, через пояснение или адаптацию фоновых знаний для целевой аудитории. Несмотря на то, что исследования этого явления в Китае ведутся уже более двадцати лет, данная область по-прежнему требует дальнейшей разработки. В частности, интеграция стратегии экспликации с теорией трансзнаниеведения открывает новые перспективы для инновационных исследований в переводоведении, позволяя говорить о целенаправленной «экспликации знаний в переводе».

2.2. Метод исследования

Методологической основой настоящего исследования является корпусный подход в переводоведении. В рамках работы были созданы два специализированных корпуса.

Первый корпус сформирован на материале книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» (“Xi Jinping: The Governance of China”). В него вошли выражения с компонентом «观» на китайском языке и их официальные переводы на русский и английский языки. Цель анализа данного корпуса — сопоставить особенности передачи знаний в двух языковых парах и выявить, как стратегия экспликации реализуется в переводческой практике.

Второй корпус основан на материалах Китайской национальной базы знаний (CNKI). Он включает в себя заголовки научных статей, содержащих ключевую фразу «国家安全观» (концепция национальной безопасности). Данный корпус предназначен для того, чтобы подтвердить валидность моделей передачи знаний, выявленных в первом корпусе, а также определить типичные проблемы, с которыми сталкиваются китайские учёные при переводе терминов на иностранные языки.

3. Анализ и обсуждение

3.1. Генеалогия знания «观» в «О государственном управлении»

В данном разделе на основе многоязычного корпуса, созданного по материалам книги «Си Цзиньпин о государственном управлении», анализируется генеалогия знаний, связанных с термином «观». Посредством анализа данных прослеживается эволюция и рецепция этого понятия в англоязычном и русскоязычном академических пространствах.

Генеалогия знания «*Взгляд*» в «О государственном управлении»

Китайское выражение	Русскоязычный перевод	Англоязычный перевод
总体国家安全观	всеобъемлющая концепция национальной безопасности	a holistic approach to national security
科学发展观	научная концепция развития	the Scientific Outlook on Development
党史观	правильное понимание истории КПК; адекватный взгляд на историю	Party's history rationally from a broad perspective; a correct outlook on our Party's history
大历史观	комплексный подход к истории; глубокая историческая перспектива; широкий взгляд на историю;	a broad historical perspective; underlying trends of history and our times
全局观	панорамное видение; осознание целой обстановки; осознание общей ситуации; осознание целого положения;	a holistic view; the broader picture
唯物史观	материалистический подход к истории; материалистическое понятие истории	materialist approach to history
权力观、政绩观、事业观	правильное представление относительно власти, политических достижений и карьеры	the right attitude towards power, job performance and career
全球治理观	концепция глобального управления; взгляд Китая на глобальное управление	the principle in global governance; our approach to global governance
社会主义核心价值观	основные ценности социализма	the core socialist values
系统观念	системная концепция	systems thinking
历史观、大局观、发展观	система взглядов на историю, общую обстановку и развитие	a historical and holistic approach, have a sound view on future development
宁愿苦干，不愿苦熬的观念	концепция «Лучше много работать, чем много страдать»	confidence

发展观、现代化观	представление о развитии и концепция модернизации	a sound understanding of development and modernization
所有制传统观念	традиционная концепция	—
中华民族历史观	взгляды на историю китайской нации	a good understanding of the history of our nation
马克思主义宗教观	марксистский взгляд в отношении религии	the Marxist view on religion
马克思主义人权观	марксистская концепция прав человека	Marxist perspective on human rights
当代中国人权观	представление современного Китая о правах человека	the Chinese outlook on human rights
依法行政观念	концепция о верховенстве закона в ходе выполнения административных функций	a commitment to law-based government administration
法治观念	концепция законности	awareness of the rule of law
马克思主义立场观点方法	позиция, взгляд и подход марксизма	Marxist standpoint and with a Marxist viewpoint and methodology
发展观、文明观、安全观、人权观、生态观、国际秩序观和全球治理观	взгляд Китая на развитие, цивилизацию, безопасность, права человека, экологию, миропорядок и глобальное управление	our approach to development, civilization, security, human rights, the eco-environment, international order, and global governance
大历史观、大时代观	широкий взгляд на историю и современность	a broader perspective of history and our times
当代中国价值观念	ценностные ориентации сегодняшнего Китая	contemporary Chinese values
社会观念	социальные концепции	Social norms
国防观念	концепция национальной обороны	awareness of national defense
安全观、合作观	концепция безопасности	a vision of security
亚洲价值观	азиатские ценности	Asian values
义利观	правильный взгляд на справедливость и выгоду	principles of pursuing the greater good and shared interests
合作观	концепция сотрудничества	—
新发展理念	новая концепция развития	New Development Philosophy

В таблице приведён 31 способ выражения политического термина «观» на китайском языке, его перевод на русский может быть следующим:

Генеалогия знания по политическому термину «观»

1. «观» означает «концепция», подразумевая «комплекс взглядов», представленных в знаниях как «совокупность взглядов и мнений государства и личностей». Однако в англоязычной литературе эти знания не переводятся как «концепция (conception)», а аналогичное понимание передаётся как *holistic view*.

2. «观» означает «подход», подразумевая «метод действия», представленный в знаниях как «способ достижения цели». В англоязычной литературе это понимание передаётся как *“approach”*.

3. «观» означает «ценности», подразумевая «мировоззрение», выраженное в знаниях как «философская логика действий». В англоязычной литературе это понимание передаётся как *“values”*.

Таким образом, процесс перевода китайских политических терминов с компонентом «观» на английский и русский языки охватывает три аспекта знаний: онтологию, гносеологию и методологию. Этот многоуровневый процесс можно проиллюстрировать на примере перевода термина концепция истории китайской нации (кит. 中华民族历史观, pinyin: zhōnghuá mínzú lìshǐguān, палл.: чжунхуа миньцзу лишигуань). Согласно определению, данное понятие означает «фундаментальные взгляды и общее мнение китайского национального общества на социальную историю» (Хай Лу и Янг Бин, 2022: 17). Именно это знание, сводящееся к «взглядам и общему мнению», и стремится передать переводчик. Вследствие этого, в русском переводе используется лексема «взгляды», а в английском — *“a good understanding”*, что в обоих случаях адекватно отражает заложенный в исходном термине смысл. Подобная адекватность передачи ключевых знаний может служить важным критерием для оценки качества перевода.

Однако, согласно данным корпуса, ключевая проблема заключается в том, что для передачи знаний в двух языках иногда выбираются различные семантические акценты. Так, в случае с концепцией глобального управления (кит. 全球治理观, pinyin: quánqiú zhìlǐ guān, палл.: цюаньцю чжили гуань), английские варианты перевода (*“the principle in global governance”*, *“our approach to global governance”*) смещены в сторону методологии и «способов действия». В то же время русские эквиваленты («концепция глобального управления», «взгляд Китая на глобальное управление») в большей степени подчёркивают «взгляды и отношение».

Для определения адекватности перевода необходимо обратиться к исходному знанию, выраженному в данном политическом термине. На коллективном заседании Политбюро ЦК КПК в октябре 2015 года Си Цзиньпин подчеркнул, что реформа глобального управления требует идейного руководства и должна основываться на «идеях о совместном обсуждении, строительстве и пользовании». Он призвал «содействовать инновационному развитию идеологии глобального управления» и «обогащать идею строительства общества с общей судьбой человечества».

Этот контекст ясно показывает, что «концепция глобального управления» по своей сути является «идеей», то есть мировоззренческой установкой, а не просто методологией. Следовательно, русский перевод, акцентирующий идеологическое измерение, в большей степени соответствует знанию, заложенному в исходном китайском термине. Таким образом, он представляет собой более адекватный вариант передачи смысла.

Для этого мы создаём модель перевода, которая учитывает язык, знание и контекст.

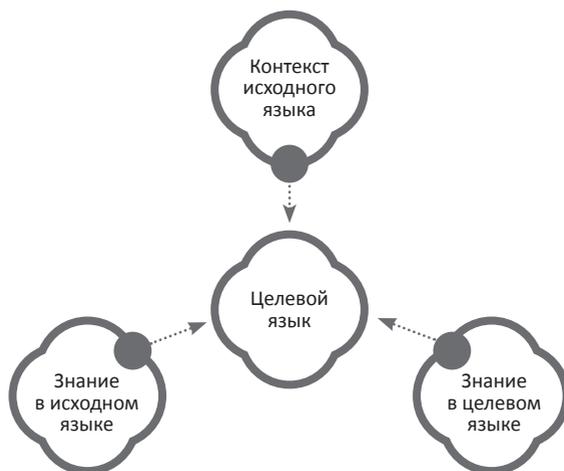

Рис. 1. Взаимоотношения: знание-язык-контекст

Процесс выбора переводческого решения включает в себя два этапа: «определение знаний» и «экспликацию знаний». На первом этапе необходимо выявить релевантные знания как в исходном, так и в целевом языке, а также языковые средства для их передачи. На втором этапе из всего множества релевантных знаний отбираются те, которые наиболее точно соответствуют контексту исходного языка.

Таким образом, поиск адекватных языковых средств в целевом языке осуществляется на основе анализа знаний и контекста, заданных исходным языком. Модель предполагает, что исходный и целевой языки функционируют в едином контекстуальном поле, определяемом исходным текстом, поэтому отдельный анализ контекста целевого языка не требуется.

Для иллюстрации процесса экспликации знаний рассмотрим перевод термина «Всекитайское собрание народных представителей» (кит. 全国人民代表大会, pinyin: Quánguó Rénmín Dàbiǎo Dàhuì, палл.: Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй). Исторически в китайской терминологии этот орган соотносился с действовавшим в РФ Съездом народных депутатов. Однако в современной переводческой практике закрепился вариант Федеральное Собрание, что обусловлено не дословным переводом, а анализом функциональных и структурных реалий. Несмотря на различие в названиях, функционально Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) имеет больше сходства с Федеральным Собранием РФ, чем с историческим Съездом. Это проявляется, в частности, в принципах формирования представительства. В то время как модель Съезда предполагала иные механизмы, структура представительства в ВСНП и в Совете Федерации Федерального Собрания демонстрирует определённую схожесть в назначении представителей от регионов.

Кроме того, сам иероглиф «会» (huì) в русском языке имеет множество возможных эквивалентов: съезд, конгресс, собрание, конференция и др. Выбор наиболее адекватного варианта («собрание») продиктован не только лексическим значением, но и глубоким пониманием политического контекста. Таким образом, перевод «Всекитайское собрание народных представителей» является результатом экспликации знаний о политической системе Китая, точно отражая её суть в рамках концепции «социализма с китайскими особенностями».

Для обоснования адекватности перевода термина «观» как «концепция», необходимо проанализировать семантическое поле и употребление последнего в русском языке. Согласно «Большому русско-китайскому словарю» (1985: 802) и «Толковому словарю русского языка» (1935: 1455), «концепция» (от лат. *conceptio*) определяется как система взглядов, общее понимание чего-либо, теоретическое построение или замысел. В отличие от более абстрактного «концепта» (лат. *conceptum*), «концепция» подчёркивает полноту содержания и системность.

Данный термин широко распространён в российской политической практике, особенно в названиях доктринальных документов, таких как «Концепция внешней политики Российской Федерации» и «Концепция национальной безопасности Российской Федерации». В этих контекстах «концепция» обозначает именно официальную «систему взглядов» государства на ту или иную проблему.

Сходство наблюдается и при сопоставлении содержания китайской «Всеобъемлющей концепции национальной безопасности» и российской «Концепции национальной безопасности». Оба документа описывают угрозы, цели и нормы действий в сфере обеспечения безопасности. Это подтверждает, что китайский термин, подразумевающий целостную систему идей, взглядов и практических руководств к действию, функционально эквивалентен русскому термину «концепция». Таким образом, перевод «观» как «концепция» является результатом экспликации знаний, логично отражая системный и всеобъемлющий характер исходного понятия.

3.2. Экспликация знаний при переводе «всеобъемлющая концепция национальной безопасности» в англоязычном мире

15 апреля 2014 года Генеральный секретарь Си Цзиньпин впервые выдвинул всеобъемлющую концепцию национальной безопасности. За прошедшее десятилетие под руководством ЦК КПК во главе с Си Цзиньпином развитие этой концепции ознаменовало новый этап в обеспечении национальной безопасности Китая. Были достигнуты исторические успехи в защите государственного суверенитета, безопасности и интересов развития.

Являясь политической доктриной, практикой и руководством к действию, данная концепция представляет собой китайскую модель для исследований в области национальной безопасности. Однако в процессе её распространения на международном уровне возникли многочисленные переводческие проблемы. В частности, наблюдались явления «ошибочной» и «нерациональной» экспликации знаний, что создавало препятствия для адекватного восприятия Китая международным сообществом. В связи с этим, с позиций теории «экспликации знаний в переводе», представляется необходимым пересмотреть существующие стратегии перевода данного термина.

Для анализа были отобраны научные статьи из Китайской национальной базы знаний (CNKI), в заголовках которых содержатся термины «всеобъемлющая концепция национальной безопасно-

сти» или «концепция национальной безопасности» (кит. 国家安全观, pinyin: guójiā ānquán guān, палл.: гоцзя аньцюань гуань). Из этих статей были выделены англоязычные варианты перевода и на их основе был составлен сопоставительный китайско-английский корпус.

Таблица 2

Перевод «观» в китайско-английском корпусе

	Англоязычный перевод	Год
中国新安全观	China's new security concept	2021
中国国家安全观	China's national security concept	2006
国家安全观	National security of concept	2008
总体国家安全观	Overall National Security Concept	2014
中国新安全观	New view of China's security	2009
中美国家安全观 国家安全观	National Security Viewpoint between China and USA; view of national security	2009
美国国家安全观	The View of the U.S.National Security	2011
总体国家安全观	Overall National Security Concept	2014
总体安全观	Overall National Security Concept	2015
总体国家安全观	Overall Outlook on National Security	2015
总体国家安全观	Overall National Security Outlook	2016
总体国家安全观	The concept of overall national security	2016
总体国家安全观	Holistic View of National Security	2017
国家安全观	National securiety Idea	2017
总体国家安全观	The holistic approach to national security	2018
国家安全观	National security Concept	2018
国家安全观	The doctrine of national security	2024
总体国际安全观	A holistic approach to national security	2022

Выбор в пользу китайско-английского, а не китайско-русского корпуса, обусловлен несколькими причинами. Во-первых, поскольку исследование сфокусировано на проблемах перевода в контексте внешнеполитической коммуникации, фокус был сделан на том, как данное понятие интерпретируется и переводится самими китайскими учёными. Во-вторых, поиск в российских академических базах

данных показал, что количество статей, написанных китайскими авторами на данную тему, крайне невелико и не позволяет сформировать репрезентативную выборку, соответствующую принципам «больших данных» в корпусологии. В-третьих, как было показано в предыдущем разделе, адекватность русскоязычного перевода уже была проанализирована с позиций теории экспликации знаний. По этим причинам для дальнейшего исследования был создан именно китайско-английский сопоставительный корпус.

Согласно анализу корпуса, существует несколько способов перевода концепции национальной безопасности: *security concept*, *security concern*, *approach to national security*, *doctrine of national security*, *security idea*, *view of national security*, *national security outlook*, *national security viewpoint* и другие. В то же время в русском языке существует только один вариант перевода, а именно «концепция национальной безопасности».

Анализ показывает, что различные варианты перевода отражают многогранность понятия «национальная безопасность». В академических кругах также существуют различные интерпретации «концепции национальной безопасности» и «всеобъемлющей концепции национальной безопасности». До 2014 года в Китае преимущественно использовался термин «концепция национальной безопасности». В своём исследовании У Чжонган определяет его как основную идею, лежащую в основе политики и стратегии безопасности (У Чжонган, 2006: 47–52).

Переломным моментом стал 2016 год, когда Чжан Сили охарактеризовал «всеобъемлющую концепцию национальной безопасности» не только как основную идею, но и как конкретный план действий государства. Эту точку зрения разделяет множество учёных (Лю Фэн, 2023: 68; Сунь Юн, Ян Рунтао и Чэн Фэй, 2023: 10; Сю Инцзюнь и Ван Синггуан, 2023: 25). Данные из базы CNKI подтверждают этот сдвиг: использование термина в значении «руководства к действию» резко возросло именно после 2016 года.

В отличие от предыдущей, «всеобъемлющая концепция национальной безопасности» не только отражает идеологические установки, но и представляет собой чёткую дорожную карту на практическом уровне. Именно эта акцентуация на практике объясняет, почему некоторые учёные предпочитают переводить данный термин как “*the holistic approach to national security*” (всеохватывающий подход к национальной безопасности). Такой перевод соответствует одному из ключевых принципов марксистской философии — первичности практики.

Хотя «концепция национальной безопасности» и «всеобъемлющая концепция национальной безопасности» на первый взгляд схожи, по своей сути они глубоко различны. Это различие особенно ярко проявляется в англоязычных переводах: первый термин чаще переводят, опираясь на понятие концепции (Concept), в то время как второй — через лексемы подход (approach) и взгляд (outlook).

Данное расхождение отражает два разных подхода к интерпретации этих понятий в академической среде. Первый подход трактует «концепцию национальной безопасности» преимущественно как философскую доктрину, ставя её в один ряд с традиционными китайскими идеями безопасности, такими как «всеобщая любовь» (кит. 兼爱), «ненападение» (кит. 非攻) и «общее благо» (кит. 大同). Второй подход, напротив, рассматривает «всеобъемлющую концепцию национальной безопасности» как практическое руководство к действию. Этот взгляд акцентирует внимание на её конкретных компонентах, таких как «пять основных элементов» и «пять парных отношений», представляя её как своего рода «дорожную карту» для государственной политики.

Несмотря на многообразие вариантов, официальным английским переводом термина «всеобъемлющая концепция национальной безопасности» является “a holistic approach to national security”. Данный перевод, предложенный в авторитетном издании «Си Цзиньпин о государственном управлении», акцентирует внимание исключительно на практическом аспекте понятия — на совокупности путей и методов для обеспечения безопасности, упуская при этом философский уровень политической мысли. В отличие от него, русский перевод «всеобъемлющая концепция национальной безопасности» демонстрирует более высокий уровень экспликации знаний. Русская лексема «концепция» способна одновременно передавать знания как о «путях» (методологии), так и о «взглядах и идеях» (мировоззрении), а также активирует у русскоязычного читателя ассоциации с собственными доктринальными документами, что способствует более глубокому пониманию.

Следовательно, русский перевод является более адекватным, поскольку он передаёт многоуровневую систему знаний, заложенную в китайском оригинале. Если бы английский перевод следовал тому же принципу максимальной экспликации знаний, более точным вариантом был бы “a holistic conception of national security”.

Наличие нескольких вариантов перевода для одного и того же китайского выражения в англоязычном дискурсе можно объяснить двумя основными причинами.

Во-первых, это связано с различной акцентуацией в зависимости от контекста. «Концепция национальной безопасности», подобно «всеобъемлющей концепции национальной безопасности», представляет собой теоретическую систему, охватывающую как философские идеи, так и практические аспекты («что, почему и как»). Однако некоторые научные работы акцентируют внимание исключительно на её роли как системы идей, игнорируя практическое измерение. Это приводит к тому, что одни китайские учёные переводят термин как “conception”, а другие — как “approach”, в то время как русский перевод («концепция») способен охватывать оба аспекта. Данный факт подчёркивает необходимость глубокого понимания знаний, заложенных в исходном языке. Во-вторых, причиной вариативности является то, что некоторые исследователи, по-видимому, не уделяют должного внимания роли экспликации знаний в процессе перевода. Это свидетельствует о необходимости осознания междисциплинарной важности переводоведения, особенно в области межъязыковых исследований.

4. Выводы

В настоящем исследовании на основе анализа корпуса китайских политических терминов с компонентом «观» была разработана методика «экспликации знаний в переводе», основанная на триаде «знание — язык — контекст». Ключевой вывод исследования, сделанный на основе применения данной методики к материалам из базы CNKI, заключается в том, что многие китайские учёные, стремясь к международному признанию, недооценивают роль теории и методологии перевода. Этот фактор серьёзно сдерживает укрепление академического влияния Китая на мировой арене.

Исходя из этих выводов, в работе предлагаются практические решения. Во-первых, рекомендуется использовать метод «релейного перевода», который предполагает учёт особенностей русского перевода при создании англоязычной версии для более полной передачи знаний. Во-вторых, результаты исследования указывают на необходимость создания «многоязычных корпусов данных по переводу политических терминов» для снижения конфликтов при передаче знаний. Таким образом, предложенная методика «экспликации знаний в переводе» не только представляет собой теоретический инструмент для анализа, но и предлагает конкретные пути для улучшения межкультурной политической коммуникации.

Список литературы

Ван До. Перевод на русский язык термина «人才» на основе транслитерации — на материале публикаций Си Цзиньпина «О государственном управлении IV» [J]. Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 3. С. 104–124.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.

Гавриленко Н.Н. Попытка систематизации переводческих компетенций // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики, 2015. № 2. С. 70–77.

Гу Сюмин, Сяо Чэнсяо. Исследование стратегии внешней пропаганды и путей внешней коммуникации в переводе «Цитат У Сицзиньпина» // Шанхайский перевод, 2023. № 4. С. 20–25+95.

Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. С. 51–79.

Крюков А.Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этносихоллингвистика / отв. ред. Ю.А. Сорокин. М., 1988. С. 19–34.

Лю Хефа, Дун Цинвэн, Рен Линизин. Исследование внешней пропаганды и перевода внешней пропаганды в перспективе межкультурных общественных отношений // Шанхайский перевод, 2016. № 6. С. 43.

Лю Фэн. Трёхмерные аспекты повышения и обеспечения способности к обеспечению безопасности идеологии государства в новую эпоху // Исследования по образованию в области мысли, 2023. № 12. С. 66–72.

Прошина З.Г. Межвариантный перевод и его интеграция в программу подготовки переводчиков // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2023. № 3. С. 108–120.

Си Вэнвэн. «Что может быть лучше, чем радость от чтения? Трава перед окном дома зелена и не скошена» — Развитие национальной кампании по стимулированию чтения с помощью «эстетики приёма» // Библиотека Нового века, 2019. № 4. С. 22–24.

Сю Инцзюнь, Ван Синггуан. Исследование управления безопасностью передачи данных через границы в контексте общей концепции национальной безопасности // Знания о библиотечной и информационной работе, 2023. № 6. С. 20–30.

Сунь Юнь, Ян Рунтао, Чэн Фэй. Краткий анализ важного значения «Укрепление и обеспечение стратегически важной территории стабильности и благополучия в Тибете» в контексте общей концепции национальной безопасности // Журнал Юго-Западного национального университета (Гуманитарные и социальные науки), 2023. № 11. С. 7–16.

Ушаков Д.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. Т. 2. 1455 с.

У Чжонган. Изменение и развитие концепции национальной безопасности Китая после основания государства // Журнал Шанхайского университета (Социальные науки), 2006. № 2. С. 47–52.

Хай Лу, Янг Бин. Образование исторического взгляда на китайский народ: содержание, ценности и практические пути // Исследования национальностей, 2022. № 4. С. 13–24+139.

Хэйлуңцзяньский университет, Факультет русского языка; Кабинет составителей русско-китайских словарей. Большой русско-китайский словарь. Пекин: Издательство «Шанъу иньшугуань», 1989. 802 с.

Чэн Сяовэй. Установка «идентификации» в переводе внешней пропаганды // Китайский перевод, 2007. № 1. С. 60–65+96.

Чэн Сяовэй. Культурное самосознание и осознание аудитории в переводе внешней пропаганды // Переводы Китая, 2013. № 2. С. 95–100.

Чжоу Чжунлянь. Начальные исследования по государственному управлению в области перевода // Журнал Военного института иностранных языков, 2023. № 4. С. 30–37.

Шу На, Ю Сюаньпу. Особенности и политические соображения англоязычного перевода политических текстов текущих событий во внешней пропаганде // Журнал Цзянси Нормального Университета (Гуманитарные и социальные науки), 2017. № 5. С. 138–143.

Ян Фэн. Манифест Трансзнаиеведения // Исследования современных иностранных языков, 2021. № 5. С. 2+27.

Ян Фэн. Трансзнаиеведение: от отправления до прибытия // Исследования современных иностранных языков, 2022. № 5. С. 1–2.

Ян Фэн. Определение и классификация перевода в области трансзнаиеведения // Исследования современных иностранных языков, 2022. № 1. С. 1–2.

Ян Фэн. Перевод между знаниями, человек над знанием: заметки к двухлетию публикации «Манифеста по трансзнаиеведению» // Исследования современных иностранных языков, 2023. № 5. С. 1–2.

Ян Фэн. Основные положения Трансзнаиеведения // Исследования современных иностранных языков, 2023. № 04. С. 1–2.

Juliane House, Shoshana Blum-Kulka (1986) *Interlingual and intercultural communication: discourse and cognition intranlation and second language acquisition studies*. Tübinger: Gunter Narr Verlag Tübingen, p. 82.

Shuttleworth M., Cowie M. (1997) *Dictionary of Translation Studies*, St. Jerome Publishing, 1997, pp. 55.

J.-P. Vinay, J. Darbelnet. (1995) *Comparative Stylistics of French and English: A methodology for translation*, John Benjamins Publishing Company, 1995, pp. 112.

References

陈小慰 (2007)(01). 外宣翻译中《认同》的建立 [J]. 中国翻译, pp. 60–65+96.

Chen Xiaowei. (2007) *Ustanovka “identifikacii” v perevode vneshnej propagandy = The establishment of “identity” in external publicity translation. Kitajskij perevod.* No. 1, pp. 60–65+96 (In Chinese).

陈小慰 (2013)(02). 对外宣传翻译中的文化自觉与受众意识 [J]. 中国翻译, pp. 95–100.

Chen Xiaowei. (2013) Kulturnoe samosoznanie i osoznanie auditorii v perevode vneshnej propagandy = Cultural Consciousness and Audience Awareness in Foreign Publicity Translation. *Chinese Translators Journal*. No. 2, pp. 95–100 (In Chinese).

顾世民 肖成笑 (2023)(04). 《习近平用典》的外宣翻译策略与对外传播理路研究 [J]. 上海翻译, pp. 20–25 +95.

Gu Shimin, Xiao Chengxiao. (2023) Issledovanie strategii vneshnej propagandy i putej vneshnej kommunikacii v perevode «Citat U Siczinpina» = Research on the Translation Strategies of “Xi Jinping’s Quotations” in Foreign Publicity and the Path of External Communication. *Shanghai Translation*. No. 4, pp. 20–25+95 (In Chinese).

海路 杨柄 (2022)(04). 中华民族历史观教育: 内涵、价值与实践路径 [J]. 民族研究, pp. 13–24+139.

Hai Lu, Yang Bing. (2022) Obrazovanie istoricheskogo vzglyada na kitajskij narod: sodержanie, cennosti i prakticheskie puti = Education on the Historical View of the Chinese Nation: Connotation, Values, and Practical Paths. *Ethnic Studies*. No. 4, pp. 13–24+139 (In Chinese).

Havrylenko N.N. (2015) Popytka sistematizatsii perevodcheskikh kompetentsiy = An attempt to systematize translation competencies. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University*. No. 2, pp.70–77 (In Russian).

Heilongjiang University, Faculty of the Russian Language; Editorial Board of Russian-Chinese Dictionaries. (1989) *Bol'shoj russko-kitajskij slovar'* = The Great Russian-Chinese Dictionary. *Beijing: Commercial Press*, 802 p. (In Russian).

Juliane House, Shoshana Blum-Kulka. (1986) Interlingual and intercultural communication: discourse and cognition in translation and second language acquisition studies. Tübingen : Gunter Narr Verlag Tübingen, pp. 82.

J.-P. Vinay, J. Darbelnet. (1995) *Comparative Stylistics of French and English: A methodology for translation*, John Benjamins Publishing Company, pp. 112.

Komissarov V.N. (1990) *Teoriya perevoda = Translation theory*. Moscow: Vysshaya shkola, 51–79 p. (In Russian).

Kryukov A.N. (1988) *Fonovyye znaniya i yazykovaya kommunikatsiya = Background knowledge and language communication*. Moscow: Etnopsikhologingvistika, pp. 19–34 (In Russian).

吕峰 (2023)(12). 新时代提升维护国家意识形态安全能力的三维向度 [J]. 思想教育研究, pp. 66–72.

Lv Feng. (2023) Trekhmernyye aspekty povysheniya i obespecheniya sposobnosti k obespecheniyu bezopasnosti ideologii gosudarstva v novuyu epokhu = Three-dimensional Dimensions for Enhancing and Safeguarding the National Ideological Security Capacity in the New Era. *Research on Ideological Education*. No. 12, pp. 66–72 (In Chinese).

吕和发 董庆文 任林静 (2016)(06). 跨文化公关视域下的外宣与外宣翻译研究 [J]. 上海翻译, pp. 43.

Lu Hefa, Dong Qingwen, Ren Linjing. (2016) Issledovanie vneshnej propagandy i perevoda vneshnej propagandy v perspektive mezhkul'turnykh obshchestvennykh otnoshenij = Research on external publicity and external publicity translation from the perspective of cross-cultural public relations. Shanghai Translation. No. 6, pp. 43 (In Chinese).

Proshina Z.G. (2023) Mezhhvariantnyy perevod i yego integratsiya v programmuy podgotovki perevodchikov = Intervarietal translation and its integration into translating curricula. Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication. No. 3, pp. 108–120 (In Russian).

Shuttleworth M., Cowie M. (1997) Dictionary of Translation Studies, St. Jerome Publishing, 1997, pp. 55.

舒娜 余炫朴 (2017)(05). 外宣翻译中时事政治文本英译的特点及其政治考量 [J]. 江西师范大学学报 (哲学社会科学版), pp. 138–143.

Shu Na, Yu Xuanpiao. (2017) Osobennosti i politicheskie soobrazheniya angloyazychnogo perevoda politicheskikh tekstov tekushchikh sobytij vo vneshnej propagande = Characteristics of English Translation of Current Political Texts in Foreign Publicity and Their Political Considerations. Journal of Jiangxi Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition). No. 5, pp. 138–143 (In Chinese).

孙勇 杨荣涛 成飞 (2023)(11). 《巩固实现稳藏安康的战略要地》重要意义简析——总体国家安全观视域下的治国安边新指向 [J]. 西南民族大学学报 (人文社会科学版), pp. 7–16.

Sun Yong, Yang Rongtao, Cheng Fei. (2023) Kratkij analiz vazhnogo znacheniya «Ukreplenie i obespechenie strategicheski vazhnoj territorii stabil'nosti i blagopoluchiya v Tibete» v kontekste obshchej kontseptsii nacional'noj bezopasnosti = Brief Analysis of the Significant Importance of «Consolidating and Realizing Strategic Strongholds for Stability, Security, Prosperity, and Harmony» — A New Direction of Governing the Country and Securing the Borders from the Perspective of the Overall National Security Concept. Journal of Southwest University for Nationalities (Humanities and Social Sciences Edition). No. 11, pp. 7–16 (In Chinese).

Ushakov D.N. (Ed.) (1935). Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: State Institute “Soviet Encyclopedia”. Vol. 2, 1455 p. (In Russian).

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. (1990) Yazyk i kul'tura: lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo = Language and culture: linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language. Moscow: russkiy yazyk, pp. 246 (In Russian).

Wang Duo. (2023) Perevod na russkiy yazyk termina “Rencai” na osnove transznaniyevdeniya — na materiale publikatsiy Si Tsin'pina “O gosudarstvennom upravlenii IV” = The translation of the term “人才” into Russian based on transknowledgeology: Xi Jinping's publication “The governance of China IV”. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda. No. 3, pp. 104–124 (In Russian).

吴仲钢 (2006)(02). 建国后中国国家安全观的变化和发展 [J]. 上海大学学报 (社会科学版), pp. 47–52.

Wu Zhonggang. (2006) Izmenenie i razvitie kontseptsii nacional'noj bezopasnosti Kitaya posle osnovaniya gosudarstva = Changes and Developments in China's National Security Concept After the Founding of the People's Republic. *Journal of Shanghai University (Social Sciences Edition)*. No. 2, pp. 47–52 (In Chinese).

谢文文 (2019)(04). 《读书之乐何如? 绿满窗前草不除》——从《接受美学》谈全民阅读推广活动的深化 [J]. 新世纪图书馆, pp. 22–24.

Xie Wenwen. (2019) “Chto mozhet byt' luchshe, chem radost' ot chteniya? Trava pered oknom doma zelena i ne skoshena” — Razvitie nacional'noj kampanii po stimulirovaniyu chteniya s pomoshch'yu “estetiki priema” = “How Joyful is the Pleasure of Reading? Green Grass Grows Outside the Window Without Removal” — Deepening the Popularization of Reading Activities from the Perspective of “Aesthetic Acceptance”. *New Century Library*. No. 4, pp. 22–24 (In Chinese).

徐拥军 王兴广 (2023)(06). 总体国家安全观下的跨境数据流动安全治理研究 [J]. 图书情报知识, pp. 20–30.

Xu Yongjun, Wang Xingguang. (2023) Issledovanie upravleniya bezopasnost'yu peredachi dannykh cherez granitsy v kontekste obshchej kontseptsii nacional'noj bezopasnosti = Research on the Governance of Cross-Border Data Flow Security under the Concept of Overall National Security. *Journal of Library and Information Knowledge*. No. 6, pp. 20–30 (In Chinese).

杨枫 (2021)(05). 知识翻译学宣言 [J]. 当代外语研究, pp. 2 +27.

Yang Feng. (2021) Manifest Transznanievedeniya = Manifesto of Transknowletology. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 5, pp. 2 +27 (In Chinese).

杨枫 (2022)(01). 知识翻译学的翻译定义与分类 [J]. 当代外语研究, pp. 1–2.

Yang Feng. (2022) Opređenje i klassifikatsiya perevoda v oblasti transznanievedeniya = The Translation Definition and Classification of Transknowletology. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 1, pp. 1–2 (In Chinese).

杨枫 (2022)(05). 知识翻译学: 出发与抵达 [J]. 当代外语研究, pp. 1–2.

Yang Feng. (2022) Transznanievedenie: ot otpravleniya do pribytiya = Transknowletology: Departure and Arrival. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 5, pp. 1–2 (In Chinese).

杨枫 (2023)(05). 翻译在知识之间人在知识之上——写在《知识翻译学宣言》发表2周年之际 [J]. 当代外语研究, pp. 1–2.

Yang Feng. (2023) Perevod mezhdru znaniyami, chelovek nad znaniem: zametki k dvukhletiyu publikatsii “Manifesta po transznanievedeniyu” = Translation Between Knowledge and Above Knowledge — On the 2nd Anniversary of the Publication of the “Manifesto of Transknowletology”. *Contemporary Foreign Language Studies*. No. 5, pp. 1–2 (In Chinese).

杨枫 (2023)(04). 知识翻译学论纲 [J]. 当代外语研究, pp. 1–2.

Yang Feng. (2023) Osnovnye polozheniya Transznanievedeniya = Outline of Transknowletology. Contemporary Foreign Language Studies. No. 4, pp. 1–2 (In Chinese).

周忠良(2023)(04). 国家翻译治理初探[J]. 解放军外国语学院学报, pp. 30–37.

Zhou Zhongliang. (2023) Nachal'nye issledovaniya po gosudarstvennomu upravleniyu v oblasti perevoda = Preliminary Exploration of National Translation Governance. *Journal of PLA Foreign Language Institute.* No. 4, pp. 30–37 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ван До — доктор русского языка и русской литературы, Даляньский университет иностранных языков, 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; duflduo1998@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Wang Duo — Ph.D candidate at the Northeast Asia Research Center of Dalian University of foreign languages, 116044, China, No. 6, West Section of Lushun South Road, Lushunkou District, Dalian City, Liaoning Province; duflduo1998@gmail.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81`25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-127-143

СЕМАНТИКА ВОСТОРГА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Го Лицзюнь

Университет имени Сунь Ятсена, Гуанчжоу, Китай

Анна Викторовна Щетинина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Для контактов: guolj5@mail.sysu.edu.cn, A.V.Shchetinina@urfu.ru

Аннотация. В статье представлен семантический анализ лексемы *восторг* в русском языке и её эквивалентов в китайском. Актуальность исследования обусловлена использованием переводческих практик в процессе преподавания языка инофонам с учётом коммуникативного подхода, в результате которых у студентов возникают затруднения при понимании текстов, отражающих эмоциональные реакции носителей языка. Авторы, анализируя значения слов и словосочетаний, выражающих эмоциональное состояние восторга, выявляют сходства и различия его семантической репрезентации в русском и китайском языках. С этой целью авторы используют теорию семантических переходов, позволяющую выявить прототипические ситуации эмоции восторга. Установлено, что в русском языке лексема *восторг* является ключевой для выражения соответствующей эмоции, при этом специфические черты проявления восторга маркируются посредством прилагательных (*бешеный восторг, губительный восторг* и др.). Между тем в китайском языке для репрезентации эмоции восторга используется несколько ключевых слов (兴奋 ‘волнение, возбуждение’, 狂喜 ‘экстаз’, фразеологизмы 欢欣鼓舞 ‘радость и волнение’ и др.), что объясняется разным национально-культурным контекстом. В то же время в русском и китайском языках коллокации, описывающие восторг, имеют сходную семантику: речевых действий, психологического состояния, физических реакций и др.

Ключевые слова: эмотивная лексика, лексема *восторг*, культурный контекст, теория семантических переходов, русский язык, китайский язык.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Национального фонда социальных наук Китая в рамках проекта «Междисциплинарное исследование механизмов образования и когнитивных мотиваций эмоциональной лексической семантики в русском и китайском языках» (Грант № 24YU078).

Для цитирования: Го Лицзюнь, Щетинина А.В. Семантика восторга в русском и китайском языках // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 3. С. 127–143. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-127-143

Статья поступила в редакцию 19.08.2024;
одобрена после рецензирования 09.10.2025;
принята к публикации 15.10.2025.

SEMANTICS OF DELIGHT IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Guo Lijun

Sun Yat-Sen University, Guangzhou, P. R. China

Shchetinina Anna Viktorovna

Ural Federal University named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin, Russia

For contacts: guolj5@mail.sysu.edu.cn, A.V.Shchetinina@urfu.ru

Abstract. Emotional perception and expression vary significantly across cultures, creating challenges in translation and language teaching. This study explores how the emotion of delight is semantically represented in Russian and Chinese, two high-context cultures with different philosophical foundations. The research aims to create comprehensive semantic profiles of the Russian lexeme *vostorg* (*delight*) and its Chinese equivalents, identifying similarities and differences in their semantic representation. This analysis addresses difficulties foreign language learners face when interpreting emotionally expressive texts. The methodology applies semantic transition theory, analyzing three types of meaning shifts: those based on prototypical situation components, implications from prototypical situations, and incidental consequences of emotional states. Data was collected from the Russian National Corpus, lexicographical sources, and corpus examples from both languages. The analysis focuses on collocations, metaphorical expressions, and contextual usage patterns. Results reveal that in Russian, *vostorg* functions as a central lexeme for expressing delight, with

---

© Guo Lijun, Shchetinina A.V., 2025

specific emotional qualities indicated through modifying adjectives (e.g., *poetic delight*, *frenzied delight*, *fatal rapture*). Chinese, however, employs multiple distinct lexical items (兴奋 ‘excitement’, 狂喜 ‘ecstasy’) and idiomatic expressions (欢欣鼓舞 ‘joy and excitement’, 欣喜若狂 ‘wild with joy’) to represent varying intensities and contexts of delight. Despite these structural differences, both languages share similar semantic patterns in expressing manifestations of delight through verbal actions, visual expressions, physical responses, and psychological states. Automated translation systems typically fail to capture these nuanced emotional expressions, offering only generalized equivalents. In conclusion, the research reveals fundamentally different lexicalization strategies: Russian employs a more economical approach with one core lexeme modified by adjectives, while Chinese offers greater flexibility through distinct lexical items for different emotional contexts. This difference poses significant challenges for language learners and translators. Effective teaching of emotional vocabulary requires semantic profiling rather than simple dictionary work, allowing learners to analyze different semantic transitions and understand the cultural context behind language patterns. This approach helps bridge the gap between different cognitive models and improves cross-cultural communication competence.

Key words: emotive vocabulary, the lexeme *delight*, cultural context, theory of semantic transitions, Russian language, Chinese language.

Acknowledgement. This research was supported by the National Social Science Fund of China [Grant No. 24BYY078] under the project titled “An Interdisciplinary Study of the Derivation Mechanisms and Cognitive Motivations of Emotive Lexical Semantics in Russian and Chinese”.

For citation: Guo Lijun, Shchetinina A. V. (2025) Semantics of delight in Russian and Chinese. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Pervoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 127–143. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-127-143

The article was received on August 19, 2025;
approved for reviewing on October 09, 2025;
accepted for publication on October 15, 2025.

Введение

Одним из способов изучения языковой картины мира является анализ внутренней формы слов и фразеологизмов. Описание внутренней формы в аспекте сопоставления лексики разных языков может опираться на способ семантических переходов ‘X’ → ‘эмоция’. В данной работе при портретировании лексемы *восторг* на материале русского языка и её эквивалентов в китайском языке мы

опираемся на исследование профессора Е.Р. Ионесян, посвящённое типам семантических переходов — «факт совмещения, в пределах одного слова, двух разных значений...» (Зализняк, 2009), которые лежат в основе номинации эмоций (Ионесян, 2020). Исследователь выделяет 3 типа семантических переходов (Ионесян, 2020: 6–12), которые базируются на:

- «компонентах прототипической ситуации соответствующих эмоций»: от компонента значения / прототипической ситуации к значению (актуально для анализа зафиксированного в словарях определения слова);
- «импликациях из прототипической ситуации эмоций»: от импликации прототипической ситуации к компоненту значения, а затем к значению (актуализируются компоненты метафор и неметафор, не зафиксированные в исходном значении, «поскольку для толкования этого значения они не нужны» (Кустова, 2000: 108));
- «инцидентных следствиях прототипической ситуации соответствующих эмоций»: от значения эмоции к инцидентному следствию (в контекстном употреблении актуализируются компоненты, не входящие в значение номинации эмоции).

Далее анализ семантических переходов позволит нам охарактеризовать слово *восторг* с точки зрения базовых и дополнительных семантических особенностей в русском и китайском языках.

Семантика русской лексемы *восторг* и её китайских эквивалентов

В «Большом универсальном словаре» под редакцией В.В. Морковкина значение слова *восторг* представлено как ‘необыкновенно радостное возбуждение в связи с чем-л. доставляющим очень большое удовольствие’ (Большой..., 2017: 137). В семантеме можно выделить две ключевые семы, одна из которых ‘необыкновенно радостное возбуждение’ идентифицирует саму эмоцию, а вторая ‘большое удовольствие’ указывает на причину появления эмоции. Эти семы можно представить как компоненты прототипической ситуации восторга («это не сама ситуация, существующая в действительности, а её когнитивная модель, так как единица языка отражает не объекты или отношения между объектами, а то, как эти объекты и отношения познаны и концептуализированы говорящим» (Горбунова, 2010: 357)). Так, осуществляется переход от компонента значения ‘позитивная оценка X ситуации Р как необыкновенно радостной, доставляющей большое удовольствие’ к

значению лексемы *восторг*. Таким образом осуществляется семантический переход: ‘радостное возбуждение’ → ‘восторг’, ‘большое удовольствие’ → ‘восторг’. Приведём несколько примеров употребления лексемы *восторг*, иллюстрирующих данные прототипические ситуации: *Такие ресницы, тени — всё это приводило меня в бешеный восторг, я по часу утром сидела перед зеркалом* (НКРЯ: М. Варденга, Г. Тюнина. Фрагменты белого стиха // Домовой, 2002); *Я старалась изменить себя и была в восторге, когда у меня начало получаться что-то убедительное* (НКРЯ: Кейт Уинслет: «Наше прошлое должно быть с нами» // Экран и сцена, 2004).

В качестве импликации из прототипической ситуации эмоции восторга может быть представлен компонент одобрения, например, переходы ‘талантливое произведение’ → ‘восторг’, ‘талантливый человек’ → ‘восторг’, поскольку семантика радости и удовольствия в модели ‘позитивная оценка X ситуации Р как необыкновенно радостной, доставляющей большое удовольствие’ включает в себя одобрение, в наших контекстах — разных актуализаций таланта, например: *Публика пришла в восторг, а жюри присудило спектаклю диплом первой степени* (НКРЯ: Классика на школьной сцене // Народное творчество, 2004); *Когда оркестр стал впоследствии пинать Светланова, я вспомнила, как ко мне подошла на том концерте одна виолончелистка, покрасневшая от восторга, и сказала: — Всё-таки какой же у нас шеф! Замечательный! Похвала от самих оркестрантов дорогого стоит* (НКРЯ: Сати Спивакова. Не всё, 2002).

Инцидентным следствием восторга может стать вдохновение. Сема ‘вдохновение’ не входит в семантему слова *восторг*, но актуализирует в контексте ассоциации с поведением, которое мотивировано полученной эмоцией восторга. Рассмотрим пример: *Однажды, когда в Советском Союзе ещё не было никаких свеч, кроме «бытовых», Ефим Шифрин на гастролях за границей увидел рождественскую свечу, которая привела его в восторг. С тех пор уже много лет артист привозит отовсюду свечки, но не прямые, а оригинальные — редкой, своеобразной формы* (НКРЯ: Н. Склярова. Если бы у медведя было ружьё // Вечерняя Москва, 2002). Компонент значения ‘позитивная оценка X ситуации Р как необыкновенно радостной, доставляющей большое удовольствие’ (*увидел рождественскую свечу, которая привела его в восторг*) обусловил побуждение субъекта к действиям (*привозит отовсюду свечки*), творчески осмысленным (*но не прямые, а оригинальные — редкой, своеобразной формы*). Данные компоненты входят в значение слова

вдохновить (БУСРЯ, 2017: 88), то есть осуществляется семантический переход 'восторг' → 'вдохновение', где вдохновение становится инцидентным следствием прототипической ситуации эмоции восторга. Данную ситуацию маркируют прилагательные *кулинарный, вокальный, поэтический*, указывающие на тип творческого действия, в ходе которого создаётся восторженное эмоциональное состояние: *Но на выходных я раскопала тесто фило в морозилке и наконец-то с ним поработала. И вот он, **кулинарный восторг!** Такое удовольствие работать с ним! <...> Очень вкусно. Но сам процесс приготовления ... м-м-м ... я теперь фанат теста фило. Хочу ещё* (А давно ли вы испытывали кулинарный восторг? // nn.ru, 2019); *Тембрально окрашенные «верха», мрачные, почти «металлические» ноты нижнего регистра заставляют слушателя не без удовольствия ожидать **вокального восторга** финала. Ожидания оправдываются вполне, и рыдающее «Она мертва!» заглушается ревом аплодисментов* (НКРЯ: Ю. Кантор. Классика жанра... // «Известия», 2001.06.25); *Он сам рассказывал мне свою историю и горько жаловался на свою бедность, но ещё больше на то, что никто его не понимает; что бьют его, когда он, в пылу **поэтического восторга**, за недостатком бумаги, изрежет столы своими стихами...* (НКРЯ: В.Ф. Одоевский. Импровизатор, 1833). При этом последнее прилагательное чаще имеет метафорическое значение, маркирующее ситуацию не стихосложения, а оценки субъектом окружающей действительности: *Кстати, Герцена привела в истинно **поэтический восторг** их бумажная мануфактура: огромные водяные колёса бешено вращались в плеске и треске* (НКРЯ: В.А. Коршунков. Купечество вятское... // «Волга», 1999).

Позитивная семантика лексемы *восторг* репрезентируется в большей части контекстов, что, в частности, выражается в типовой сочетаемости с прилагательными, которые маркируют внешнее проявление данного эмоционального состояния (восторг: *большой / безумный / бешеный / бурный / всеобщий / искренний / невероятный / немой / неопиcуемый / неподдельный / непомерный / обций / полный / полнейший / почтительный / простодушный / совершенный / совершеннейший / сплошной / страстный / телячий / форменный*), выражая степень внешнего проявления эмоции. Крайнюю степень демонстрации радости и/или одобрения подчеркивают характеристики *безумный* и *бешеный*: *Под **безумный восторг** зала (бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура») русский народ был официально объявлен главным* (НКРЯ: И. Николаев. Последний приказ генерала // Звезда, 2001); *Как олушительно, в **бешеном вос-***

торге, хохотал он во всю свою просторную глотку! (НКРЯ: Н.К. Чуковский. Приключения профессора Зворыки, 1926) и др.

В то время как в русском языке для выражения всего спектра интенсивности проявления эмоции восторга используются дополнительные лексические маркеры (*бешеный восторг, сплошной восторг* и др.), так же как и для отражения специфики проявления восторга в различных коммуникативных ситуациях (*поэтический восторг, кулинарный восторг* и др.), в китайском языке подбираются разные лексемы, идентифицирующие особенность выражения эмоции восторга в процессе коммуникации. Русской лексеме *восторг* эквивалентны несколько языковых единиц: лексемы 兴奋 ‘волнение, возбуждение’, 狂喜 ‘экстаз’ и фразеологизмы 欢欣鼓舞 ‘радость и волнение’, 喜气洋洋 ‘переполненный радостью’, 欣喜若狂 ‘сильно радоваться; быть вне себя от радости’, 欢天喜地 ‘быть в восторге; праздновать с большим удовольствием’, 兴高采烈 ‘высокий подъём; ликовать’, 欢天喜地 ‘быть в восторге; праздновать с большим удовольствием’.

Данные языковые единицы используются в китайском языке для передачи ощущения великой радости, особенно по случаю успеха, что соответствует прототипической ситуации перехода от компонента значения ‘позитивная оценка X ситуации Р как необыкновенно радостной, вызывающей крайне возбуждённое состояние’ к значению языковых единиц с семантикой восторга. Так, в «Большом русско-китайском толковом словаре новой эпохи» эмоция восторга передаётся словами 欣喜 ‘радость’, 非常高兴 ‘очень счастлив’, 狂喜 ‘экстаз’ (Большой..., 2014: 137). В этом случае актуализируется семантика разной степени интенсивности проявления позитивно-приподнятого эмоционального состояния: от его констатации к усилению признака через наречие *очень* и к высшей степени эмоционального подъема, даже запредельной, граничащей с исступлением.

Для того, чтобы выбрать более точный эквивалент к русскому слову *восторг* в китайском языке, необходимо сначала точно понять степень интенсивности проявления эмоции, заявленной в оригинальном тексте. Затем следует выбрать наиболее подходящее китайское слово с семантикой соответствующей эмоциональной интенсивности. Возможно, потребуются добавить описательные слова в перевод для более точной передачи смысла. Приведём несколько примеров разных вариантов перевода русской фразы на китайский язык и китайской фразы на русский язык в зависимости от коммуникативной ситуации, которая идентифицируется в контексте.

Он с восторгом принял подарок.

Варианты перевода в зависимости от контекста:

(1) 他高兴地接受了礼物 / Он с удовольствием принял подарок (умеренная степень интенсивности проявления эмоций);

(2) 他欣喜地接受了礼物 / Он с радостью принял подарок (средняя степень интенсивности проявления эмоций);

(3) 他兴高采烈地接受了礼物 / Он с большим энтузиазмом принял подарок (высокая степень интенсивности проявления эмоций).

При этом отметим, что в интернет-ресурсах «Яндекс.Переводчик», Tencent и Baidu китайское предложение переводится на русский язык одинаково: *Он радостно принял подарок*, репрезентируя семантический переход 'радостное возбуждение' * 'восторг', отражающий стандартную русскую когнитивную модель репрезентации ситуации, в которой у человека появляется приподнятое настроение, доходящее до восторга.

他欣喜若狂地跳了起来.

Варианты перевода в зависимости от контекста:

(1) Он подпрыгнул от безумной радости;

(2) Он вскочил в неопишемом восторге;

(3) Он подпрыгнул от безумного восторга.

Восторг выражает сильную радость и волнение, превышающие обычное состояние радости, что отражено в данных вариантах перевода.

При этом в автоматических русских и китайских переводчиках эмоция восторга дополнительно не интенсифицируется: *Он в восторге подпрыгнул* («Яндекс.Переводчик») и *Он вскочил от восторга* (Baidu.Переводчик / 百度翻译).

Данные примеры перевода показывают, что семантический анализ лексемы на основе изучения его контекстного употребления имеет значение в практике преподавания языка инофонам для нахождения вариантов адекватного коммуникативной ситуации перевода, в частности языковых единиц с семантикой эмоций, поскольку в разных культурах восприятие фактов действительности и реакция на них может различаться. Китай и Россия относятся к «высококонтекстуальным культурам» (по Эдварду Т. Холлу), в языках которых большая часть лексической информации находится не в значении слова, а в его контекстуальном окружении [Hall, 1976]. В то же время русскоязычную и китайскую культуры и философские основы мировоззрения нельзя назвать близкими, что создаёт значительные сложности при изучении языка.

Русский принцип номинации понятия в некотором смысле более экономичен, так как требует освоения одного ключевого слова и ряда модификаторов для выражения широкого спектра эмоциональной интенсивности. Китайский принцип предоставляет большую гибкость, позволяя говорящему точно определить эмоцию путем выбора конкретного слова.

В то же время прототипические ситуации восторга как когнитивные модели представления носителей языка об этих ситуациях в целом повторяются. Так, Чжао Чуньли указывает, что «эмоции всегда находятся в определённой цепочке причинно-следственных связей» и это можно проверить с помощью конструкции ‘каузативный глагол + человек + A’ (Чжао Чуньли, 2007: 126). Мяо Цзюнь отмечает, что для возникновения соответствующего психического состояния мы сначала должны осознать событие, способное вызвать это состояние. Таким образом, «когда мы чувствуем разочарование, стыд или радость, мы всегда чувствуем это по какой-то причине» (Мяо Цзюнь, 2007: 33).

Восторг не только называет эмоциональное состояние, но и указывает на источник стимула, формируя каузальные связи в эмоциональном процессе. Эти каузальные отношения в китайском языке выражаются посредством конструкций типа ‘X令人/使人/让人 + эмоция’ = ‘X приводит человека в восторг’. В результатах поиска по запросу «令人兴奋 (X приводит человека в восторг)» в корпусе китайского современного языка Пекинского университета часто встречаются такие комбинации, как ‘令人兴奋的 + причина’ (например, 令人欣喜的消息/变化/成就/成绩/数字/前景/设想/丰收景象 — новости / изменения / достижения / успехи / цифры / перспективы / замыслы / урожай, вызывающие восторг). Кроме того, есть фразы типа 为之欣喜若狂, где ‘之’ указывает на причину, по которой человек испытывает восторг. Например: 面对这令人狂喜的喜讯, 周大新却是平静如初。(1993年01—06月《作家文摘》) / Столкнувшись с этой радостной новостью, вызывающей восторг, Чжоу Дашин остался столь же спокоен, как и прежде (Извлечения из произведений писателей, 1993); “丰收舞”的音乐很有特点, 它的节奏明快而又激动人心。这个舞蹈表现了人们获得丰收的幸福, 和令人欣喜的欢乐情绪。(人民日报_1957_10) / Музыка «Танца урожая» очень своеобразна, ритм её быстрый и вдохновляющий. Этот танец выражает счастье людей от полученного урожая и радостные эмоции, вызывающие восторг (Газета «Жэньминь жибао», 1957).

Противоположная, имплицитная, характеристика маркирует в русском языке прилагательными *скрытый, тайный, тихий,*

которые актуализируют семантический переход 'удовольствие' → 'восторг', при этом удовольствие могут вызывать разные ситуации, например, преступление: *Украсть плитку шоколада в магазине, смухлевать с налогами — во всём этом есть **скрытый восторг** и нарушения, и возмездия* (НКРЯ: И. Ефимов. Суд да дело // Звезда, 2001); физическая активность, например: *В отсутствие скачущего коня и горящей избы им просто необходимо каждый день перетаскивать из одного места в другое громоздкие и увесистые предметы, чтобы с **тайным восторгом** ощутить, опуская сумки на пол в прихожей: жизнь прекрасна* (НКРЯ: «Вынесет всё». Читатель-соавтор // Известия, 2002). Прилагательное *тихий* актуализирует разные семантические переходы 'радость' → 'восторг', 'одобрение' → 'восторг', при этом выражение интересно тем, что *тихий восторг* в ряде контекстов сопоставляется с эмоцией страха или противопоставляется ей: *А оставлять после себя потомкам выжженную, искореженную землю мы не будем. В Москве смотрели на это поразному: одни с паническим страхом, другие — с **тихим восторгом*** (НКРЯ: В. Баранец. Генштаб без тайн. Книга 1, 1999).

Китайскими эквивалентами русских имплицитных характеристик выражения удовольствия (*скрытый / тайный восторг*) являются наречие 暗暗 'тайно, про себя' или наречие с глаголом 暗喜 'тайно радоваться', где сема скрытности инкорпорирована в корень, а получение удовольствия контекстуально связывается с нарушением запретов. Существует также устойчивое выражение 暗自狂喜 'тайно ликовать', указывающее на высокую интенсивность скрываемой эмоции, например: 他会暗自狂喜, 也会深长叹息 / Он может тайно ликовать, а может и глубоко вздыхать. Таким образом, если в русском языке латентность переживания кодируется через атрибутивную конструкцию, то в китайском адвербиально, создаётся по модели «наречие + глагол» или передаётся посредством фразеологизма.

Прилагательное *гибельный* актуализирует семантический переход на основе инцидентных следствий прототипической ситуации, отражающей языковые представления о действительности носителей языка, которые не совпадают с их обыденными представлениями. Так, например, семантический переход 'смерть' → 'восторг' представляет прототипические ситуации ощущения близкой смерти: *Участились головные боли, не раз и не два во сне наступали предощущения **гибельного восторга**, зато обычные, бытовые общения с мужчинами отвращали* (НКРЯ: А. Азольский. Глаша // «Новый

Мир», 2003); ожидания близкой смерти: *Или кувыряться и гулять, опять-таки ожидая с **гибельным восторгом**, когда она явится перед тобой, вся в белом и с косою* (НКРЯ: Э. Володарский. Дневник самоубийцы, 1997); нахождения в смертельной опасности: *Прям на него пёр танк, метров на пять по обе стороны все были мёртвые в окопе, зашарил слепо по передней стенке и провалился в нишу, нащупал пальцами железный ком гранатной связки, немного посидел, угнувшись, вбирая сладостно нутром, с каким-то **гибельным восторгом** растуший лязг, натужный рокот, дождался предпоследней близости махины и, распрямившись в рост, швырнул что было силы связку* (НКРЯ: Сергей Самсонов. Одиннадцать, 2010) и др.

Семантический переход 'смерть' → 'восторг' в китайском языке представлен описательной конструкцией, отражающей источник интенсивного переживания, например, 致命的快感 или 冒险的刺激. При этом важно отметить, что китайские лексемы 快感 и 刺激 в данном контексте не являются прямыми эквивалентами русского слова *восторг*, они репрезентируют семантику удовольствия, кайфа и острых ощущений. Соответственно, перевод этих конструкций будет выглядеть так: 致命的快感 — букв. 'смертельное удовольствие / кайф'; 冒险的刺激 — букв. 'возбуждение / острые ощущения от риска'.

Семантический переход, основанный на инцидентном следствии, представлен, на наш взгляд, и в сочетаемости существительного *восторг* с прилагательными возрастной семантики *детский*, *юношеский*, значения которых включают в себя презумпцию имманентного свойства возраста 'ребяческий, наивный, незрелый, не свойственный взрослому': *Женщина с **детским восторгом** разглядывала старинную технику* (НКРЯ: Д. Ищенко. Парад Победы // «Октябрь», 2013); *Фамилии должностных лиц и сами названия их должностей Борис Александрович произносит с **юношеским восторгом**. О себе предпочитает говорить в третьем лице* (НКРЯ: В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру, 1976).

Переход, основанный на инцидентном следствии, связанном с возрастной семантикой, репрезентируется в китайском языке конструкцией подобию «...般的» 'подобный', 'как у...'. Ключевым здесь является сочетание 孩子般的兴奋. В данной модели атрибут 孩子般的 'детский' так же, как и в русском языке, выражает характеристики на основе ассоциации с детской непосредственностью, чистотой и искренностью, например: 孩子般的兴奋, 溢于言表 / (Его/

её) по-детски непосредственное возбуждение / оживление было невозможно скрыть.

Кроме того, семантический анализ метафорических и неметафорических коллокаций в русском и китайском языках позволяет дополнить спектр следствий из прототипических ситуаций эмоции восторга, репрезентирующих радостно-возбуждённое состояние, которое сопровождается «типичными внешними проявлениями: улыбкой, смехом, приливом физических и душевных сил, живостью, энергией» (Бабенко, 2021: 134):

(1) ‘совершать речевые и звуковые действия’:

всхлипывать от восторга, исторгнуть восторг, кричать в восторге, крикнуть в восторге, шептать в восторге, взвизгивать от восторга, визжать от восторга, захлёбываться от восторга, приветствовать с восторгом, рассказывать с восторгом, сказать с восторгом, свистеть от восторга и др.

兴奋地大声嚷嚷 (кричать от восторга); 兴奋得说不出话来 (исторгнуть восторг); 兴奋地低语 (шептать в восторге); 兴奋地尖叫 (визжать от восторга); 兴奋地说 (сказать с восторгом); 兴奋地讲述 (рассказывать с восторгом); 兴奋地吹口哨 (свистеть от восторга);

(2) ‘выражать визуально’:

глаза горят восторгом, (глаза) сиять восторгом, нельзя было смотреть без восторга, взор сиял восторгом и др.

眉开眼笑 (улыбаться от восторга); 喜笑颜开 (лицо светится от восторга); 笑逐颜开 (лицо озарилось улыбкой от восторга); 笑容满面 (лицо полное восторга); 满面春风 (лицо светится восторгом); 神采飞扬 (гореть восторгом);

(3) ‘совершать телодвижения под влиянием чувства’:

подпрыгивать от восторга, падать от восторга на землю, в восторге бросать шапку в небо и др.

手舞足蹈 (танцевать от восторга); 欢呼雀跃 (прыгать и кричать от восторга); 拍手称快 (аплодировать от восторга); 兴奋地鼓掌欢呼 (аплодировать и кричать от восторга);

(4) ‘влиять на внутреннее психологическое состояние (сердце, душу)’: *сердце таяло от восторга, наполнять душу гибельным восторгом* и др.

心花怒放 (сердце цветёт от восторга); 心花怒放 (сердце цветёт от радости); 心潮澎湃 (сердце переполнено восторгом); 心旷神怡 (сердце и душа наполнены восторгом); 心满意足 (сердце полно удовлетворения и восторга);

(5) ‘выражать чувство’:

демонстрировать восторг, выражать восторг и др.

表现出极大的喜悦 (демонстрировать восторг); 表达出内心的激动 (выражать восторг); 乐不可支 (не сдерживать восторг).

(6) 'прийти в определённое состояние / находиться в определённом состоянии': *потерять сознание от восторга, падать в обморок от восторга, задыхаться от восторга, быть вне себя от восторга, замирать от восторга, вздрогнуть от восторга, изнемогать от восторга, выдохся от восторга, захлебнуться в восторге (от своей догадливости), ооченеть от восторга, обомлеть от восторга, трепетать от восторга, млеть от восторга, искриться от восторга, заходиться от восторга, в припадке восторга* и др.;

兴奋得晕过去 (потерять сознание от восторга); 兴奋得昏倒 (падать в обморок от восторга); 兴奋得喘不过气 (задохнуться от восторга); 欣喜若狂 (быть вне себя от восторга); 兴奋得发抖 (трепетать от восторга); 兴奋得失去知觉 (обомлеть от восторга).

Как мы видим, в приведённых примерах встречаются как полные эквиваленты коллокаций (*потерять сознание от восторга / 兴奋得晕过去* и др.), так и частично совпадающие или не совпадающие (*наполнять душу губельным восторгом / 致命的快感 — смертельное удовольствие; 心花怒放 — сердце цветёт от восторга*).

В то же время перевод в российском «Яндексе» не совпадает с теми вариантами, которые нам представляются правильными китайскими эквивалентами коллокаций с ключевым словом *восторг*. Например: 兴奋地大声嚷嚷 (*кричать от восторга*) автоматически переводится как 'возбуждённо кричащий', что в русском языке может выражать не только восторг, но и часто иное чувство, например возмущение (НКРЯ: *Гармошка издавала пронзительные звуки. Мой новый знакомый возбуждённо кричал: — Взгляни на это прогрессивное человечество! На эти тупые рожи! На эти тени забытых предков!.. Живу здесь, как луч света в тёмном царстве...* С. Довлатов. Заповедник, 1983); 兴奋得说不出话来 (*исторгнуть восторг*) переводится как 'потерявший дар речи от волнения', хотя в русских контекстах это выражение может употребляться в значении 'испытывать страх' (ВКонтакте: *Земля из-под ног ушла, когда дали микрофон. От волнения потеряла дар речи.* А. Фокина, 2024) и др. Во многом это объясняется разным грамматическим строем языков, но также и необходимостью более полного контекстного окружения слова или словосочетания. Главным образом, для адекватного перевода с китайского языка на русский и наоборот высказываний, отражающих эмоциональные состояния, необходимо понимание культурного контекста.

Выводы

Номинации эмоции восторга связаны с семантическими переходами трех типов: основывающиеся на компонентах прототипической ситуации (семы входят в состав семантем, например, 'радостное возбуждение' → 'восторг'), основывающиеся на импликациях из прототипической ситуации (семы отсутствуют в составе семантемы, но извлекаются из семантической презумпции, например, 'талантливое произведение' → 'восторг'), основывающиеся на инцидентных следствиях (семы извлекаются из прагматической презумпции, например, 'смерть' → 'восторг'). В целом теория семантических переходов позволяет осуществлять семантический анализ лексемы, выявляя причинно-следственные связи номинаций эмоциональных состояний. В свою очередь установление причинно-следственных связей номинаций эмоциональных состояний позволяет, на наш взгляд, говорить преимущественно о социальной природе прототипических ситуаций, в которых проявляется восторг.

Эмоциональное восприятие действительности репрезентируется эмотивной лексикой, которая в зависимости от контекстного окружения может отражать разное восприятие коммуникативных ситуаций. В русском языке лексема *восторг* является ключевой для понимания эмоции, которая возникает как реакция на определённый стимул. В зависимости от особенностей её проявления носители языка выбирают дополнительные маркеры ситуации, чаще всего прилагательные (*поэтический восторг, бешеный восторг, гибельный* и др.). Однако для китайцев, изучающих русский язык, сложно понять, какое прилагательное необходимо выбрать, чтобы идентифицировать те или иные обстоятельства, поскольку в китайском языке для номинации эмоции восторга нет одного ключевого слова, а существуют разные слова и устойчивые выражения. При этом автоматические системы перевода предлагают отражение только общей когнитивной модели номинации, которая для китайских и русских носителей языка не идентична: *Он пришёл в бешеный восторг* → 他非常高兴; обратный перевод китайской фразы 他非常高兴 → *Он очень счастлив*.

Таким образом, практика перевода в процессе преподавания языка инофонам, на наш взгляд, должна включать не просто работу со словарем, а анализ семантической структуры слова в сопоставительном аспекте, включающий в себя исследование разных семантических переходов, которое позволит приблизиться к пониманию культурного контекста, как следствие, к тем моделям мышления, которые свойственны носителям языка.

Список литературы

Бабенко Л.Г. Алфавит эмоций. Словарь-тезаурус эмотивной лексики. М.: АСТ, 2021.

Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи. Том 1. Харбин: The Commercial Press, 2014.

Большой универсальный словарь русского языка / гл. ред. В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. М.: АСТ-Пресс, 2018.

Горбунова Л.И. Прототипическая ситуация: к вопросу о содержании термина и перспективах его использования // *iPolytech Journal*, 2010. № 5 (45). С. 356–362.

Зализняк А.А. Каталог семантических переходов: 20 лет спустя // *Russian Journal of Linguistics*, 2018. Т. 22. № 4. С. 770–787. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-770-787.

Зализняк А.А. О понятии семантического перехода // Материалы конференции «Диалог 2009». URL: <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/18.htm> (дата обращения: 21.07.2024).

Ионесян Е.Р. Типы семантических переходов, лежащие в основе номинации эмоций // представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. М.: Институт языкознания РАН, 2020. С. 5–69.

Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // *Вопросы языкознания*, 2000, № 4. С. 85–109.

Мяо Цзюнь. Прилагательные психологического отношения / Мяо Цзюнь // *Руководство по самостоятельному изучению китайского языка*, 2007. № 5. С. 32–37 (на кит. яз.)

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.07.2024).

Цуй Чжэюань. Скрытый семантический контекст при употреблении китайских выражений // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*, 2023. № 2. С. 95–110. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-95-110

Чжао Чуньли. Принципы совместного употребления эмоциональных прилагательных и существительных // *Китайский язык*, 2007. № 2. С. 125–132 (на кит. яз.).

Hall E.T. *Beyond culture*. Garden City, N.Y.: Anchor Press, 1976. 256 p.

References

Babenko L.G. (2021) *Alfavit jemocij. Slovar’-tezaurus jemotivnoj leksiki* = The alphabet of emotions. The dictionary is a thesaurus of emotive vocabulary. Moscow: AST. (In Russian).

Bol’shoj russko-kitajskom tolkovom slovare novoj jepohi = The Great Russian-Chinese Explanatory Dictionary of the new era. (2014) Harbin: The Commercial Press. (In Chinese).

Bol’shoj universal’nyj slovar’ russkogo jazyka = The Great Universal Dictionary of the Russian language. (2018). Moscow: AST-Press. (In Russian).

Cui Zheyuan. (2023). Skrytyj semanticheskij kontekst pri upotreblenii kitajskih vyrazhenij = The hidden semantic context in the use of Chinese expressions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 95–110. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-95-110 (In Russian).

Edward T. Hall. (1976). *Beyond culture*. Garden City, N.Y.: Anchor Press, 256 p.

Горбунова Л.И. (2010). Prototipicheskaja situacija: k voprosu o sodержanii termina i perspektivah ego ispol'zovanija = Prototypical situation: on the question of the content of the term and the prospects for its use. *Polytech Journal*. No. 5 (45), pp. 356–362 (In Russian).

Ионесьян Е.Р. (2020). Tipy semanticheskikh perehodov, lezhashhie v osnove nominacii jemocij. Representation of the emotional sphere of a person on the material of different languages = Types of semantic transitions underlying the nomination of emotions. Moscow: Institut yazykoznanija RAN, pp. 5–69 (In Russian).

Кустова Г.И. (2000) Kognitivnye modeli v semanticheskoi derivacii i sistema proizvodnyh znachenij = Cognitive models in semantic derivation and the system of derived meanings. *Voprosy yazykoznanija*. No. 4, pp. 85–109 (In Russian).

Miao Jun. (2007) Prilagatel'nye psihologicheskogo otnoshenija = Adjectives of psychological attitude. *Rukovodstvo po samostoyatel'nomu izucheniju kitajskogo yazyka*. No. 5, pp. 32–37 (In Chinese).

NKRYA — Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (In Russian).

Zaliznyak A.A. (2009) O ponjatii semanticheskogo perehoda = On the concept of semantic transition. Proceedings of the conference. Available at: <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/18.htm> (accessed 21.07.2024) (In Russian).

Zaliznyak A.A. (2018) Katalog semanticheskikh perehodov: 20 let spustja = Catalog of semantic transitions: 20 years later. *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 22. No. 4, pp. 770–787. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-770-787 (In Russian).

Zhao Chunli. (2007). Principy sovместного upotreblenija jemocional'nyh prilagatel'nyh i sushhestvitel'nyh = Principles of the joint use of emotional adjectives and nouns. *Kitajskij yazyk*. No. 2, pp. 125–132 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Го Лицзюнь — доцент, доктор филологических наук, факультет русского языка Института международных исследований Университета имени Сунь Ятсена, 510275, г. Гуанчжоу, ул. Синган-Си, д. 135, Китай; guolj5@mail.sysu.edu.cn; <https://orcid.org/0000-0002-9711-4180>.

Щетинина Анна Викторовна — доцент, кандидат филологических наук, докторант, кафедра языков массовых коммуникаций Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,

620085, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; A.V.Shchetinina@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>.

ABOUT THE AUTHORS:

Guo Lijun — Dr. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Russian Studies, School of International Studies, Sun Yat-Sen University, 510275, Guangzhou, Xingang Xi Road, No. 135, P. R. China; guolj5@mail.sysu.edu.cn; <https://orcid.org/0000-0002-9711-4180>.

Anna V. Shchetinina — PhD in Philology, Doctoral student, Associate Professor at the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 620085, Yekaterinburg, Mira str., 19; A.V.Shchetinina@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>.

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

СЛОВО МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'255.2, 821.111, 82-121

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-144-160

“TO-MORROW, AND TO-MORROW, AND TO-MORROW”: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК МОНОЛОГА-МЕТАТЕКСТА ИЗ ПЬЕСЫ У. ШЕКСПИРА «МАКБЕТ»

Дарья Николаевна Кожачкина

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Для контактов: thedownwardspiral@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье предлагается анализ, интерпретация и перевод на русский язык монолога Макбета *To-morrow, and to-morrow, and to-morrow* из пятого акта трагедии У. Шекспира «Макбет»; также даётся обзор версий монолога от других переводчиков. Монолог исследуется методами мотивного и стиховедческого анализа текста. С опорой на структуралистское понимание мотива (Б.М. Гаспаров, И.А. Паперно) данный текст рассматривается как цепочка мотивов, объединённых темой «тщётности (драматического) искусства», отсылающей к живописному жанру *vanitas*. Подтема искусства представлена в монологе мотивами декламации (задействован метрический уровень), сцены, актёрского ремесла, деятельности драматурга-постановщика. Подтема «тщётности» представлена через аллегорический образ Кроноса-Сатурна (мотивы бренности, безумия, хромоты). Стиховедческий анализ применяется для интерпретации первых трёх стихов монолога, в которых метафора «хода времени» построена на отсылке к античной квантитативной метрике, а именно к понятию «мора» (у Шекспира обозначено как *syllable of recorded time*), фонетически перекликающемся с латинским *mors, mortis* и греческим *μοῖρα* («часть, доля» — наименование богинь судьбы Мойр). Подчёркивается важность сохранения в русском переводе ритмического рисунка первого стиха, воспроизводящего «хромающий» ритм походки Сатурна (изобра-

жался хрымым стариком на алхимических и астрологических гравюрах). Демонстрируется связь образов Сатурна, Макбета, актёра (*a poor player*) и «безумного» драматурга. Предложенный перевод учитывает метатекстуальный характер монолога, говорящего и об искусстве в целом и об этой конкретной пьесе (этом тексте, этом актёре, этом драматурге). Перевод монолога сопровождается комментарием. Также в статье приводится перевод двух стихов о леди Макбет, предваряющих основной монолог; демонстрируется их метатекстуальный характер.

Ключевые слова: Шекспир, «Макбет», перевод, мотивный анализ, стилистический анализ, сопоставительный анализ

Для цитирования: Кожачкина Д.Н. “To-morrow, and to-morrow, and to-morrow”: проблема перевода на русский язык монолога-метатекста из пьесы У. Шекспира «Макбет» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025 № 3 С. 144–160. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-144-160

Статья поступила в редакцию 04.10.2025;
одобрена после рецензирования 09.10.2025;
принята к публикации 15.10.2025.

“TO-MORROW, AND TO-MORROW, AND TO-MORROW”: THE PROBLEM OF TRANSLATION OF MACBETH’S METATEXTUAL MONOLOGUE INTO RUSSIAN

Darya N. Kozhachkina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

For contacts: thedownwardspiral@mail.ru

Abstract. The subject of the current article is the specifics of the Russian translation of Macbeth’s monologue “To-morrow, and to-morrow, and to-morrow” from the final act of *Macbeth* by William Shakespeare. The article presents a translation of the piece into Russian, based on a motif analysis of the monologue and a versification analysis of the first three lines. The structural understanding of motif suggested by B.M. Gasparov and I.A. Paperno is used: the motifs are elements that represent different aspects of the general theme of the text. The findings: 1) the monologue is a structure of motifs corresponding with the theme of the vanity of (dramatic) art, which is a reference to the fine art *vanitas* genre. The subtheme of dramatic art is represented by the motifs

of declamation (the first line), stage performance, acting, and the playwright's work. The subtheme of vanity is presented by the motifs related to the allegorical image of Chronos/Saturn: mortality, madness, and limping (the last one refers to the medieval images of Saturn and emerges on a rhythmic level in the first line); 2) the monologue is a metatext about this particular recited text, actor, playwright, and this particular performance; 3) the versification analysis shows that the first three lines (especially the last syllable of recorded time) refer to the Greek and Latin metrics, which smallest unit was a short syllable called χρόνος πρῶτος ("the first time") or mora; 4) the associations of the term mora include the Latin mors, mortis and the Greek μοῖρα, which was the name of the three goddesses of fate; 5) Shakespeare's choice of the particular word to-morrow has rhythmic and phonic reasons, while the meaning of the word is synonymic for to-day; 6) the rhythm of the first line is necessary to be reproduced in Russian to support the original structure of the monologue and the reference to the image of the limping Saturn/passing Time. The offered translation of the monologue is accompanied by a commentary and analysis of previous translations. The translation of the two lines about Lady Macbeth's death is also provided.

Keywords: Shakespeare, "Macbeth", motif analysis, versification analysis, translation, contrastive analysis

For citation: *Kozhachkina D.N.* (2025) "To-morrow, and to-morrow, and to-morrow": The problem of translation of Macbeth's monologue into Russian. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 3. P. 144–160. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-3-144-160

The article was received on October 04, 2025; approved after reviewing on October 09, 2025; accepted for publication on October 15, 2025.

Введение

Как известно, перевод произведений Уильяма Шекспира на русский язык — задача настолько же актуальная, как и сами произведения английского поэта-драматурга. В настоящей статье речь пойдёт о проблеме перевода известнейшего монолога Макбета «To-morrow, and to-morrow, and to-morrow» из пятой сцены заключительного акта одноимённой трагедии.

Отметим, что нам удалось обнаружить по меньшей мере двадцать один полный стихотворный перевод данного произведения (плюс отдельный перевод монолога Макбета Р.В. Поплавского). Первый был сделан в 1836 году М.П. Вронченко, а самый последний, появившийся в 2024 году, принадлежит известному перевод-

чику Г.М. Кружкову. Сопоставление версий монолога Макбета от 1836 и 2024 гг. позволяет сделать вывод, что Вронченко переводит первые три стиха (которые иначе как «проклятыми» не назовёшь, поскольку на них спотыкается каждый переводчик) гораздо ближе к оригиналу, чем Кружков, не сумевший освободиться от влияния Б.Л. Пастернака («Мы дни за днями шепчем: “Завтра, завтра”»).

Перевод Вронченко (приводим в современной орфографии):
«[...] Завтра, завтра,
И снова завтра — день за днём, до утра
Последнего, идёт неслышным шагом». (Шекспир, 1836)

Перевод Кружкова: «Мы повторяем: завтра, завтра, завтра.
И с каждым «завтра» мелкими шажками
Мы приближаемся к концу времён». (Шекспир, 2024: 281)

Оригинал:
«To-morrow, and to-morrow, and to-morrow,
Creeps in this petty pace from day to day
To the last syllable of recorded time».
(New Arden Shakespeare, 1971:153)

Если Вронченко сохраняет хотя бы видимость связи с оригиналом, не передав, однако, сложной шекспировской метафоры, то Кружков теряет эту связь совсем.

Остальные переводы, в числе которых тексты таких мэтров, как Пастернак и Лозинский, несильно отличаются друг от друга при ощутимом смысловом расхождении с оригиналом. Низкую вариативность переводов по результатам машинного анализа отмечает И.И. Лисович (Лисович, 2018: 123–143).

Цель настоящей статьи — предложить версию перевода монолога на русский язык, предварительно эксплицировав смысл исходного текста с применением методов мотивного и стиховедческого анализа.

В своей работе мы опираемся на структуралистское понимание мотива, представленное в статье Б.М. Гаспарова и И.А. Паперно «К описанию мотивной структуры лирики Пушкина», где мотив определяется как «элемент одной сквозной тематической линии» (Гаспаров, Паперно, 1979: 10). Такой «сквозной линией» внутри монолога Макбета является тема тщетности искусства, соответствующая живописному жанру *vanitas*. Она распадается на две подтемы: а) собственно искусство, представленное мотивами декламации, сцены, актёрской игры и деятельности драматурга-постановщи-

ка; б) «тщетность», воплощённая в аллегорическом образе Кроноса-Сатурна, чьё присутствие в тексте обеспечивается мотивами бренности, безумия, а также хромоты. Последний реализован на метрическом уровне в первом стихе и разворачивается в сложную метафору, отсылающую к античной квантитативной метрике, в двух последующих стихах.

Настоящая статья включает в себя две части: первая посвящена разбору и переводу на русский «метрической» метафоры, а вторая предлагает полный перевод монолога с кратким комментарием. Основными критериями верификации перевода являются: 1) максимальное смысловое и лексическое соответствие оригиналу (приоритет у первого); 2) исчезновение из перевода разного рода «алогизмов» и «тёмных мест», традиционных для русских переводов Шекспира; 3) усиление целостности и структурированности конечного текста.

Анализ и интерпретация первых трёх стихов монолога

Говоря о начале монолога Макбета, выделим несколько ключевых особенностей:

- 1) троекратный рефрен в первом стихе;
- 2) словосочетание *petty pace* («мелкий (жалкий) шаг/темп»);
- 3) образ *the last syllable of recorded time* («последний слог ответственного/записанного/фиксированного времени»).

Стоит отметить, что именно третья строка искони ставила переводчиков в тупик. В особенности их, видимо, сбивало выражение *of recorded time*, из которого вырос образ «книги жизни», впервые появившийся у С.А. Юрьева: «И до последней буквы в книге жизни» (Шекспир, 1884) и повторившийся в переводах А. Радловой (Шекспир, 1935: 443), С.М. Соловьёва (Шекспир, 1938: 303), Ю. Корнеева (Шекспир, 1960: 93–94), В.Р. Поплавского (Поплавский, 2007), А.Б. Козлова (Шекспир, 2017: 95) и других. У Пастернака «последняя буква в книге жизни» превращается в «последнюю недописанную страницу» (Шекспир, 1951: 687), как если бы речь шла о поэте, застигнутом смертью за письменным столом. М.Л. Лозинский, не поняв метафору, переводит её именно в силу своего непонимания как «последнюю букву вписанного срока» (Шекспир, 1950: 592). Интересно, что И. Лисович, сравнивая переводы монолога с оригиналом, трактует шекспировский текст так же, как и переводчики: «Время в монологе — это летописец, он записывает ежедневные шаги, которые становятся слогами, но

в какую книгу она попадёт? Большинство переводчиков избирают “книгу жизни”» (Лисович, 2018: 140).

Между тем шекспировское «последний слог фиксированного/записанного времени», судя по всему, отсылает именно к античной метрике. Как отмечает Б. Снелль, «у греков упорядочено чередование долгих и кратких слогов <...>. Суть древнегреческого поэтического языка состоит в упорядочивании объективно измеримых величин» (Снелль, 1998: 13), то есть в различении кратких и долгих отрезков «отмеренного времени», говоря словами Шекспира. То же можно сказать и о латинском стихосложении. Краткий слог, самая малая единица счёта времени в стихе, по-гречески называется *χρόνος πρῶτος*, «первоначальное время», а по-латински — *mora*. Латинско-русский словарь О. Петрученко даёт следующее определение: «*переносн. поэт.* продолжительность времени, промежутки времени» (Петрученко, 2001: 397). Поэтому, надо полагать, «завтра, завтра, завтра» (*to-morrow*) движется именно к последней «море» (*to mora*).

Ассоциативный ореол термина «мора» должен был включать для Шекспира и латинское *mors, mortis* и греческое *μοῖρα* — «часть, доля», также ставшее наименованием для трёх Мойр-сестёр, богинь судьбы. Троекратное *tomorrow* превращается в *to-Mo(i)ra and to-Mo(i)ra and to-Mo(i)ra*, звуча в контексте пьесы как попытка Макбета заклясть ведьм, которые сами себя называют *the weird sisters*. Также отметим, что ямбическая стопа состоит из трёх мор (долгий — в нашем случае ударный — слог равен двум морам (Гаспаров, БСЭ)), то есть лексико-фонетическая отсылка к Мойрам дополняется в первом стихе отсылкой на метрическом уровне, маркированном из-за специфического рефрена и общего «стиховедческого» контекста первых трёх стихов.

Разумеется, передать это на русском языке не представляется возможным. Однако первый стих содержит намёк не только на трёх Мойр-ведьм, но и, в первую очередь, на жертву чужих предсказаний.

И «стиховедческая» терминология в первых трёх стихах (и *syllable* и *petty pace* — последний становится в контексте третьего стиха не абстрактным «мелким шагом» Лозинского, а скорее *жалким ямбом*), и само специфическое построение первого стиха через рефрен подталкивают нас к особой декламационной манере с выделением ударного слога:

To-mórrrow and to-mórrrow and to-mórrrow

U — | UU | U — | UU | U—| U

Тире на схеме обозначает ударный слог, а пиррихий — стопа, состоящая из двух слогов, на которые не падает ударение — обозначается как сочетание двух кратких слогов (UU).

Особенность декламации данного стиха с выделением ударных слогов состоит в том, что пиррихий *|-row and|* как бы «приволакивается» к *|to-mó|* при медленном произнесении, даже с учётом запятой перед каждым *and* в оригинальном тексте (из нашего перевода мы дерзнём убрать запятые).

Данное наблюдение позволяет нам ответить на вопрос, что за существо передвигается *to the last syllable of recorded time* (в оригинале глагол *to creep* стоит в единственном числе), но, разумеется, это наблюдение подкрепляется уже упомянутыми мотивами бренности бытия (*dusty death*) и безумия (*a tale told by an idiot*). Хотя в древнегреческих мифах о хромоте Сатурна ничего не сказано, многочисленные астрологические и алхимические гравюры Средних веков и Возрождения изображают этого бога с костылями и культей вместо одной ноги, возможно, как символ того, что старость и смерть не могут «догнать» бесконечно обновляющуюся жизнь.

Присутствие образа Сатурна в монологе Макбета обусловлено глубоким параллелизмом мифологического и литературного персонажей: Сатурн-Кронос, как и Макбет, с одной стороны, положительный герой (Макбет — победоносный воин, Сатурн — покровитель Золотого века), а с другой — узурпатор власти, сошедший с ума из-за чужого предсказания.

Таким образом, в первом стихе монолога Шекспиру удаётся совместить осязаемое «метрическое» присутствие хромающего Сатурна с фонетической отсылкой к Мойрам, богиням-предсказательницам. Хотя в «Теогонии» Гесиода сказано, что Кронос получил своё предсказание от родителей Урана и Гейи (Гесиод, 2001: 34), Шекспир заменяет их на Мойр, проводя параллель с сюжетом пьесы.

Отметим, что сохранить рефрен, не ломая строку анжамбеманом и не добавляя в неё инородных слов, удалось лишь Радловой: «Всё завтра, да всё завтра, да всё завтра...» (Шекспир, 1935: 443). Однако здесь перед нами встаёт вопрос другого порядка, а именно логическая целесообразность такого перевода, особенно в случае русского языка.

На наш взгляд, трёхсложное *to-morrow* было нужно Шекспиру для создания монотонного, вязкого, «хромающего» рефрена на довольно небольшом пространстве из одиннадцати слогов. С точки зрения смысла, данная метафора лишена логики, поэтому и непереводаема: как может «завтра» куда-то «красться», если оно ещё не

наступило? Ситуация осложняется тем, что «завтра» идёт именно к «последнему слогу», а не к лирическому герою на правах грядущей смерти, то есть нечто «крадущееся» не приходит извне, а движется с ходом времени, с настоящим (что сводит на нет все туманные философские рассуждения на тему глубинного значения слова *to-morrow* в духе “it is a profound irony, coming from Macbeth’s mouth, because he of all people ought to have been able to make to-morrow different from to-day and yesterday” (Spender, 1941: 124–125)).

С учётом данных соображений нам представляется, что адекватный перевод шекспировской метафоры возможен не с сохранением лексики оригинала, а с передачей подлинного смысла первого стиха — смысла декламационного, из-за которого, на наш взгляд, слово *to-morrow* там и появилось. То есть, вместо двусложного *завтра* в первом стихе русского перевода скорее должно стоять трёхсложное *сегодня*, подобно тому как *to-morrow*, отсылающее к морю и Мойрам, заменило у Шекспира слишком короткое *to-day* и заставило русских переводчиков придавать этому стиху смысл в духе «я всё на завтра отложу» («Мы дни за днями шепчем: “Завтра, завтра”» — Пастернак).

О глубине непонимания переводчиками метрической метафоры в начале монолога может свидетельствовать, например, стихотворный перевод «Макбета» А.Ю. Чернова, в котором монолог *To-morrow, and to-morrow, and to-morrow* по соображениям неясного свойства переведён прозой: «И завтра будет завтра, и ещё раз завтра, и ещё, и ещё, и ещё. День за днём, день за днём, день за днём, потчуют нас бессмысленными завтраками, обедами и ужинами [...]» (Шекспир, 2015).

Перевод монолога с комментарием

Приведём шекспировский оригинал и наш вариант перевода:

Оригинал:

To-morrow, and to-morrow, and to-morrow,
Creeps in this petty pace from day to day
To the last syllable of recorded time,
And all our yesterdays have lighted fools
The way to dusty death. Out, out, brief candle!
Life’s but a walking shadow, a poor player
That struts and frets his hour upon the stage
And then is heard no more; it is a tale
Told by an idiot, full of sound and fury,
Signifying nothing. (New Arden Shakespeare, 1971: 153–154)

Наш перевод (курсивом выделены места, не совпадающие с каноническими переводами Пастернака и Лозинского; клаузулы оригинала сохранены):

Сего́-дня и сего́-дня и сего́дня
Хромает жалким ямбом, день за днём,
И вот уже стопы последний шаг.
«Вчера» лишь освещали дуракам
Путь к пыльному забвенью. Гасни, свечка!
Жизнь — только тень. Актёришка безвестный,
Что лезет битый час из кожи вон
И пропадёт как не был. Это фарс
Кретина, полный грохота и воя,
Да жаль, не смысла.

Комментарий:

хромает жалким ямбом — варианты переводчиков *красться/ползти/плестись*, соответствующие словарному значению глагола *to creep*, заменены нами на единственно возможный глагол при описанной выше интерпретации первого стиха. Оригинальное единственное число глагола сохранено. Отметим, что рефрен первого стиха в любом случае влияет на глагол, как бы логически притягивая множественное число — отсюда в текстах других переводчиков именно *дни*, которые куда-то *крадутся*. Между тем при сохранении единственного числа образ получается более жутким, поскольку «ползёт» даже не *to-morrow* (втроём), а непоименованное *оно*, встающее за рефреном первого стиха. В контексте «стиховедческого» наполнения начала монолога *расе* переведено нами как *ямб*;

стопы последний шаг — из-за невозможности сохранения оригинального фонетического строя первого стиха, подразумевающего слог-мору, *syllable* заменено нами на многозначный термин из той же сферы (*стопа*). Мы позволили себе отступить от оригинала (полной аналогией был бы *стопы последней шаг*) в силу большей логичности и «идиоматичности» именно такого варианта (фразеологизм *сойти в гроб/в могилу*), а также для усиления акцента на единственном числе глагола *хромать* из второго стиха, поскольку *последняя стопа* подразумевала бы, опять же, большое количество ног «идущих дней»;

путь к пыльному забвенью — опорным словом послужил эпитет *dusty*, обретающий смысл только в контексте смерти, понятый как забвение, забытость («покрыться пылью»). Значение этого эпитета обусловило трансформацию оригинального *death* в *забве-*

ние. К слову, переводчики не поняли этот образ, в лучшем случае передавая его как *могилу/гроб* без каких-либо эпитетов (Вронченко, Кронеберг, Пастернак), в худшем — применяя алогичные эпитеты (оксюморонное «*путь / в смерть тленную*» в переводе Радловой; «*путь / к могиле пыльной*» в переводах Корнеева и Кружкова, хотя могила, как правило, *сырая*, а не *пыльная*). По мысли некоторых переводчиков *пыльная смерть*, видимо, подразумевает абстрактное превращение в прах всего сущего, однако сам контекст монолога, начинающегося с тематизирования декламации и метрики, подсказывает более конкретную интерпретацию: картину пылящихся, забытых томиков Шекспира или пылящегося театрального реквизита;

гасни, свечка! — повторить оригинал дословно не удалось из-за длины слов в русском языке. Ключевым при переводе восклицания явилось наблюдение над характеристиками времени в монологе, которое предстаёт то как монотонное, ползущее (рефрен первого стиха, глагол *to creep*, словосочетание *petty pace*), то как слишком быстрое (образ *brief candle*, связанный с *all our yesterdays* через глагол *to light*). Такой контраст соблюдается нами во всём монологе: *хромает жалким ямбом vs и вот уже стопы последний шаг; лезет битый час из кожи вон vs пропадёт как не был*. Сочетание процессуальных глаголов *дотлевай/истлевай* и существительного *огарок* в версиях Лозинского и Корнеева противоречат шекспировскому эпитету *brief* (свеча у них горит настолько долго, что даже её «огарок» ещё способен «дотлевать»). Если видеть в *brief candle* отсылку к театральному освещению, то строка с *all our yesterdays* фактически означает прошлые премьеры, которые должны были «мостить» путь в вечность, но вместо этого ведут лишь к забвению. Предположим, что, возможно, с помощью свечей не только освещали театр, но и отмеряли длительность актов пьесы, и тогда образ переключается с *the last syllable of recorded time*. Как таковая, погасшая свеча традиционно изображалась на картинах жанра *vanitas*;

фарс кретина, полный грохота и воя — здесь мы отступили от традиционного буквализма для поддержания внутренней логики всего монолога. Монолог начинается с декламации и стиховедческой метафоры — по сути Шекспир тематизирует *этот* конкретный, произносимый со сцены стихотворный текст. Затем он переходит к фигуре актёра, и актёр тоже не абстрактный «комедант/фигляр», а этот самый актёр, который играет роль Макбета (именно поэтому в нашем переводе он *лезет битый час из кожи вон*; эпитет *безвестный* взят нами *sub specie aeternitatis*, вне за-

висимости от степени известности условного исполнителя роли). Затем, что вполне логично, Шекспир переходит к автору-постановщику, то есть к самому себе («идиот, рассказывающий сказки»), и тематизирует конкретную постановку, в которой много *sound and fury*: «Макбет» буквально начинается с *шума*, а вернее — *грохота* грозы. Открывая пьесу ремаркой про *thunder and lightning*, Шекспир как бы «бравирует» спецэффектами перед зрителем. Для экспликации сценографического смысла последних строк и указания непосредственно на Шекспира как «денотата» образа идиота, мы заменили многозначное *tale* на более специфичное *фарс*. Оригинальное *fury* переведено как *вой*, чтобы дополнительно акцентировать метатекстуальную природу монолога, непосредственно перед которым за сценой слышны женские крики. Слова *грохот* и *вой*, в свою очередь, обуславливают характеристику «сказок идиота» именно как *фарса*.

У других переводчиков финальный образ монолога выглядит крайне невразумительно из-за изначального непонимания открывающей метафоры. Сначала какие-то *завтра* куда-то *крадутся*, потом появляется «книга жизни» / «последняя буква» / «последняя страница», а жизнь сравнивается с актёром (самое понятное из всего потока бессвязных метафор), а затем она оказывается *дураком*, рассказывающим *повести*, в которых почему-то много не только *страстей*, но и *шума* (Лозинский) — то есть уподобляется буйнопомешанному со склонностью к сказительству. Если упустить декламационно-стиховедческий смысл первых трёх стихов, монолог попросту будет разваливаться, а образы *дураков*, *дней-свечей* и *пыльной смерти*, связанные с *актёром* и *идиотом*, останутся без ключа. Хотя свою логику вполне можно отыскать даже в самом нелепом переводе, исходную стройность и глубину текст неизбежно потеряет.

Для полноты картины необходимо перевести два стиха о леди Макбет, предшествующие основному монологу: *She should have died hereafter; / There would have been a time for such a word* (New Arden Shakespeare, 1971: 152–153) — «Она должна была скончаться после, / Когда для этого наступило бы подходящее время»). Реплика Макбета сама по себе звучит скорее как загадка (что значит «после» и какое время должно наступить?), которую стилистически продолжает каламбур про *to-morrow / to-mora*. Наш перевод звучит так: *Она должна была скончаться дальше, / Есть для такого слова свой черёд*. Русский глагол *скончаться* позволяет, не отступая от оригинала, построить двустипшие как своеобразное ка-

ламбурное метавысказывание того же порядка, что и следующий за ним монолог, поскольку *скончаться* трагический герой может только в *конце* трагедии. Отметим, что *hereafter* вызывало вопросы даже у англоязычных комментаторов (New Arden Shakespeare, 1971: 152–153).

К слову, если сцену с сообщением Сейтона о смерти леди Макбет (а следовательно, и монолог Макбета) вынуть за скобки, то в сюжете пьесы как будто ничего не поменяется. Героиня действительно умрёт «в конце»: в заключительном монологе Малькольм довольно подробно освещает это событие: [...] *his fiend-like queen, / Who, as 'tis thought, by self and violent hands / Took off her life* (New Arden Shakespeare, 1971: 162–163).

У других переводчиков «Макбета» выходит, что герой, который совсем недавно, в третьей сцене пятого акта, приказывал доктору облегчить страдания своей жены, через пару страниц раздражённо говорит: «Не догадалась умереть попозже, / Когда б я был свободней, чем сейчас!» (Пастернак) или то же самое, но более бесстрашно: «Ей надлежало бы скончаться позже: / Уместнее была бы эта весть» (Лозинский). У Корнеева Макбет больше похож на человека, которого смерть супруги отвлекает от интересного футбольного матча: «Что б умереть ей хоть на сутки позже! / Не до печальной вести мне сегодня». В монографии Н.Н. Коноплёвой о переводах «Макбета» версия Корнеева охарактеризована следующим образом: «[...] перевод абсолютно адекватен (*sic!* — Д.К.), если бы не произвольное добавление *так* — в каждом деле (курсив автора цитаты — Д.К.)» (Коноплёва, 2018: 212). То есть Макбет, по мысли Корнеева и Коноплёвой, предваряет монолог в жанре *vanitas* словами о том, что горевать ему некогда, в то время как у других переводчиков ему просто *некогда*, хоть бытие и тщетно.

В новом переводе Кружкова в Макбете как будто просыпается капризный эстет: «Могла бы отложить хотя б до завтра. / Какой неподходящий выбран день!». Между тем самоубийство супруги настолько «ничего не значит» для героя, что после известия об этом он, через посредство актёра, начинает язвить в адрес драматурга, объявляя со сцены, что вся его пьеса — идиотский плохо написанный фарс, который не хочется доигрывать до конца. Можно сказать, что смерть героини возникает как своего рода сценический форс-мажор, заставляющий актёра на короткое время выйти из роли, как будто уже не три ведьмы, а непосредственно Шекспир обманывает ожидания героя, «убив» его супругу раньше времени.

И даже реплика в адрес гонца (*Thou com'st to use thy tongue; thy story quickly* (New Arden Shakespeare, 1971: 154) — «Ты чушь пришёл молоть. Давай короче»), которая вроде бы должна свидетельствовать о «занятости» Макбета, прямо вытекает из слов про «сказку идиота»: он действительно торопится — закончить спектакль (вспоминается евангельское «что делаешь — делай скорее»). К концу представления и герой, и актёр переживают своего рода утрату смысла. Но, в отличие от шекспировского Брута, Макбет, обманутый силами зла (и самим собой), переживший супругу, оставшийся в полном одиночестве, проигравший всё — продолжает сражаться. Потому что, как мы помним из начала пьесы, это он умеет лучше всего.

Выводы

Всё вышесказанное позволяет нам сделать ряд выводов:

1) «Ключ» к правильному пониманию монолога Макбета заложен в первых трёх стихах, сравнивающих быстротечность времени со скоростью произнесения со сцены конкретного декламируемого текста (метафора построена с отсылками на античную квантитативную метрику, в основу которой положена именно временная продолжительность слогов). Соответственно, адекватный перевод монолога на русский язык возможен только с сохранением смысла оригинальной метафоры. В предложенном переводе мы попытались показать, что шекспировские «алогизмы», по крайней мере, в пространстве данного монолога, скорее являются следствием непонимания переводчиками исходного текста.

2) Монолог построен на приёме восходящей градации, при котором рефлексия о декламируемом тексте пьесы переходит в рефлексию о ремесле актёра, а затем — об авторе-постановщике.

3) Монолог является метавысказыванием о пьесе и всех её «составляющих»: об *этом* тексте, об *этом* актёре, играющем роль Макбета, и о *конкретном* авторе-постановщике — Шекспире. Свидетельством этому является, например, сочетание *sound and fury* («пыл/ярость и грохот»), воспроизводящее сценические аспекты пьесы.

4) Ключевой темой монолога, отсылающего к живописному жанру *vanitas*, является тщетность искусства. Подтема искусства воплощается в тексте через мотивы декламации, сцены, актёрской игры. Подтема тщетности передана через аллегорический образ Кроноса-Сатурна — мифологического воплощения времени; бога, «обезумевшего» из-за чужого предсказания. Данная подтема реализуется в тексте с помощью ряда «сатурнических» мотивов, как

то: мотив хромоты, реализуемый на уровне ритмического рисунка рефрена из первого стиха; мотив бренности человеческой жизни и искусства; мотив «безумия» автора пьесы. Мифологическое божество, драматический персонаж, актёр, играющий этого персонажа, и автор пьесы равно раскрываются в качестве трагических и потому соприродных друг другу героев.

5) Предложенная интерпретация монолога как метавысказывания позволяет, в свою очередь, раскрыть смысл двух стихов о смерти леди Макбет, предваряющих этот монолог. Шекспировское *hereafter* («позже»), по-видимому, относится к тому, что леди Макбет буквально умерла раньше положенного для трагической героини, то есть раньше непосредственного финала пьесы.

Список литературы

Гаспаров М.Л. Мора // Большая советская энциклопедия: в 30 т. [Электронный ресурс] URL: booksite.ru/fulltext/1/001/008/078/063.htm. Дата обращения: 04.09.2025.

Гаспаров Б.М., Панерно И.А. К описанию мотивной структуры лирики Пушкина // Russian Romanticism Studies in the Poetic Codes. Stockholm, 1979. С. 9–44.

Гесиод. Теогония / пер. В. Вересаева // Гесиод. Полное собрание текстов / Вступ. ст. В.Н. Ярхо. Комм. О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. Лабиринт, 2001. С. 20–50.

Коноплёва Н.Н. «Мрак бездонный замыслов Макбета». Комментарии к переводам монологов Макбета (трагедия В. Шекспира «Макбет»). Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2018. 257 с.

Лисович И.И. “Life’s but a walking shadow, a poor player”: проблема вариативности русских переводов пьесы «Макбет» У. Шекспира [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания, 2018. № 6. С. 123–143. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/896> (дата обращения: 05.09.2025). DOI: 10.17805/ggz.2018.6.9.

Петрученко О. Латинско-русский словарь. Репринт 9-го издания 1914 года. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. 810 с.

Поплавский В.Р. Финал «Макбета». 2007 [Электронный ресурс]. URL: rus-shake.ru/translations/Macbeth/Poplavskiy/2007/. Дата обращения: 04.09.2025.

Снель Б. Греческая метрика. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998. 117 с.

Шекспир В. Макбет / пер. М.В. Вронченко, 1836; [Электронный ресурс] URL: [ru.wikisource.org/wiki/Макбет_\(Шекспир;_Вронченко\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Макбет_(Шекспир;_Вронченко)). Дата обращения: 04.09.2025

Шекспир В. Макбет / пер. С.А. Юрьева. [Электронный ресурс], 1884; URL: [ru.wikisource.org/wiki/Макбет_\(Шекспир;_Юрьев\)/PM_1884_\(ДО\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Макбет_(Шекспир;_Юрьев)/PM_1884_(ДО)). Дата обращения: 04.09.2025

Шекспир В. Макбет / пер. А. Радловой // Шекспир В. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 5 / под ред. С.О. Динамова и А.А. Смирнова. Л.: Academia, 1936. С. 361–450.

Шекспир В. Макбет / пер. С.В. Соловьев // Шекспир В. Избр. соч.: в 4 т. Т. 1 / ред., вступ. ст. и объяснения А.А. Смирнова. М.; Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ. Т. 1. XXXIX, 1938. С. 191–313.

Шекспир У. Макбет / пер. М.Л. Лозинского // Шекспир В. Избранные произведения / под ред. М.П. Алексеева, А.А. Смирнова. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит. XVII, 1950. С. 562–594.

Шекспир У. Макбет / пер. Б.Л. Пастернака // Шекспир В. Трагедии / ред., вступ. ст. и примеч. М.М. Морозова. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы, 1951. С. 601–695.

Шекспир У. Макбет / пер. Ю.Б. Корнеева // Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8 т. / под ред. А.А. Смирнова, А.А. Аникста, 1960. М.: Искусство. Т. 7. С. 3–100.

Шекспир У. Макбет / пер. А.Ю. Чернова, 2015. [Электронный ресурс] URL: nestoriana.wordpress.com/2017/11/17/makbet/. Дата обращения: 08.09.2025.

Шекспир В. Макбет / пер. А.Б. Козлова. Ridero, 2017. 102 с.

Шекспир У. Макбет / пер. Г. Кружкова // Шекспир У. Макбет: трагедии / пер., коммент. Г. Кружкова. М: Эксмо, 2024. С. 175–290.

New Arden Shakespeare. *Macbeth* (1971) / ed. by K. Muir. London: Methuen, pp. 153–154.

Spender Stephen (1941). *Time, Violence, and Macbeth*. *The Penguin New Writing* no. 3 (February), pp. 115–126.

References

Gasparov M.L. Mora. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*. v 30-ti vol. 3-e izd = Big soviet encyclopedia in 30 vol. 3rd edition. Available at: booksite.ru/fulltext/1/001/008/078/063.htm. Accessed: 04.09.2025 (In Russian).

Gasparov B.M., Paperno I.A. (1979) *K opisaniyu motivnoy struktury liriki Pushkina* = To the description of the motive structure of Pushkin's lyric poetry. *Russian Romanticism Studies in the Poetic Codes*. Stockholm. pp. 9–44 (In Russian).

Gesiod. (2001) *Teogoniya* = Theogony. Translated by V. Veresayev. *Gesiod. Polnoye sobraniye tekstov*. Intr. by V.N. Yarkho. Comm. By O.P. Tsybenko and V.N. Yarkho. *Labirint Publ.* pp. 20–50 (In Russian).

Konoplyova N.N. (2018) “*Mrak bezdonnyy zamyslov Makbeta*”. *Kommentarii k perevodam monologov Makbeta (tragediya V. Shekspira “Makbet”)* = “*Mrak bezdonnyy zamyslov Makbeta*”. *Commentary on the Russian translations of Macbeth's monologues*. Saratov: Saratovskiy istochnik. 257 p. (In Russian).

Lisovich I.I. (2018) “*Life's but a walking shadow, a poor player*”: problema variativnosti russkikh perevodov p'yesy «*Makbet*» U. Shekspira = “*Life's but*

a walking shadow, a poor player”: Variation in Russian Translations of W. Shakespeare’s “Macbeth”. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. No. 6, pp. 123–143. Available at: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/896> (accessed: 05.09.2025). DOI: 10.17805/ggz.2018.6.9 (In Russian).

Petruchenko O. (2001) *Latinsko-russkiy slovar'*. Reprint 9-go izdaniya 1914 goda = Latin-Russian dictionary. The 9th edition reprinted. Moscow: Grekolatinskiy kabinet Yu.A. Shichalina. 810 p. (In Russian).

Poplavskiy V.R. (2007) Final “Makbeta”. Available at: rus-shake.ru/translations/Macbeth/Poplavskiy/2007/. Accessed: 04.09.2025 (In Russian).

Snell' B. (1998) *Grecheskaya metrika = Greek metrics*. Moscow: Grekolatinskiy kabinet Yu.A. Shichalina. 117 p. (In Russian).

Shekspir V. (1836) *Makbet = Macbeth*. Perevod M.V. Vronchenko. Available at: [ru.wikisource.org/wiki/Макбет_\(Шекспир;_Вронченко\)/ДО](http://ru.wikisource.org/wiki/Макбет_(Шекспир;_Вронченко)/ДО). Accessed: 04.09.2025.

Shekspir V. (1884) *Makbet = Macbeth*. Perevod S.A. Yur'yeva. Available at: [ru.wikisource.org/wiki/Макбет_\(Шекспир;_Юрьев\)/PM_1884_\(ДО\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Макбет_(Шекспир;_Юрьев)/PM_1884_(ДО)). Accessed: 04.09.2025 (In Russian).

Shekspir V. (1936) *Makbet = Macbeth*. Perevod A. Radlova. *Shekspir V. Poln. sobr. soch v 8 vol. Vol. 5*. Pod red. S.O. Dinamova i A.A. Smirnova. Leningrad: Academia, pp. 361–450 (In Russian).

Shekspir V. (1938) *Makbet = Macbeth*. Perevod S.V. Solov'yeva. *Shekspir V. Izbr. soch. V 4 vol. Vol. 1*. Pod red I komm. A.A. Smirnov. Moscow; Leningrad: Detizdat TSK VLKSM. Vol. 1. XXXIX, pp. 191–313 (In Russian).

Shekspir U. (1950) *Makbet = Macbeth*. Perevod M.L. Lozinskiyy. *Shekspir V. Izbrannyye proizvedeniya Pod red. M.P. Alekseyeva, A.A. Smirnova*. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozh. lit. XVII, pp. 562–594 (In Russian).

Shekspir U. (1951) *Makbet = Macbeth*. Perevod B.L. Pasternaka. *Shekspir V. Tragedii. Vst. st. i prim. M.M. Morozov*. Moscow; Leningrad. Gos. izd-vo detskoy literatury, pp. 601–695 (In Russian).

Shekspir U. (1960) *Makbet = Macbeth*. Per. Yu.B. Korneyeva. *Shekspir V. Poln. sobr. soch. v. 8 vol. Vol. 7*. Pod. red. A.A. Smirnova, A.A. Aniksta. Moscow: Iskustvo, pp. 3–100 (In Russian).

Shekspir U. (2015) *Makbet = Macbeth*. Perevod A.Yu. Chernova. Available at: nestoriana.wordpress.com/2017/11/17/makbet/. Accessed: 08.09.2025 (In Russian).

Shekspir V. (2017) *Makbet = Macbeth*. Perevod A.B. Kozlova. *Ridero*, 102 p. (In Russian).

Shekspir U. (2024) *Makbet = Macbeth*. Perevod G. Kruzhkova. *Shekspir U. Makbet: tragedii. Transl. and comm. by G. Kruzhkov*. Moscow: Eksmo, 2024, pp. 175–290 (In Russian).

New Arden Shakespeare. *Macbeth* (1971). Ed. by K. Muir. London, Methuen, pp. 153–154.

Spender Stephen (1941). *Time, Violence, and Macbeth*. *The Penguin New Writing No. 3* (February), pp. 115–126.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Дарья Николаевна Кожачкина — аспирант филологического факультета СПбГУ (кафедра истории русской литературы), Университетская наб., д. 11, 199034, Санкт-Петербург, Россия; thedownwardspiral@mail.ru; ORCID: 0009-0005-7816-9302.

ABOUT THE AUTHOR:

Darya N. Kozhachkina — Graduate Researcher at the Department of Philology, Saint-Petersburg State University, Universitetskaya emb., 11, 199034, Saint-Petersburg, Russia; thedownwardspiral@mail.ru; ORCID: 0009-0005-7816-9302.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

Корректор А. В. Игумнов. Компьютерная верстка В. Н. Кокорев

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.
Тел.: 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 25.11.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,20. Уч.-изд. л. 9,0.
Тираж 40 экз. Изд. № 13102. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23;
e-mail: zakaz@msupress.com. Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru